

ВАЛБТЕР ФОН ДЕР ФОГЕЛЬВЕЙДЕ

ВАЛБТЕР
ФОН ДЕР
ФОГЕЛЬВЕЙДЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

WALTHER
VON DER
VOGELWEIDE

GEDICHTE

ВАЛЬТЕР
ФОН ДЕР
ФОГЕЛЬВЕЙДЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Издание подготовили:

В. В. ЛЕВИК, В. Б. МИКУШЕВИЧ,
Б. И. ПУРИШЕВ, Д. Л. ЧАВЧАНИДЗЕ

МОСКВА
«НАУКА»
1985

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»**

*Н. И. Балашов, Г. П. Бердников,
И. С. Брагинский, М. Л. Гаспаров, А. Л. Гришунин,
Л. А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова,
Б. Ф. Егоров (заместитель председателя),
Н. А. Жирмунская,
Д. С. Лихачев (председатель),
А. Д. Михайлов,
Д. В. Ознобишин (ученый секретарь),
Д. А. Ольдерогге, Б. И. Пуришев,
А. М. Самсонов (заместитель председателя),
Г. В. Степанов, С. О. Шмидт*

**ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Б. И. ПУРИШЕВ**

*Вальтер фон дер Фогельвейде.
Большая Гейдельбергская рукопись.*

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Творческое наследие немецкого миннезингера Вальтера фон дер Фогельвейде по широте своей тематики выходит за пределы миннезанга. Он не случайно считается первым национальным немецким поэтом. В его песнях нашли отражение и общее мировосприятие людей позднего средневековья, и личный мир человека, принадлежащего к рыцарскому кругу, и положение в Священной Римской империи германского народа в пору феодальных междоусобиц.

Точную хронологическую последовательность появления произведений Вальтера установить невозможно, поэтому перед каждым из его издателей встает вопрос о порядке их размещения. Чаще всего их распределяют по двум группам: песни и шпрухи — такое деление было предложено К. Зимроком, который впервые полностью перевел Вальтера на современный немецкий язык, в издании: *Gedichte Walthers von der Vogelweide / Übers. von Karl Simrock. Leipzig, 1838.*

Составители данной книги не сочли нужным следовать этому принципу не только потому, что жанровое различие песни и шпруха не всегда достаточно заметно, тем более у Вальтера. Более выразительным для понимания смысла его лирики показалось выделение собственно любовной, затем стихотворений, возникших по конкретному поводу, и, наконец, стихотворений общего, морально-дидактического характера.

Разумеется, такое распределение не претендует на непогрешимость, так как у Вальтера часто перемежаются, например, любовные мотивы и назидания, рассказ о частном случае и широкие размышления о жизни и нравах; однако оно позволяет судить о важнейших гранях творчества замечательного средневекового поэта. Не обозначая специально рубрики, составители расположили под номерами с I по LIX первую группу стихотворений, с LX по CXXX — вторую, с CXXXI — третью. Внутри групп (в особенности это оказалось возможно в отношении второй) мы попытались соблюсти приблизительную хронологическую последовательность.

Составители сочли также целесообразным дать подборку песен Рейнмара фон Хагенау, старшего современника Вальтера. Это позволит читателю составить представление о творческой индивидуальности самого Вальтера, сложившейся отчасти под влиянием Рейнмара, отчасти в полемике с ним.

1

Беседуя, лежал
В объятьях милой рыцарь,
Но вот рассвет на небе забрезжил голубой,
И перед ним редеет и отступает тень.

⁵ «Проклятый этот день!
Опять он помешал, —
Вздыхнув, сказала дама, — блаженствовать
с тобой!
Любовью боль назвать — кто мог так ошибиться!»

«Моя любовь, мой друг,
¹⁰ Не плачь, судьбу кляня,
Для нас обоих лучше, коль я уйду сейчас.
Уже настало утро, и на дворе светло».

«О милый, тяжело
С тобой расстаться вдруг.

¹⁵ Не делай сердцу больно, как делал много раз,
Или к другой спешишь ты? Иль разлюбил меня?»

«Ну что ты, госпожа!

Я навсегда с тобой,

Но лишь открой, что сердце твое мне повелит:

²⁰ Как выйти, чтобы стражу и завтра обмануть?»

«Мой милый, труден путь,

Но боль острее ножа:

Пока с тобой не лягу, тоска мне грудь сверлит.

Приди ж как можно раньше, дай верить мне:

ты мой!»

25 «Ужель хочу иного?

Мне тяжело самому.

И день с тобой в разлуке мне горек, госпожа.

Но в сердце ты со мною, но сердцем я с тобой».

«Мой друг, иди за мной,

30 И вместе будем снова,

Коль вновь без колебаний придешь ты, мне

служа.

Увы, сияет солнце, и день рассеял тьму».

«Что мне в букете роз,

Когда я уйду?»

35 Любимая! Подруга! Противны мне цветы,

Как бесприютной пташке суровая зима».

«О, я сойду с ума,

День горе мне принес,

И я еще не знаю, когда вернешься ты.

40 Побудь еще минуту, порадуй госпожу!»

«О госпожа, прости!

Я твой, в твоей я власти.

Оставь же подозренья и мне уйти позволь!

С дневною песней сторож обходит третий круг».

45 «Тогда пора, мой друг,

Пора тебе идти.

Но твой уход лишь горе мне принесет и боль,

Пускай тебя всевышний хранит от злой напасти!»

И рыцарь прочь идет,

50 Терзаемый тоской.

Идет, в глубоком горе оставив госпожу.

Она глядит в окошко, и горько слезы льет,

И молвит: «Проклят тот,

Кто песню дня поет.

- ⁵⁵ Уже прошло все утро, а я в слезах сижу.
Ушел, ушел любимый и отнял мой покой!»

II

- «О госпожа, сердиться не надо.
Верьте, учтив и приятен мой слог.
А для меня и честь и награда —
Если б я вам понравиться мог.
- ⁵ Я женщин красивее вас не видал,
Если же вы красоту с добротой
Соединили в себе — я не скрою:
Вы достойны высших похвал».
- «Что же, хвалите, если угодно,
¹⁰ Видите, я уже не дитя.
Тот, кто воспитан, может свободно
Все мне сказать — и всерьез и шутя.
Мне говорили, что я хороша,
Но я бы хотела еще и другого:
- ¹⁵ Быть женщиной в лучшем значенье слова.
При красоте важна и душа».
- «Я вам открою, что делать должны вы,
Чем, как женщина, славиться впредь:
Вы должны быть с достойным учтивы,
- ²⁰ Ни на кого свысока не смотреть.
И, одного безраздельно любя,
Принадлежа одному всецело,
Взять в обмен его душу и тело,
Я вам дарю их — дарю вам себя».
- ²⁵ «Если не всех я встречала приветом,
Если была неучлива, горда,

Я бы охотно исправилась в этом.
Вы-то со мною любезны всегда!
Да, вы мой рыцарь, и вот ваша роль:
30 Я бы вас другом видеть хотела.
А отнимать у кого-нибудь тело
Я не хочу — это страшная боль».

«О госпожа, я готов попытаться,
Мне приходилось терпеть и не то.
35 Ну, а чего же вам-то бояться?
Если умру, то счастливым зато».
«Пусть умереть вам охота приспела,
Значит, и мне — на смертное ложе?
Я не хочу умирать, так чего же
40 С вами меняться на душу и тело?»

III

«Послушайте, дама, во имя Христово,
Помочь хочу я вашему счастью.
Утешьте рыцаря молодого,
Он любит вас, он измучен страстью.
5 Решайте, дама, и в добрый час!
Примите речь мою без досады:
Все будут рады,
Коль в этой игре одолеет он вас.

И не сердитесь: вы сами вначале
10 Настроили друга на радостный лад.
Если разгонит он ваши печали,
Кто же, скажите, не будет рад?

Крылья души он сразу расправит,
Чувствуя, что разбивается лед.

15 Как он вас тогда воспоеет,
Как добродетели ваши прославит!

Дама, забудьте страх и смущенье
Ради его заветной мечты.
Вы для него воплощенье

20 Чести, достоинства, доброты.

Полон радостью жизни вновь,
Он устремится к подвигам новым,
Делом и словом
Сея добро, прославляя любовь».

25 «Знаю его настроений порывы,
Голову он терял уж не раз.
Улицы прямы, да улочки кривы,
Как ему верить, спрошу у вас.

Если верна его дорога,

30 Пусть меня увлекает любой.
Ложной тропой
Не соблазнюсь, уповая на бога».

IV

Вздумал я надолго замолчать,
Однако снова буду петь;
Люди добрые велят начать,
Их слушаться готов я впредь.

5 Для них я буду петь покорно,
Уповая, что мою печаль
Они разделят непритворно.

Я ли, бедный, лучшего не стою?
Участь моя тяжела.

- 10 Женщина, прославленная мною,
Мною же пренебрегла.
Владычица моя горда,
Но как только петь я перестану,
Ее слава минет навсегда.
- 15 О господи, ее же каждый оскорбит,
Стоит мне песнь мою прервать;
Ей, возвеличенной, не избежать обид;
Безжалостной несдобровать.
- Тысячи сердец в ладу
- 20 Со мною были и со мной пребудут,
Когда я от нее уйду.
Вообразив, что она хороша,
Я натерпелся горьких бед;
Но она, против меня греша,
- 25 Свищет себе во вред.
Заверяю в свой черед:
Прославлена моею жизнью,
Убив меня, сама умрет.
Облысев, состарюсь наконец;
- 30 Она не будет молода;
И пожилую вдруг прельстит юнец,
Отмстит он за меня тогда.
Друг! Помоги тебе господь
Старуху сморщенную эту
- 85 Гибкой розгою пороть!

V

Это чувство и сладко и ново,
И все ж это боль, отчего — не пойму.

Я рыцаря полюбила младого
И отказывать больше не в силах ему.
8 Мне трудно бороться с его мольбой,
И не знаю, не знаю, что делать с собой.

Порою себе я кажусь непреклонной,
Хозяйкой воли своей, и тогда,
Как ни просит мой рыцарь влюбленный,
10 Я остаюсь перед ним тверда.
Но тут же вопрос себе задаю:
Сохраню ли до завтра я твердость мою?

Если бы он навещал меня реже,
Было б не так искушение сильно,
15 Он уходит, а мысли все те же:
Я ведь ему уступлю все равно.
И рада б я сдаться, но женский мой стыд
Подольше не соглашаться велит.

И страхи в сердце моем теснятся,
20 И мысли шепчут со всех сторон,
Что — как ни страшно — приходится сдаться,
Исполнить то, что требует он.
И мне не избежать этого дня.
Ведь этого сердце и хочет и ждет от меня.

25 Лучшие люди меня уверяли,
Что вся его жизнь образцовой была.
Так я равнодушной остаться могла ли?
Я сердце до гроба ему отдала.
Каждый мне в сердце проникнуть бы рад,
30 Но все проиграли игру, всем
дал мой возлюбленный мат.

VI

В этом взоре, глубоко разящем,
Скрыта возвышающая сила.
Я люблю, я жажду видеть чаще
Ту, кто разум мой укрепостила.
5 Видя, как я предан ей, она
Безусловно верить мне должна.

Сердце к ней стремилось не случайно,
Я тоску не в силах превозмочь.
Вижу эту комнату, где тайно
10 Проводил я с нею день и ночь.
Кто вернет мне эти времена,
Если так противится она?

Верность ею ценится так мало!
Я, мужчины, обращаюсь к вам:
15 Нет ей веры! Ей лишь брань пристала,
Похвалы — нет, не для этих дам.
Почему мне портит кровь она,
Если так любовь моя верна?

VII

Нет, не знал я до сих пор такой отрады;
Будет мною мой восторг воспет.
Так велит она, и лучше нет награды,
Чем ее целительный привет.

5 Овладела мной любовь.
Как она мне досаждаст!
Услаждает
И печалит вновь.

- Если бы помог мне бог достигнуть цели,
10 Счастье даровав мне без границ,
У меня бы тело и душа запели:
Нет на свете краше чаровниц.
- Неизвестно было мне,
Как любовь над сердцем властна,
15 Как пристрастна
С моей душой наедине.
- На тебя невольник бедный не пеняет,
Лишь бы только ты была добра;
Смехом глаз твоих, любовь, меня пленяет
20 Чудотворная твоя игра.
- И тебе, любовь, не жаль
Превращать в жестоком споре
Радость в горе,
А восторг в печаль!
- 25 Мною властвует возлюбленная строго,
Заучив твой сладостный урок;
Ты, любовь, смягчи владычицу немного,
Чтобы я невзгду превозмог.
- Светоч взора твоего
30 Мне приносит облегченье,
Огорченье
Превращая в торжество.
- Лучшей госпоже служить — мое призванье,
Отблагодарит она меня;
35 Скорбь мою превозмогает упованье,
Прочь мои страдания гоня.
- И пройдет мой неуспех;
Исцелюсь, вознагражденный,

Убежденный

⁴⁰ В том, что я счастливей всех.

VIII

И страх и мука в постоянстве!
Становится ль страданьем честность —

Не знаю, но и с нею горе.

С тех пор, как мне Любовь велела:

⁶ Учись, мой милый, постоянству —

Чего я только не сносил!

Нет, Постоянство дорогое,

Я сыт, оставь меня в покое.

Опять просить ее? Она

¹⁰ Еще упорней в постоянстве,

И я погибну, если в сердце

К ней не войдет любовь.

Мне верность ей хранить нетрудно.

Да и какой в изменах толк,

¹⁵ Когда любовь вознаграждает.

Но если верность безрассудна

Или всего лишь только долг,

Она пуста, она бесплодна

И так трудна, что жить мешает.

²⁰ И я трудился, я старался,

Но без награды я остался.

О дама, обратите на меня свой взор!

Ужель за верность и за постоянство

Наградой будут мне насмешка и позор.

²⁵ О, если бы владела мной,

Любимая, не ты одна!

Не верь, ты все в моей судьбе,

- И честь моя — в тебе одной,
И верность — не в тебе ль она,
80 Как все, что значу я, — в тебе.
А если б я с тобой, любимая, расстался,
То сам бы я смертельно исстрадался,
И это бы глупейший был отказ.
О дама благородная, взгляните,
85 Как долго я страдаю из-за вас.
Я знаю женщин, я не рав
Видал, как верность вам нужна,
Я сам был ею награжден.
Хранит от всех напастей вас,
40 Как ваши хитрости, она,
И в ней опора добрых жен.
Твоя мне честь всего дороже.
Ты лучше с ней, я лучше тоже,
Награды терпеливо жду
45 И заслужил от вас награду
За то, что я любви служу.

IX

- Ах, я, безрадостный поэт!
Хоть сею радость я вокруг,
Но мне «благодарю» — о нет,
Никто не скажет, даже друг.
5 Друзья — но разве то друзья?
Друг услышал бы, как печалюсь я!
Ни помощи, ни друга, ни совета!
Как хочешь, истерзай меня, любовь,
Сочувствия ни в ком не вызывает это.
10 Любость! Любимая! Сама
Ты видишь, я схожу с ума.

Ты полновластной госпожой
Ведешь игру с моей душой.
Как жить могу я без рассудка?
15 Его ты вытеснила вон, и безутешному так жутко!
Ты знаешь, где он, изгнанный во тьму,
Владычица Любовь, чего он там достигнет?
Спеши за ним и счастье дай ему.

Любовь, дай помощь мне в любви,
20 Внуши, молю, взаимность ей.
Свое искусство мне яви,
И твой я до скончанья дней.
Она ясна, чиста всегда,
Хоть сердцем радости чужда.
Ты будь настойчива, а за тобою вслед
25 И я к ней подойду — просить мы будем оба.
Когда один просил, я только слышал: нет!

Где милосердие твое,
Любовь, я в муках день и ночь!
30 Иль, как меня, заставь ее —
Твой долг — упрямство превозмочь.
Твоя всепобедительна природа,
Не говори, что в сердце к ней нет входа.
Где тот замок, что пред тобой
35 Смог устоять, о взломщиков царица!
Не медли! Дай упрямству бой!

Любовь! Тебе одной дано
Единовластие твое.
Кто стар, кто юв — не все ль равно?
40 Тебе покорно бытие.
Хвала Творцу! Твоих цепей

Узнал я гнет, и путь мой стал светлей.
И я нашел достойную служенья,
Ей буду верен, помоги, Любовь!
45 Ей посвящаю все свершенья.

Будь щедрым, счастье! Дай сполна
Мне то вкусить, чем беден я.
Надеюсь, сжалится она.
Мне нужен ваш совет, друзья.
60 Она не смотрит в сторону мою,
Бегу за ней и все же отстаю.
Не слушает! Отводит взор!
О если бы глаза у ней в затылке были.
Она бы видела меня себе наперекор.

Х

Если кто-то укоряет:
«Не вздыхай ты, все пустое, друг!» —
Значит, сам он дни теряет;
Разве то любовь — без радостей, без мук?

5 Я не для таких пою.
Лишь страдавший,
Все в любви познавший
Оценить сумеет песнь мою.

О любви легко болтать,
10 Но действительно любивших невелик на свете
счет.

Всех она достоинств мать,
Жизнерадостное сердце без любви не проживет.

Госпожа моя Любовь,
Я не скрою:

15 Ваш я сердцем и душою.
Я надежде верю вновь!

А надеюсь я, что та,
Кем живу я, все ж моею станет.
Если же любовь меня обманет,

20 Значит, не для радости пришла ко мне мечта.

Добротой одарена,
Все добрее,
Все щедрее
Счастье может приносить она.

25 Будь острее женский взор,
Мне она бы, не противясь, отдала любви права.
Но ведь страшно женщинам с тех пор;
Как любви притворной служат те же сладкие
слова.

Кто из женщин разберет
30 Хитрость эту?
А поэту
Сердце леденит она и жжет.

Первый, с женщиной прибегнувший ко лжи,
Всем нанес ужасный вред.
35 Как теперь любить, скажи,
Если любящим от зла спасенья нет.

Жду от женщины, достойной всех похвал,
Лишь признательности, ибо
Только за спасибо
40 Столько строк о ней я написал.

XI

Господи, развеи мои заботы,
А от счастья я не затоскую.
Если радость мне подарит кто-то,
Радость подарю ему другую.

- ⁵ Счастье быстро я вернуть бы мог.
Ей я много отдавал в залог.
Было б так приятно
Хоть частицу взять обратно.
Цель моих надежд — она одна,
¹⁰ Все прекрасно в ней, душа и тело.
Совершенство таких она полна,
Что себя ей отдаешь всецело.

- Надо мной она смеется, но
Вкус мой переделать мудрено.
¹⁵ Мне она не может запретить
Чтить ее или любить.

- Если разрешает мне она
Рядом с ней присесть — о боже мой! —
Я слабею весь, душа темна,
²⁰ Комната кружится предо мной.

Пусть я был бы мудрым и речистым —
Перед этим взглядом чистым
Я не вдруг соображу,
Почему я здесь сижу.

XII

Женское лицо для нас —
Лучший дар, и слаще нет удела,

Чем глядеть — и сердцу в утешенье
Жизнь и радость черпать всякий раз.

⁶ А уж тело —

Всех блаженств живое воплощенье.

Сопряженная любовью неизменной
С тем, кто служит женской чести!
Лучшее, что есть во всей Вселенной,

¹⁰ Это жизнь и радость наша вместе.

Дама, что мечтой моею стала,
Предо мною заперта вдвойне.
Под замком, при встрече холодна.
Первое всегда мне досаждало,

¹⁵ А второе отравляет мне

Каждый час и даже время сна.

Мне бы два ключа: один бы тот,
Что стеречь назначен добродетель,
А другой — что сердце дамы олопрет.

²⁰ Я б моложе стал — господь свидетель!

Если соглядатай

С нею разлучить меня захочет —

С той, кому я верность сохраняю и впредь,

Он лишь сблизит нас и тем упрочит

²⁵ Ей служить мою решимость, ждать награды

и терпеть.

Если страж сближенья не дозволит,
Смутная отрада есть одна.

Он любовь мою не приневолит,

Та любовь — под стражей, но моя вольна.

XIII

Любовь — что значит это слово?
Я так неискушен, скажите ж, господа,
Вы все, кому любить не ново:
Ну почему любви присуша боль всегда?

⁵ Любовь для радости дана,
Любовь печальная любовью быть не может,
Так верно ли она любовью названа?

Коль правильно мое сужденье
О существе любви, скажите «да» в ответ.

¹⁰ Любовь — двух душ соединенье.
Без разделенных чувств любви счастливой нет.
Но груз любви неразделенной
Для сердца одного невыносим.
Так помоги мне, госпожа, не будь
неблагодарной.

¹⁵ Мне тяжело жить с моим страданьем,
О, не тужи, ты можешь мне помочь.
И если ты глуха к рыданьям,
Я пересилю боль, но лишь скажи мне:

«Прочь!» —

И я свободен буду вновь.

²⁰ Но знай, ты не найдешь другого,
Кто б так сумел воспеть тебя, моя любовь.

Как! За любовь платить презреньем,
За радость горечью мне отравляя дни!
Но там не место восхваленьям,

²⁵ Где унижением певцу грозят они.
Иль верить ей не нужно было?
Но ты, Любовь, мой слух и зренья отняла,
Что ж может видеть тот, кого ты ослепила?

XIV

Одна мечта во мне жила,
Когда ж блеснул надежды свет,
Он грусть и боль оставил мне,
Чтоб радость их сменить могла.
5 Другого утешенья нет,
Чем то, что видел я во сне:
Что та, кто женщин всех одна
На все затмила времена,
Любовью вспыхнет мне в ответ.
10 Я чту в одной и всех других,
Но от других мне нужен лишь привет.

«Кто беспорочен, кто правдив,
Тому и честь супругом быть
И господином надо мной.
15 И, сердце радостям открыв,
Я буду истинно любить,
Я буду верною женой.
В нем счастье, узнанное мною
Как женщиной и как женою.
20 И долг мой — счастьем быть его.
Нет места для достоинств мужа
Надежней сердца моего».

Так радость я обрел в жене
На весь мой век. Покуда жив,
25 Я буду все делить с ней дружно.
Ее любовь — опора мне:
Пришла, мне милость подарив,
И стала всем, что в жизни нужно.

Я счастлив был, когда она
30 Сказала, нежно смущена,

Что всю себя мне отдает.
Не удивляйтесь, если в сердце с тех пор
я не таю забот.

XV

Дай бог ей благодатных дней,
Узреть позволь мне снова
Милую мою, не ставшую моей;
Пускай она ко мне сурова;

- ⁵ Хоть уверяет, что любила
И ненароком оскорбила,
Изнывает мое сердце
От бесчисленных обид,
Но мне сладка моя тоска,
¹⁰ Печаль нисколько не горька.

«Господь мне счастье даровал:
Не кто-нибудь меня пленил,
А тот, кто стоит всех похвал,
Тот, кто сердца к себе склонил.

- ¹⁵ Когда любовь торжествовала
И я его поцеловала,
Ко мне проник он в сердце,
Где по-прежнему царит;
Так вновь наперекор себе
²⁰ Я покорюсь его мольбе».

Грех радоваться одному;
Теперь бы я торжествовал,
Но неизвестно, почему
Весь мир вокруг затосковал.

- 25 Прикидываюсь я страдальцем,
Чтоб не показывали пальцем,
Потому что невеселый
На веселого сердит;
Смеюсь я разве что тайком,
30 Чтоб не прослыть весельчаком.

Я соглядатаев страшусь,
И на душе еще грустней,
Как только вспомнить я решусь
Обычай минувших дней,

- 35 Когда беспечно веселились,
Когда на ближнего не злились.
И у всех играло сердце,
И был у всех счастливый вид;
Когда не будет счастья снова,
40 Моя душа страдать готова.

XVI

- Прошу, внемлите, госпожа,
Есть некий рыцарь — он готов,
Душой и телом вам служа,
Вам жизнь отдать без дальних слов.
5 Измучен страстью, сохнет он, и нет ему иных
отрад,
Как заслужить, вам угождая, одив ваш
благосклонный взгляд.
Я вас прошу, не откажите,
Меня гонцом к нему пошлите,
Он будет бесконечно рад.
10 «И я, скажи, сердечно рада
Во славу рыцаря такого

Весь век трудиться до упада,

Служить ему всегда готова.

Но так добавь: она велела сказать, любезный

рыцарь, вам,

¹⁵ Как к ней не близок путь и можно других

найти достойных дам.

За далью — ваше сватовство

Не слышно, только и всего,

Но все другое ради вас

Она исполнит тот же час».

²⁰ Впервые слыша песнь мою,

Она взволнована была,

Но после — подхожу, стою:

Ни слова ласки, ни тепла.

Я рад бы с ней расстаться, но, к несчастью,

²⁵ Прикован к ней великой страстью

И нет свободы мне, ее рабу.

Но если бы еще я мог решать свою судьбу,

Я жил бы рядом, пусть как раб,

Повиновался б ей и впредь,

³⁰ Она ведь усладить могла б

Все, что я должен претерпеть.

Я отстрадал, но обречен страдать и до

последних дней.

Она одна еще помочь могла бы мне в судьбе

моей.

Прими она мое служенье —

³⁵ Мой долг, и преданность, и рвенье,

Я знаю, нравились бы ей.

Кто говорит, любовь грешна,

Пусть разберет: на что он зол?

Тому приносит честь она,

- ⁴⁰ Кто чувства подлинность обрел.
И счастье с ней, и верность навсегда.
Пороки мира для нее беда.
Притворная любовь — наоборот,
Есть нелюбовь. О ней не стоит петь,
⁴⁵ Ее врагом я был и буду впредь.

XVII

- Я воспевал ее нередко,
И вслед за мной ее другие пели.
Она мне отвечала едко,
Каким глупцом я вышел в этом деле!
- ⁵ Я прославлял весь женский род,
То был восторг обожествленья.
Но сколько встретил я глумленья!
Сударыня Любовь, ведь это твой просчет!
- Любовь! Я враг и лжи и лести,
¹⁰ Суди ж, как праведный судья.
Кто был твоей защитник чести
От злых людей, когда не я?
- Твоей стрелой я оцарапан был,
Но ты опять в меня стреляла.
- ¹⁵ Ей это радость доставляло,
Ей хорошо, но я — я болен, я без сил.
- Спеши, Любовь, в твоём колчане
Стрела осталась не одна.
Метни в нее, и пусть она
- ²⁰ Изведает хоть часть моих страданий.
- Моя царица, мой судья!
Пошли нам муки в равной доле

Иль исцели меня от боли.

Я мучаюсь один, но в чем вина моя?

25 Я твой, Любовь, иди же к той,
Кем я живу, хоть ей и горя мало.
Даруй мне этот выигрыш простой,
Чтоб мне навек она принадлежала.

И верь, я говорю любя:

30 Когда ей сердце не встревожишь,
Ты и меня утратить можешь —
Кто ж будет звать в помощницы тебя?

XVIII

Она жестокосердна и черства,
И все терпеть — нет больше сил.
Я тратил чувства и слова,
Душой и телом ей служил.

5 И прошлых радостей мне жаль,
У нас их много было.
Но все исчезло, все уплыло,
Осталась мне одна печаль.

Я не видал красивее лица,
10 А в сердце заглянуть забыл.
И был обманут до конца,
Хотя любил и верен был.

Я рад бы звезды, свод небесный,
Луну и солнце в вышине —
15 Все ей отдать — залог чудесный!
Прими она его в подарок, была б такая

радость мне!

Но столько лет впустую! Без ответа
Мои мольбы оставила она.
Меня убить могло б одно уж это,
²⁰ Свою любовь я вымечтал до дна.

Усилий, честно говоря,
В таких делах жалеть не надо,
Но дни, потерянные зря, —
Что тут скрывать — они моя досада.

²⁵ О нет, не женственно такое поведение:
Друзья натерпятя обид,
Врагам и честь и предпочтенье —
Все это ей беду сулит.

Да, будет, будет ей беда!
³⁰ Что если друг и враг объединятся?
Ведь ей тогда одной остаться.
На все и вся ворчит она всегда.

И ей не жаль, что я в мечтах бесплодных
Блуждал по многим городам
³⁵ И что ценимых всеми, благородных
Я знал и видел многих знатных дам.

Она красивей всех, сомненья нет,
Но я добавлю веско:
Так больно — ни от кроткой, ни от резкой —
⁴⁰ Не ранит неуступчивый ответ.

XIX

Наше влеченье
Наслаждаться нам велит;
Лучшими восторгами душа соблазнена;

Как в заточенье

- ⁵ Веселясь, она болит,
Потому что смолоду радость казнена.

Так зачем же молода

Бывает женщина однажды,

Ничьей не утоляя жажды,

- ¹⁰ Долгожданной радости чужда?

Счастья не тая,

Даже если мне грустней,

Радуюсь, хоть радость мне во вред;

Здесь как будто я,

- ¹⁵ А мое сердце вечно с ней,
Без чувств я, и меня морочит бред.

Когда бы сердце, как и тело,

В заветном чувстве возродилось,

И она бы убедилась,

- ²⁰ Что присвоенное ею цело!

Враг-соглядатай,

Аспид, с нами неразлучный;

Нам любить мешает неусыпная вражда.

Вечной утратой

- ²⁵ Мне грозит надзор докучный;
Избегаю милой, будто мне любовь чужда.

Скорей бы срока мне дожждаться!

Как только слезка прекратится,

С любимой мне бы очутиться

- ³⁰ И беспечно с нею наслаждаться.

Пусть беспрестанно

Вопрошают, кто она,

Почему лишь в ней признал я госпожу;
Разве не странно:
35 Трех затмит она одна;
Ей, возлюбленной, четырежды служу.

Ей одной постичь дано,
Что в душу мне она вселяет;
Казнив, она же исцеляет,
40 И служить весь век мне суждено.

Мне на подмогу,
Госпожа Любовь, приди,
Покорившую меня заморозив;
В сердце тревогу
45 У нее ты пробуди,
Наконец ее ко мне расположив.

Пускай она поверит мне,
Что я люблю ее сердечно
И рад служить ей безупречно,
50 Покорясь владычице вполне.

XX

Не в силах долее тужить
Я принимал уже решенье
Жестокой больше не служить,
Как вдруг обрел я утешенье.

5 Пускай до утешенья далеко,
Мне утешеньице дано;
Такая малость, что, наверное, смешно,
Но в безнадежности утешиться легко.

Я на соломинке гадал
10 И, обнадеженный игрою,

Несбыточного счастья ждал,
Как дети ждут его порою.

Вглядитесь все в нехитрую игру!
Да, нет, да, нет, да, нет, да, нет, нет, да,

¹⁵ А мне конец хороший выпадал всегда;
Кто мог бы полагать, что это не к добру?

Владычица мне так мила,
Что я терплю в тоске пристрастной.

Хоть нет соперникам числа
²⁰ И все они у ног прекрасной.

Я был бы рад их образумить наконец;
Влюбленные в нее любить не перестанут,
Но пусть обманутый узнает, что обманут
И понапрасну величается гордец.

XXI

Тебе я, госпожа, вверяюсь непреложно,
Прося смиренно разрешенья,
Но избежать порой при этом невозможно
Простительного прегрешенья.

⁶ Скажу я, госпожа, не нарушая слова:

Пока я снисхожденья жду,
Сама подумай, что имею я в виду,
Неловко признаваться мне,
Но я не прочь развлечься снова.

¹⁰ «Избрав любимого, предпочитаю цельность;
Мой друг другою дорожит,
Но хороша в любви такая нераздельность,
Когда мне все принадлежит».

Мне дорогого друга привечать отраднo,
15 А если друг пошел к другой,
Ко мне потом виновный ни ногой,
Всех женщин это тяготит,
И мне от этого досадно».

Ах, чересчур ко мне прекрасная жестока!
20 Я, скажем, до других охоч,
Но дать не хочет мне владычица урока,
А поучиться я не прочь.

Что мне красавицы! Одна мне всех нужнее,
Но в ней трудненько вызвать жалость,
25 Когда ценила бы меня хоть малость,
Внимала бы, пожалуй,
Мне чуточку нежнее.

«Ты говоришь, тебе небрежно я внимала,
Хотя ты мною одержим;
30 Но у тебя других, по-моему, немало,
И я тебя сочла чужим.

Ты мог бы надо мною властвовать надменно,
Для этого других ты брось!
Страдают любящие вместе, а не врозь;
35 Меня ты переубеди,
И покорюсь я непременно».

XXII

Нелюбим я, видно,
Хоть люблю все горячей день ото дня;
Мне одно обидно:
Знать не хочешь ты, любимая, меня.

⁵ Сжался, ради бога!
Мне нужна подмога.
Одному любить мне не под силу,
Тяжкий гнет сведет меня в могилу.

Если удалилась
¹⁰ От меня ты, чтоб меня же пощадить,
Ты в меня вселилась,
И тебя не смею осудить.

Хоть в любви несчастен,
Я тебе подвластен,
¹⁵ Даже если лучший твой привет
В том, чтобы смотреть изгнаннику вослед.

Женщин я встречаю
И плениться мог бы не одною,
Но души не чаю
²⁰ Лишь в тебе, владеющая мною!

Женщин тороватых,
Знатных и богатых,
Наделенных блеском, кроме красоты,
Я встречал, но лучше лучших ты.

²⁵ Тщетно жду, влюбленный;
Вознести меня благоволи!
Пыл неразделенный
Губителен от госпожи вдали.

Мне вредит гошепье
³⁰ И уединенье;
Единенье двух сердец
Двух — не больше — исцеляет наконец.

XXIII

- Мужу правды радости весна
И зима для радости дана.
Только будет радость неполна,
Если не от женщины она.
- ⁵ Чествуй женщин всех, мой стих.
Только лучшими хвалами
Чествуй лучших среди них.
- Радоваться должен человек,
Вот и мне бы радоваться той,
- ¹⁰ Кто меня приворожит навек
Верностью, Любовью, Чистотой.
Если б сердце увидало
Ту, пред кем бы, как пред чудом,
Вечно счастьем трепетало!
- ¹⁵ Я ж ее и видел только раз,
Но доныне ей дивлюсь, как чуду.
Или так близка она от глаз,
Что без глаз мне видится повсюду?
Как такое колдовство прекрасно:
- ²⁰ Видеть милую, не видя,
Видеть всюду и всечасно.
- Люди спросят: «Что ж за колдовство?
За сто миль глаза твои глядят!»
Эти мысли сердца моего
- ²⁵ И сквозь стены видят милый взгляд.
Будьте вы хранителями ей,
Чувства, чьи глаза всезрящи,
Страсть и жар души моей.
- Доживу ль узнать, что мне в ответ
- ³⁰ На меня без глаз она глядит,

Каждой мыслью мне стремится вслед
И любовь мою вознаградит.
Пусть любовью мне ответит:
³⁵ Ей любовь я подарил!

XXIV

Влюблен давно, любви служу;
Обделен, я счастья жду,
По награде я в досаде вновь тоскую;
И в досаде по награде я тужу,
⁵ Глуп и мал, попал в беду
И похвал не жду за песнь такую.
Преступленье совершает:
Вновь казнит меня,
Одинокой оставаясь;
¹⁰ Вождельенье сокрушает,
К ней меня маня,
Вновь жестокой предаваясь;
Злюсь, томлюсь, креплюсь я вновь:
Не ко двору в миру любовь.
¹⁵ Цену плену слишком зная,
И впредь узреть не чаю рая.

XXV

Никогда не славил жен прекрасных
Я, не разогнав тоски;
Так лечусь от горестей напрасных
Я заботам вопреки.
⁵ Блажен тот, кто, слагая стих,
Как я, смягчил свою печаль
И утешал других.

Если бы прекрасная желала,
Скорбь моя бы в миг прошла;
¹⁰ Я служу ей, только толку мало:
Тщетна вся моя хвала.

Хвалам внимая без конца,
Забыла, что благодарить
За них пора певца.

¹⁵ Многие красавицы гоговы
Обходиться ласковой со мной;
Все они при этом не суровы,
Но не стоят все они одной.

Единственная в мире целом
²⁰ Вознаградить меня не хочет
Словом или делом.

XXVI

Разве это оскорбленье,
Госпожа, когда сдает моя хвала?
Где любовь, там озлобленье;
Ссора спутницей любви всегда была.

⁵ Радости не прекословь!
В нежной ссоре предваренье примиренья:
Так велит сердцам любовь.

Я не видел, чтобы мчались
Дни, как дни мои проносятся стремглав;
¹⁰ Быстротою отличались
Все они, в бесцельном беге миновав.

И в какой дали
Ими дорожат, как я, бывало, дорожил,
Чтобы вдруг они прошли?

*Женщина, провожающая крестоносца.
Большая Гейдельбергская рукопись.*

- ¹⁵ Надо мной издеваться
Госпоже моей прекрасной не в лицу;
Грех со мною торговаться;
Речь подобная пристала лишь скупцу.
Повезет — вознагражу!
- ²⁰ Не везет скупцу, который так сказал,
В чем заверяю госпожу.

XXVII

- «О чести женщин слыша много,
Я всей душой ушел в служенье вам.
Когда б нас не свела дорога,
Себе бы цену я убавил сам.
- ⁵ Но с вами я созрел вполне,
И я прошу вас, дама:
Внемлите милостиво мне.
Хотел бы жить я жизнью беспорочной —
Но как? Нет опыта ни в чем.
- ¹⁰ Наставьте же меня, снабдите мерой прочной».
- «Я счастлива была б, когда б могла,
Но не придумаю, какой вам дать совет.
У вас, как стих, звучит нам похвала,
И говорите вы, как истинный поэт.
- ¹⁵ Вы много опытней, чем я,
Но если в этом споре
Должна себя вести я, как судья,
Так доверительно мне расскажите все же
То, что должна я знать про вас, мужчины,
- ²⁰ Тогда о женщинах я все скажу вам тоже».
- «Нам верность в женщине мила,
И нет достоинства ценней.

Когда ж она и весела,
То, значит, сочетались в ней и пламень роз,
и снег полей.

²⁵ Так мне щебет птиц идет,
И зной, и лето,
И облака, и цвет, и мед,
Прекрасно то и это.
Так украшает дев и дам

³⁰ Любовь, так ласковое слово
Зовет прильнуть к живым устам».

«По мне лишь тот хорош, кто знает,
Как отличать добро от зла.
Кто женщин честь не умаляет

³⁵ И честен сам — тому хвала.

И если радость он приносит,
И обходителен, и верен
Любимой — о, все то, что просит
Получит он наверняка.

⁴⁰ Где та, что не дала бы нитки
Тому, кто заслужил шелка?»

XXVIII

Как хороша
Не прибегавшая к румянам;
Без шерстяной косынки волосы пышнее;
Моя душа

⁵ Поет ее в порыве рьяном;
Чем больше говорят о ней, тем я нежнее.
Убранство светлым волосам вредит;
Вздымаются, красивые на вид,

Но что поделаешь, затылок весь открыт,

¹⁰ И некой тенью белокурую стыдит.

XXIX

В своей игре понаторев,
Искусством бескорыстным превзошел он всех,
Однако, женщину узрев,
Ликует, празднуя заранее успех.

- ⁶ Когда бы все мы также голову теряли,
То все бы лишь его напевы повторяли,
Но я один из тех, кто отвечает: «Нет!»
Мне сладок лишь моей возлюбленной привет
Ему во вред.
- ¹⁰ «Сама себе служу я стражей;
Я женщина, и честь моя мне дорога;
Однако маленькою кражей
Не буду я удручена, хоть я строга.
Мой поцелуй не так легко завоевать;
- ¹⁵ Искуснейший на это может уповать;
А кто при этом слишком скор,
Пускай запомнит назидательный укор:
Будь скромн, вор!»

XXX

Одно скажи: «Благодарю!»
Я видел, как прекрасна ты,
И вот стихи тебе дарю,
Как воплощенью красоты.

- ⁵ Я по тебе одной тоскую,
Хоть всем служу охотно вам.
Другой пусть изберет другую
И славит в ней прекрасных дам.
Язык наш тот же: я пою
- ¹⁰ Свою красавицу, пусть он поет свою.
Как совершенна голова!

- Смотрю — и небо я постиг.
Лицо — таких найдешь ли два?
То херувима нежный лик.
- 15 И две звезды на нем блестят.
Глядеться в них — и быть с ней рядом,
Быть с нею вместе — взгляд во взгляд!
О, вдохновенный этим взглядом,
Я стал бы молодым.
- 20 Любовью болен я, но боль ушла б, как дым.
- Бог, дав ей краски для ланит,
Из роз и лилий сплел букет,
И белый в них с пурпурным слит
В один необычайный цвет.
- 25 Пусть небо мне во грех зачтет,
Но мне приятней видеть их,
Чем солнце, чем небесный свод, —
О, что сболтнул мой глупый стих?
Так поклоняясь ей,
- 30 Я не заставлю сердце страдать еще сильнее?
- Когда б губами я прильнуть
К ее подушке красной мог,
Здоровье пролилось бы в грудь,
Я б исцелился, видит бог.
- 35 Когда в постель, сама огонь,
Идет она — вот быть бы там!
Подушку эту только тронь,
Польется запах — как бальзам!
Ах, я б украл ее
- 40 И к ночи приносил бы милой сокровище мое.
- А стройность шей, рук и ног —
Не волшебства ль на всем печать?

Что между них я видеть мог,
О том я должен умолчать.
45 Но я не крикнул ей: «Прикрой!»
Когда, свежа, обнажена,
Меня не видя, мой покой
Навек разрушила она.
Подъемлясь из ручья
И влажных прелестей от света не тая.

XXXI

И лето вновь, в птичий хор,
Надежд, желаний шумный рой.
Мне сердце веселит их спор,
Я жду награды дорогой.

5 Отрадна лета красота,
Но мне еще отрадней там,
Где чтима женщин чистота,
Где красит честь и дев и дам.

Та женщина, что мне мила
10 Отраду сердцу подала,
И красоту, что так чиста,
Любви венчает красота.

Красавица должна любить,
Чтобы любви достойной стать,
15 Но право всеми чтимой быть
Лишь добродетель может дать.

Любовь дополнит красоту,
Она — как злату самоцвет.
Когда ж и душу здесь найду,
20 То совершенней дамы нет.

Кто служит той, в кого влюблен,
В мечтах уж избран, награжден,
И нет в служенье том растраты,
Те муки радостью чреваты.

²⁵ Душа от радости поет,
Когда один нам брошен взгляд.
То как же радуется тот,
Кто вправе больших ждать наград.

В нем сердце до краев полно,
³⁰ Хотя не радостен другой.
Где верность и любовь — одно,
Там верх блаженства, там покой.

Кто выстрадал свой жребий славный
С красивой, чистой, добронравной,
³⁵ Тот глуп, скажу я по-простому,
Своей женой хвалясь другому.

Тот не мужчина, кто живет
Не зная женщин, не любя.
Пусть проиграл с одной — просчет,
⁴⁰ Зато он выиграл себя.

Пускай одну он любит так,
Чтоб все вокруг о том узнали.
Не будет счастья с ней — пустяк,
С другой забудет он печали.

⁴⁵ Мужчины! Помните мой сказ:
И честь и счастье в нем для вас:
Нечистых дел стыдится тот,
В чьем сердце женщина живет.

XXXII

Когда прекрасная пора
Мне разочарование сулит,
Кто скажет, что зима щедра,
Как будто лето всех развеселил?

- ⁵ «Тем лучше», — про себя я повторял,
Когда надежду вновь терял;
Лелея за мечтой мечту,
Жил мнимым счастьем, как во сне
И радость изменяла мне,
¹⁰ Обманывая на лету.

Счастливецом звать меня грешно,
Когда люблю я зыбкую тщету;
Счастливец тот, кому дано
В себя влюбить живую красоту.

- ¹⁵ Которая ему дороже всех;
А мой злосчастный неуспех
В счастливце вызывает смех;
И я смеялся бы пад ним,
Будь я действительно любим,
²⁰ Но я лишен таких утех.

Как счастливы она и он,
Пока друг другу преданы сердца
И соблюдается закон,
Дарующий блаженство без конца.

- ²⁵ Их счастье навек, а не на год;
При этом счастлив также тот,
Кто счастьем двух влюбленных рад.
Когда любовь себе верна,

Но трижды счастлива жена,
30 Что не полюбит наугад.

Пусть хвастает иной гордец
Тем, что прекрасных женщин избегает;
Лишь незадачливый глупец
Служеньем сладостным пренебрегает.

35 Доволен легкомысленный собой,
Утешен мелочью любой,
Однако легких нет побед;
Кто самому себе не враг,
Тот ценит выше всяких благ
40 Достойной женщины привет.

Кому милее суета
И незаслуженное торжество,
Обманется тот, как и та,
В любви не обретая ничего.

45 Разумной женщине видней,
Кто отличился перед ней,
Признание заслужив по праву;
Зато рассудку вопреки
Отъявленные дураки
60 Нередко дурочкам по праву.

XXXIII

«Вам, госпожа, венок! —
Красивой девушке сказал я как-то раз. —
На танцах он бы мог,
Да, он на зависть дамам украсить мог бы вас.
5 Будь я богат камнями
Цветными, дорогими,

Я б вас украсил ими.
По совести и чести я поступил бы с вами».

Она взяла венок —

¹⁰ Воспитанной девицей она не зря слыла.

Румянец юных щек

Пылал, как будто роза меж лилий распвела.

И потупила взгляд.

С поклоном — все как надо.

¹⁵ То мне была награда.

А если б... Но о том молчат.

«Я каждый день венок

Готов сплетать для вас и вашей красоты.

Вы знаете лужок,

²⁰ Где белые растут и красные цветы?

Пойдемте — в этом месте;

Где только пташек пенье

Звучит в уединенье,

Цветы срывать мы будем вместе».

²⁵ И вот со мной она,

И я счастливей не был, с тех пор как я живу.

Мы рядом. Тишина.

И падают цветы с деревьев на траву.

А я смеюсь неволью.

³⁰ Какое наслажденье

Такое сновиденье!

Проснулся — яркий день, глазам от света больно.

Я жил всегда беспечный,

Но этим летом, потеряв покой.

³⁵ Ее ищу я в каждой встречной.

А вдруг найду — вот праздник-то какой!

*Рыцарь и селянка.
Большая Гейдельбергская рукопись.*

- Но это пляшет не она ли?
О девушки, прошу прощенья:
Я загляну под ваши украшения —
40 Ее глаза из-под венка сияли.

XXXIV

- Под липой свежей
У дубравы,
Где мы лежали с ним вдвоем,
Найдете вы те же
5 Цветы и травы:
Лежат, примятые, ничком.
Подле опушки соловей —
Тандарадей!
Заливался все нежней.
10 Когда пришла я на лужочек,
Уж и прием устроил мне —
Мать пресвятая! —
Мой дружочек:
Я и доселе как во сне.
15 Поцеловал? Да раз пятьсот —
Тандарадей!
Ведь красен до сих пор мой рот.
Убрал он ложе
Необычайно:
20 Сложил цветы и там и тут...
Досель прохожий
С улыбкой тайной
Глядит на тихий наш приют;
Поймет: где розы без числа —
25 Тандарадей!
Там голова моя была.

- Мне б стыдно было,
Когда б молвою
Любовь ославилась моя.
80 Нет! То, как милый
Играл со мною,
Никто не знает, лишь он и я.
Да пташке видеть довелось —
Тандарадей!
35 Она не выдаст пас, авось.

XXXV

- Славлю тот день, когда встретился с нею,
Околдовавшей и дух мой, и тело.
В мыслях ее неустанно лелею,
Ею захвачен мой разум всецело.
5 С ней меня слили на все времена
Нежность ее, доброта, красота,
Алые, с милой улыбкой, уста.
Сердце мое навсегда покорилося
Ей, наделенной во всем совершенством,
10 Если б для нас эта жизнь озарилась
Тем, что мне кажется высшим блаженством!
Радость давала мне только она,
Нежность ее, доброта, красота.
Алые, с милой улыбкой уста.

XXXVI

Любимая, пусть бог
Благословит твой каждый час.
Когда б сильнее сказать я мог,
Сказал бы, верь мне, сотни раз.

⁵ Но что сказать сильней, чем то,
Что весь я твой, что так любить тебя не будет
уж никто.

От многих слышал я упрек,
Что, мол, низкорожденную пою.
Но кто сказать такое мог,
¹⁰ Тот не любил, я слово в том даю.
Да, не любил, я повторяю вновь,
Кто жаждет только обладанья да красоты —
какая тут любовь!

Красотки ой как часто злы!
Мила не та, кто хороша,
¹⁵ Но те красивы, кто милы,
И красоты куда важней душа:
Пусть женщина добра, чиста,
А красота — пустое дело, пустое дело красота!

Что мне их пересуды, смех!
²⁰ Советы их — на кой мне ляд?
Ты для меня красивей всех,
Так пусть болтают, что хотят.
Я за тебя их всех отдам.
И за твое стеклянное колечко — все золото
придворных дам.

²⁵ С тобой ни горя, ни забот,
Ты постоянна, ты верна.
И мне никто не подмигнет:
Мол, штучка у тебя жена!
А если стал я слеп, любя,
³⁰ Так лучше б я тебя не знал — не дай мне бог
страдать из-за тебя.

XXXVII

В роще, в поле, на поляне —
Чудеса весны.

Все духовные, миряне —
Все оживлены!

⁵ Май исполнен сил,
Неким чудом он владеет.
Все мгновенно молодеет,
Где б он ни ступил.

Кто не чтит его обычай?

¹⁰ Ну-ка, от души
Смейся, пой, пляши,
Но без грубости мужичьей.
Каждый Маю рад.

Если так распелись птицы,
¹⁵ Неученые певицы,
Запевай им в лад.

Слава Маю! Мир отрадный
Он разлил вокруг.

Лес и поле так нарядны,

²⁰ Так наряден луг!
Сколько пестроты!
«Ты малыш, вот я большая!» —
Шепчут, чашечки качая,
Клевер и цветы.

²⁵ Алый ротик, брось кривиться.
Зубками дразня.
Стыдно! Он еще глумится,
Огорчив меня!

Как же можно так?

³⁰ Я люблю, а ты не любишь,

Ты меня с улыбкой губишь,
Словно лютый враг.

Да, моей лихой кручины
Вы одна виной.

³⁵ Друг мой, нет у вас причины
Строгой быть со мной.

Вы добры для всех,
А ведь я ваш раб усердный.
Быть такой немилосердной —

⁴⁰ Право, тяжкий грех.

Но испортить Мая сладость
Я и вам не дам.

Как! Забыть я должен радость
Лишь на радость вам?

⁴⁵ Где ваш долг весне?

Вместе быть все твари рады,
Так хоть капельку отрады
Подарите мне!

XXXVIII

В безнадежном разочарованье
Мнят они, что я разочарован,
Хоть храню в скорбях я упованье:
Жалобой восторг мне уготован,

⁵ Что мне злая болтовня,
Если наградит любовь меня!

Госпожа! Пускай завистник злится
Счастьем счастливого коря,
Лишь бы только мне развеселиться,

¹⁰ Чтоб завистник злобствовал не зря.

Радоваться мне позволь,
Завистливому причиняя боль.

Видеть в госпоже моей подругу —
Вот неизъяснимое влечение,
15 Моему сулящее недугу
Целительное облегчение.

Молвить бы: подруга ты
И ты же госпожа моей мечты.

Если ты два слова слыть готова,
20 В песнях мой тебя прославит жар,
Возвещая два другие слова,
Что затмили бы монарший дар.

Мне госпожа-подруга дорога;
Я твой друг, и я же твой слуга.

XXXIX

Кто зимой меня чернил своим наветом,
Будь то муж или жена,
Пусть беспечно процветает этим летом;
Не мною проклята вина.

6 Проклинать я не способен,
Потому что для проклятий
Недостаточно я злобен.

Уж если пожелать злодеям этим зла,
Ужасней всех двойная месть:
10 Пускай послушают кукушку и осла,
Когда захочется поесть.

Устрашает наказание:
Коль раскаются в коварстве,
Я прекратил бы истязанье.

¹⁵ Пусть разъяряется бесстыдный супостат,
На терпеливого напав;
Кто ненавистен злым, а сам не виноват,
Тот праведен и, значит, прав.

Если б только утешала
²⁰ Она меня добротой,
Чья зависть мне бы помешала?

Перед всем миром я в любви моей клянусь:
Она одна моя отрада.
Если я другою женщиной пленюсь,
²⁵ Пусть пропаду я в бездне ада.

Слишком долго мука длится;
Если мне она поверит,
Мое сердце исцелится.

Господа, друзья, помочь бы мне пора;
³⁰ Иначе мне грозит беда;
Коль проиграна любовная игра,
Не развеселюсь я никогда.

В сердце рана роковая
Не закроется вовек,
⁸⁵ По устам целебным изнывая.

В сердце рана роковая
Не закроется вовек,
На любовь, то есть на чудо, уповая.

В сердце рана роковая
40 Не закроется вовек,
Хильдегунду вечно призывая.

XL

Я вижу благосклонность в том,
Что дама здесь, со мной всегда.
Разлука не вошла в ваш дом,
Любовь к любви спешит сюда.

6 Уеду — все ж я с ней мечтами,
Она ж со мной, где б ни был я.
Я телом здесь, а вот душа моя
Там, далеко, поближе к милой даме.

И пусть она повсюду будет с ней,
10 Чтобы она со мной была, тоскуя.
Глаза ль закрою — тем ясней,
Сквозь сердце вижу ту, кого люблю я.

Я мирно, тихо жил всегда,
И эта свара без конца
15 Пошла от одного лжеца.
Для них потеха, для меня — беда.

В стране у нас, куда ты ни пойдешь,
Царят подонки, подлый сброд.
Он всюду лезет, всех стрижет.
20 Бесстыдство, ревность, алчность, ложь
Везде готовы дать совет.
Беда тому, кто власть не взял над ними,
От них мужчины многие страдали,
А женщинам и пуще вред.

²⁵ Я этому сословью враг
И не скрываю неприязнь мою.
Пускай бранят и так и сяк,
На том стоял я и стою.

Я пел о добром, справедливом,
³⁰ О том, чье имя — чистота.
Но чувствам подлым и фальшивым,
Любви притворной неспроста
Я кличку дал «безлюбовь». Знаю,
Что у притворства много слуг.

³⁵ Но если буду изгнан вдруг,
Я к вам, о женщины, взываю.

И если тем умнее голова,
Чем больший круг людей ее речам внимает,
Смотрите, ведь мои слова

⁴⁰ Потом полмира повторяет.

Я защищать себя не умудрен,
Хитрить, ловчить мне вовсе не пристало.
А мой совет — иным на пользу он,
Да мне в том пользы мало.

⁴⁵ Зато людишек вижу я насквозь:
Кто друг, а кто мои слова корежит.
И голову мне льстец уже вскружить не может,
Я про себя отвечу: брось!

ХLI

Вновь запел я сгоряча,
Где же радость наконец?
Губит глупость богача,
Хмур и, значит, глуп юнец.

- ⁵ Не пойму я, что им нужно,
А когда б они сказали,
Я прогнал бы их печали.
Кто видал прекрасней год,
Кто видал прекрасней дам?
- ¹⁰ Только вас не прошибет,
Подавай печали вам!
Встретясь, плачетесь друг другу:
Дескать, божьего раба
Бьет меня судьба.
- ¹⁵ Лишь одна, с досады плача,
Радость пусть сотрет с лица.
Любо ей, насмешку пряча,
Все отталкивать сердца.
Пусть ее красе когда-то
- ²⁰ Славу пели страны все —
Что теперь в ее красе!
Где любовь к любви пришла,
Там уж горе далеко.
Там зима двоим тепла,
- ²⁵ И терпеть ее легко.
Лето ли, зима ли —
Если двое заодно,
Значит, счастье им дано.
День зимою невелик,
- ³⁰ Ночь длинна — долга любовь.
Ты с трудом ее достиг,
Значит, вспыхнет вновь и вновь.
Боже, как себя я выдал!
Хоть креплюсь — не промолчу:
- ³⁵ Снова с нею быть хочу.

XLII

Юноша, будь радостен под сенью

Женской доброты и чистоты.

Радуйся хоть каждому мгновенью,

Если сам достойным признай ты.

⁶ Радость ненадолго нам дапа,

Если с женщиной хорошей не разделена.

Без хороших женщин своенравно

Счастье — и обманет невзначай.

Тайно действуй или явно,

¹⁰ Только меру и манеру знай.

Будь умен, не то беда!

Лишь когда любовь от сердца, в ней блаженство

навсегда.

А уж если отказаться надо,

Все же ты возвысишься, любя,

¹⁵ Ибо всякий долг любви — отрада.

Пусть она измучила тебя,

Все равно возьмешь свое:

Будут так тебя любить другие, как ты сам

любил ее.

²⁰ Если, милости добившись, ты умело

Взял и то, что лучше во сто крат,

Вот уж где блаженству нет предела,

Пред тобою нет уже преград.

Нежной ласки не жалея,

²⁵ Прояви всю страсть свою и станешь ей еще

милее.

Я учу тебя, а самому-то

Не дается это все никак.

От меня и то на ключ замкнуто,
Что легко берет любой дурак.

³⁰ Но надежда помогает мне
И решимость все изведать, чем владею лишь
во сне.

XLIII

Всю землю вы можете сделать достойной,
Вы мера всех мер, госпожа Сораазмерность.
И счастлив, кто зрится вашей мудрости свет.
Нам с вами не стыдно, мы с вами спокойны,
⁶ И дома ль, на улице — вам наша верность,
Нам всюду нужен ваш мудрый совет.

Пусть меру блюдем мы, любви взыскаю!
Возвышенно ль, низменно ли люблю я,
Я гибну, я мертв от низкой любви.
¹⁰ Любя возвышенно, также я болев,
Отсутствие меры — как яд в крови.

От низменной страсти и сердце скудеет,
И муки от глупой саморастраты,
И белая хворь, и смешки по углам.
¹⁵ Высокая страсть возвышает и греет,
И радостью чувство и разум объята.
И радость зовет в благодатный свой храм.

Спешите ко мне, госпожа Сораазмерность,
Иль сердце плевать мое страсть и верность,
²⁰ Я женщину заприметил в пути,
Была ее речь полна дружелюбья,
И мне от страданий теперь не уйти.

XLIV

Как рад я в чаянье грядущих благ,
Пока моя любовь со мной;
Быть может, и другим живется так:
Вслед за хорошим днем влачится день дурной.

- ⁵ А если счастья нет как нет,
Я без него пытаюсь обойтись,
В чем искушен я с детских лет;
Насмешник скажет: «наважденье!»
И в томительном желанье
- ¹⁰ Нахожу я наслажденье.

Лежать бы с нею мне, встречать бы с ней
денницу,
Вперясь трепетно зеницею в зеницу;
Упитья бы победою необычайной,
Навеки овладев пленительною тайной!

- ¹⁵ Я говорю: «Спросить позволь,
Всегда ли, дивная жена,
Ты будешь причинять мне боль?»
В ответ услышав смех сладчайший,
Я думаю: «Разве само желанье —
- ²⁰ Не дар ее же величайший?»

В трудах тягчайших я так долго изнывал,
Борьбу с томительной заботой претерпел
И все-таки прекрасной не завоевал,
Страдая и скорбя, ни в чем не преуспел.

- ²⁵ О как мне горе превозмочь?
Когда ей негодна скорбь,
Зачем скорбеть? Повеселиться я не прочь.

А если госпоже брезгливой
То и другое не по вкусу,
80 Веселье лучше горести брезгливой.

О горе! Вновь навлек я на себя укор!
Я порчу нравов повсеместную кляню.
Идет иной макушке головной убор,
А в щегольстве я вижу тяжкую вину.

35 Пусть кое-кто весьма сердит
На песнь мою, я буду петь,
Хоть правда мне, правдолюбивому, вредит.
Лишь тряпка держится за тряпки,
Кто благонравия привержен,
40 Тот шелковой достоин шапки.

Не рад я больше в чаяньи грядущих благ.

Так песнь моя распалась на две части,
И под запретом для меня одна из них;
Другие пусть поют, а я, боясь напасти,
45 Из благонравия застенчиво притих.

В своих предметах ограничен
Так называемую честью,
Напев мой слишком стал приличен;
Песню робко прерываю;
60 Коль на улице не ладно,
Я просто двери закрываю.

XLV

Когда солнцу, от росы блестящи,
Ранним утром или в полдень мая

Шлют улыбку первые цветы
И в полях, в растормошенной чаще
5 Свищут птицы, радость изливая, —
Что прекрасней этой красоты?
Словно рай, земля сияет всюду.
Но вновь я дивлюсь другому чуду
И хочу заверить вас:
10 Я не раз уже им восхищался
И могу им восхищаться сотни раз.

Если дама вежлива, спокойна,
Хорошо одета, благородна,
Если целомудренна, скромна,
15 Если свиту выбрала достойно.
Обо всем беседует свободно,
То, как солнце, светит всем она.
За нее, не размышляя,
Я отдам всю радость мая,
20 Ибо прелесть нежной чистоты,
Красота лица и тела
Лучше, чем весна, и зелень, и цветы.

Если ж выбор кажется вам странен,
Побродите по земле весенней,
25 Где дружины Мая все в цвету,
И поймете, чем я в сердце ранен.
Почему без долгих размышлений
Благородных дам я предпочту.
Если бы мне выбрать приказали,
30 Я с ответом медлил бы едва ли,
В этом слово рыцаря даю,
Сударь Май, вы Январем бы стали,
Прежде, чем отверг бы я красавицу мою.

XLVI

Нет, в этом вовсе не моя вина
И не мое влиянье;
На мне сосредоточила она
Все свое обаянье.

⁵ Убедиться можно:
Красавцем грех меня назвать,
И смешно меня облюбовать;
Обольщенье ложно!

Пусть наггали про меня безбожно,
¹⁰ Стоит бросить взор,
Чтобы убедиться непреложно:
Ей сказали просто вздор.

Сам себе я ведом.
Прекрасен я? Конечно, нет!
¹⁵ Этот глупый пагубный извет
Называю бредом.

Ни один из тысяч лоска не лишен.
Чуть ли не любой;
Даже если кое в чем я искушен,
²⁰ Дурен я собой.

Песни, как известно,
Просятся мне на уста,
Утешая неспроста
Скорбных повсеместно.

²⁵ Песнь мою сочтет она прекрасной
И меня заморозит;
И тогда мне перед самовластной
Гнуться надлежит.

Ею восхищенный,
30 Безо всякой ворожбы
Сам навеки попрошусь в рабы
Я закрепощенный.

Ее честь и безупречная краса
Гибельнее чар;
35 Где любовь, там горе; вот где чудеса,
Смертоносный дар!

Под ее главенством
Разве что любовь чарует;
Она восторги мне дарует,
40 Скорбь соединив с блаженством.

XLVII

Поистине я рад,
И чудеса творю я, вдохновленный,
В предвкушении наград,
Которых не могу не ждать, влюбленный;

5 Взлетаю, просветленный
Королевою моею,
Выше солнца, окрыленный.

Тосковал я до сих пор,
Без милой в сумраке блуждая;
10 Заиграл, однако, взор,
Хотя вредила мне зима седая;

Злилась, людям досаждая.
А я как будто упивался
Радостями мая.

¹⁵ Песню дивную пою,
Хоть воспевать без радостей накладно;
Славлю госпожу мою,
Хотя порой бывает мне досадно;

Сердце жжет любовь нещадно,
²⁰ Но по воле госпожи
Мне станет вдруг отраднo.

Никуда я не уйду;
Не избежать подобного дурмана,
Ибо на мою беду
²⁵ Не найти нигде такого стана;

В этих чарах нет обмана,
И прекраснее она,
Чем Елена и Диана.

Слушай, Вальтер, слушай, друг,
³⁰ Фон дер Фогельвейде, пой со мною;
Истомил меня недуг,
Спасаться нужно мне любой ценою.
Оба тронем песнею одною
Госпожу, чтобы ходила
³⁵ Рвать со мной цветы весною.

XLVIII

У любви обычай странный:
Отвращение питает
К лучшему из всех;
Вспыхнув, как недуг нежданный,
⁵ Молодых предпочитает;
Это ли не грех?

Ей милее сорока́
Двадцать четыре пылких года;
Бежит, завидев седину издалека.

¹⁰ Мной играет без конца,
Я знаю прихоти коварной;
Пора перебеситься!
На беспечного юнца,
Прельщенного неблагодарной.

¹⁵ Мне грешно коситься.

Ах, злосчастная жена!
Она меня постарше будет,
Хитростью прельщать глупцов принуждена.

Хоть бы вдруг любовь очнулась!
²⁰ Как дитя, бежит вприпрыжку,
А вокруг толпа;
Как бы сдуру не споткнулась.
Удержи поди глупышку!
Впрямь любовь слепа.

²⁵ Шла бы лучше поскромней.
Как осторожная жена;
Иначе разобьется мое сердце вместе с ней.

Извини меня, любви!
Этот бег не для убогих,
³⁰ Не хватает сил.
Мне награду ты готовь.
Прыгал я повыше многих
И не угодил?

Разве мне трудиться лень?

³⁵ В будни я служить готов другим,
Ей посвятив зато седьмой воскресный день.

XLIX

«Как звать владычицу твою, скажи!» —
Все пристают наперебой.
Открою имя ненаглядной госпожи
В надежде обрести покой.

⁵ Два имени прекрасной, Милость и Немилость,
Ведут между собою непрерывный спор;
Претит сокровищу разор,
В накладе разоритель:
Грозят ему стыд и унылость.

¹⁰ Нет, не страшит меня бесстыдная вражда,
Но я к зловредным не ходок;
Слепая ненависть и зависть мне чужда,
С давнишних пор мне чужд порок.

Не дрогнет благонравие перед врагом;

¹⁵ Где тысячи против безумца одного,
Там нет простора для него,
И он умнеет быстро,
Так много умников кругом.

Я госпожи моей не смею забывать,

²⁰ Привержен ей в моем пылу;
Ее достоинства мне вечно воспевать,
Слагая новую хвалу.

Чем больше я пою, тем жарче мне в огне;
Очам отраднo видеть этот ясный лик,

²⁵ Ушам отраднo, что ни миг,
О безупречной слышать;
Отраднo, только больно мне!

Пусть нынче степь разнообразно распвела,
Пускай по-своему красива
30 Дубрава, где сладчайшим тайнам нет числа,
По-моему, прекрасней пива.

Любезным летом утешает меня зной;
Лето, я ли твоих дней не воспеваю,
Жалуюсь, к жалости взываю
35 И признаюсь, печальный:
Любовь моя брезгует мной!

L

Когда я сам себя хвалю,
Выходит, я весьма учтив;
Обиды многие терплю,
Обидчикам не отомстив;
6 Нет, пустынный не стерпел бы столь позорных
бед.

Врагов безжалостно побив,
Явил бы он свой правый гнев,
А я настолько незлобив,
Что прозябаю, присмирив;
10 Мне терпеть и сетовать приходится вдвойне.

Советуете, госпожа,
Вы мне злодея потешать
И, в сердце злобы не держа,
Стыд неприятелю внушать;
15 Так я рад бы поступать, но как поступит враг?

Порадовать я вас готов,
От вашей пострадав игры;
Стыдитесь ваших лживых слов!

Вы правы, если вы добры.
20 Жду от вас добра нередко, к моему стыду.

Где красота, там чистота;
Нет этих двух без доброты.
Душа моя вами занята.
Нельзя же запретить мечты!

25 Пыл и наваждение охотно бы я сам избыл.

Чувства мои вверяя вам в залог,
Как верноподданную песнь мою,
Вниманья вашего я не привлек,
Но преуспел я, не гаю:

30 Двор меня тем выше ценит с некоторых пор.

На вас бросая нежный взгляд,
Вам говорю я без прикрас:
Ваш, госпожа, хорош наряд;
Достойно ваше платье вас.

35 Мой влюбленный дух счастлив служить ему
каймай.

Я презираю лоскуты,
Но ваши взял бы я наряды;
К вам государь пойдет в шуты
Ради такой награды;
40 Да, но, государь, молю вас не ходить сюда!

LI

«Все в мире тлен, — доказывают ворчуны, —
И песни тоже отзвучали».
Уразуметь бы им, что все удручены,
У каждого свои печали.

- ⁵ На празднике за песнью песнь бывает спета
На удивленье;
Мне признается пташка, ставленница лета,
Как бы в томленье:
«Не я пою, то песнь рассвета».
- ¹⁰ Бесстыдники распространяют клевету:
Я, дескать, недруг жен стыдливых;
Один противу всех я правду предпочту;
Смотрите, я не из пугливых.
- Немецких женщин славлю, славить их не грех;
- ¹⁵ Я разливаю
Хороших и дурных, но в чайные утех
Души не чаю
В хороших лишь нет, не во всех.
- Вы, ненависть и зависть, мне милей, чем лесть;
- ²⁰ Преследуя лишь благородных,
Оказываете вы мне большую честь.
Посланницы господ негодных!
- Наушники, напрасны ваши оговоры;
Вас выручают
- ²⁵ Несокрушимые твердые и запоры;
Изобличают
Вас лживые уста и взоры.
- Тот, кто от женщины прекрасной без ума,
Блестать не смеет блеском ложным;
- ³⁰ Однако даже снисходительность сама
Пренебрегла бы мной, ничтожным.
- Я, бедный, разве только верен и стыдлив;
Тот, кто моложе,
Преуспевает, в самомненье горделив.

35 Но не похоже,
Что изменю я, полюбив.

Я думал, что она пороков лишена
В своем незыблемом покое;
Но, говорят, она себе же неверна,

40 Изменчива, как все живое.

Ее достоинствам не до моих заслуг;
По всем приметам
Ей безразличен враг и ненавистен друг;
Все дело в этом,

45 Но женщин лучше нет вокруг.

Меня замучила, безжалостно томя,
Жестокость вместе с безразличьем;
Достоинствами ограничусь я двумя,
Порабощен ее величьем.

60 Достоинств тысячи, но честь и красота
Превыше многих;
И если песня только ими занята,
Для самых строгих
Моя беспорна правота.

ЛII

Что же радость — надоела всем?
Стали жить уныло, точно в келье.
Молодых я не пойму совсем:
Где их пляски, шутки, их веселье?

5 И кого бранить? Кто виноват?

Почему угрюмы
И кушцы и толстосумы?

Не пристала грусть-унылость тем, кто молод

и богат.

- Но судьба не знает, что кому к лицу,
10 Я вот весел, хоть и нищ мой дом.
А богатому скупцу
Все не так среди его хором.
Эх, судьба-судьбина, маху ты дала,
Мне, веселому, богатства пожалела.
15 Это разве дело?
Бедняку тоска да скука больше бы к лицу была.
Но уж я таков, найдет тоска —
Вспоминаю о достойной даме.
Вспомню лето, зелень, тень леска —
20 Мысли станут радостными сами.
В зимний день и я грущу всегда,
Но пример мне луг соседний:
Луг стыдится грустных бредней,
Чуть леса зазеленели, он краснеет от стыда.
25 Ах, когда б ты знала, госпожа:
Вспомню, как достойна ты, чиста —
Сердце так и вскинется, дрожа.
Без любви оно не может, без любви в нем
пустота.
- А «мила», «милей» — не все ль равно?
30 Что милей того, что я скажу?
В целом мире уж давно
Я одну мою люблю, обожаю госпожу.

LIИ

Я в двух отношениях отзывчив, хоть в общем
не знаю пощады.
Был я таким еще в детстве, таким я буду
всегда.
Радоваться умею, если другие рады,

- И уж не стану смеяться, когда у другого беда.
5 Радуюсь ради людей.
Из-за людей озабочен бываю.
Если печаль душою владеет моей —
Что из того? Я свое настроенье скрываю.
Я — как другие, но лишь для того,
10 Чтоб не задеть никого.
Многим весьма безразличны чужие печали.
Что ж, окружающим это приятно? Едва ли.
Было пристойно, любезно общество в прежние
годы,
Вот почему воспевал я радость, бывало.
15 Прежде любимым служили, но это вышло из
моды,
Вот отчего у меня и песен прежних не стало.
Песня знает свой час.
Она — как ее окруженье.
Если исчезнет грубость у нас,
20 Вновь по-придворному будет звучать мое пенье.
Радости вслед и для песен время придет.
Тот, кто его дождетя, увидит счастья приход.
Пусть же никто надо мной не смеется.
Я-то уж знаю, когда какая песня поется.
- 25 Прямо скажу вам, что обществу только во вред:
Женщины слишком хотят с мужчинами быть
наравне.
Худшим из нас, как и лучшим, у них любовь
и привет,
Равенством радость и честь убиты в нашей
стране.
Если б дамы ценили по-разному нас,
30 К ним относились различно и мы бы тем самым.

- Это полезнее в тысячу раз
Было бы и мужчинам и дамам.
Если для них между нами различия нет,
Кто же плохой, кто хороший — дайте ответ.
- 35 Каждой скажу благородной даме:
Кой-что мы в женщинах смыслим, будь вы для
нас одинаковы, вы обижались бы сами.
«Женщина» — лучшее имя для женщин, и нет
им причины
Думать, будто почетнее дамой родиться.
Если ей стыдно быть женщиной — вот ей слово
мужчины:
- 40 Пусть прослушает все и больше не будет
стыдиться.
Дамы есть и не женщины, я говорю это смело.
Но среди женщин — откуда не женщине быть?
Женщину — женскую душу в тело —
Любим, любили и будем любить.
- 45 Дама, как ни знатна,
Женщиной быть все равно должна.
«Дама» — двуликое слово. Эта хвала
Может подчас и хулой обернуться.
«Женщина» — это корона достойного славы чела.
- 50 Встарь воспевал я женщин за их мимолетный
привет,
Песне моей награду я находил даже в этом.
Там, где теперь для меня и простой
благодарности нет,
Пусть другие поют, радуясь их приветам.
Где мне за песню хотя бы один
- 55 Признательный взгляд не пошлют невароком,
Их слуга, но и сам — господин,

- К ним я спиной повернусь или боком.
Это значит: «Мне до тебя
Столько же, сколько тебе до меня».
60 Женщин лишь тех я люблю воспевать,
Которым свойственна благодарность.
Что мне спесивая дамская знать!

LIV

- День за днем страдать, друзья, —
Кто способен этот крест нести?
Не велит воспитанность моя,
А не то бы крикнул: «Счастье, заходи!»
6 Но у счастья всем ответ один:
Счастье не для тех мужчин,
Что верны навек.
Так чего ж тогда я жду, верный человек?
- Боже, что за горький плод
10 Сам себе взрастил я на беду!
Вся моя порядочность не в счет,
Унижение — все, чего я жду.
Нравы доброй старины
Ныне кажутся и глупы и смешны.
15 А богатство, честь —
Что ж, для тех, кто злонамерен, все, конечно,
есть.
- Кто в мужчинах совесть усыпил?
Женщины! Увы, но это так!
Встарь их дух высок и ясен был.
20 И для них был мир и радостен и благ.
Беспорочна их душа была.
Далеко молва об этом шла.

- А теперь беда —
Нравится им тот, в ком нет стыда.
25 Когда я среди женщин нахожусь —
Что всего обиднее, не скрою:
Чем я вежливей держусь,
Тем они надменнее со мною.
Им порядочность смешна.
30 Только если женщина достойна и умна
(Эти здесь не в счет),
Больно ей, когда постыдный слух о женщинах
идет.

- Но уж если женщина чиста,
Муж достоин — вот счастливый брак.
35 Их да воспоют мои уста,
Им я лучших пожелаю благ.
И скажу вам, как велит мне честь:
Если мир не станет лучше, чем он есть,
Знайте, жить я буду,
Как мне нравится, а пенье и стихи навек забуду.

LV

- Мужчины говорят: во всем
Виновны женщины — то нас
Не встретят с радостным лицом,
То вовсе не поднимут глаз.
6 Упрек я слышал и обратный:
У вас порок, мол, неприятный.
Для жалкой радости, мужчины,
Не жаль вам ни души, ни тела.
А наша радость? Нет вам дела?

10 Кто ж нас рассудит в час кручины?

Одна из этих дам глумилась,

Что похвалы мои иссякли.

Она глупа и зла, не так ли?

Моя хвала учетверилась!

15 Хвалу достойнейшим такую

И средь плохих я петь рискую.

И пусть они не таковы:

Не всем же петь хвалу и славу!

(А коль вам это не по нраву,

20 Так станьте же добрей и вы!)

Хвалу достойным лишь одна,

Я знаю, слушает спокойно,

Сама любых похвал достойна,

Не знает зависти она.

25 Ей дал Всевышний чистоту,

А к чистоте и красоте.

Великий он художник был,

Коль сочетал в одной их обе.

Но если б он хоть сто подобий

30 В честь этой, первой, сотворил!

Да, женщины под стать попам:

Им зло добром назвать нетрудно.

А кто им верит безрассудно,

Расхлебывай свой промах сам.

35 ...

...

Но из-за них я стал сердиться:

Ведь оба качества прекрасны,

Но могут стать небезопасны

40 У той, что срама не стыдится.

LVI

Делю — уже подходит срок —
И дом и собственность мою.
Чтоб возгореться спор не мог,
Об этом людям и пою.

5 Всех бед моих клубок, всю боль — во славу
божью

Отписываю тем, кто злобой жил и ложью.
Все, что мне сердце жгло,
И страх, и горе, —
Той лживой своре,

10 А что здесь ткется —
Тому, кто без любви в своей любви клянется.
Кто женщине, любви добившись,
Приносит только зло.

Я скоро к вам приеду снова
15 В капризах женских умудрен,
Я много разузнал такого,
Что мне легко их брать в полон.
Тогда клянусь здоровьем, жизнью, честью.
Как защищаться им перед моею лестью?

20 Всевышний видит, прав ли я:
Ее, бедняжку, задурят,
Заговорят,
И как клянутся!
Глаза на лбу, и где слова берутся!

25 Но всех рассудит вечный Судия.
Ее сочувствие мне лестно,
Но меру пусть блюдет она.
Когда меня жалеют честно,
Пусть будет в меру и грустна.

- ³⁰ Я думаю, спасаться надо ей
От бурных радостей, от бешеных страстей.
Они достоинству во вред.
Но мыслить здраво,
Ну где им, право!
- ³⁵ Она, вы слышите, рожает
И губы, чтоб не закричать, кусает.
(Пускай хоть до крови, другого средства нет!)

LVII

- Любовь преследует сердца,
Которые не ждут любви;
Она порой потворствует глупцу
В стремлении опасном;
- ⁵ Послушай, чистая жена:
Любить не следует юнца;
Детей в тенета не лови;
Любовь подростку вовсе не к лицу;
И в образе прекрасном
- ¹⁰ Часто ложь затаена.
Влюбляйтесь, так сказать, с умом,
Безумию не потакая;
Облагородит и возвысит
Вас любовь такая.
- ¹⁵ Подумай, взвесь, найди достойного любви,
А если не найдешь, твоя вина.

LVIII

Иной в юдоли сей скудельной
Любовью тешится поддельной;
А тот, кто не прельщается подлогом,
Запечатлен любовью перед богом.

- ⁵ Любовь смиренно выбираю,
Чтоб с небесами породниться;
Любовь — святая проводница,
Навеки преданная раю.

LIX

- Любовь — не муж и не жена;
Души и тела лишена;
Ни с каким она не схожа ликом,
Неуловима в своеволие диком,
⁵ Но лишь любовью смертный жив;
Любовь приносит милость божью,
...
Любовь чужда тому, кто лжив.

LX

- Обетованных жду щедрот
Я возле запертых ворот;
Напрасно в них стучусь я, истомленный;
Дождю подобные дары
⁵ Достались всем до сей поры,
Один лишь я страдаю, обделенный.
Властитель Австрии, бесспорно,
На всех влияет благотворно,
Словно ливень по весне;
¹⁰ Отраднo расцветает степь сначала,
Потом народ цветы срывает;
Меня властитель забывает,
Хоть бы листик дал он мне,
Чтобы при виде благ моя хвала звучала,
¹⁵ Распространясь по всей стране.

LXI

Сказал мне славный венский двор:
Ты мил мне, Вальтер, с давних пор,
Так почему же мы теперь в раздоре?
А был я, как никто, в чести,
⁵ Так мог бы разве что цвести
У короля Артура я в фаворе.

Дам и рыцарей немало
Песням Вальтера внимало;
Мне теперь несдобровать:
¹⁰ Вся крыша в дырках, обветшали стены;
Я ловлю косые взгляды;
Золото, коней, наряды —
Все привык я раздавать.
Я нищ, я гол, нет горше перемены;
¹⁵ Мне даже не с кем танцевать.

LXII

Австрийский герцог Фридрих преуспел:
Скончался во плоти, душой при этом цел.
Я, как журавль, завяз; куда же мне стремиться?
С павлином схож, я ковылял едва-едва,
⁵ И до колен моя склонялась голова;
Теперь мне можно распрямиться.
Итак, настал конец мытарствам;
Очаг обрел я, государя с государством.
Как хорошо плясать под скрипку эту!
¹⁰ Привычный гнет не так тяжел,
Надежный путь я наконец нашел,
И рад я моему расцвету.

LXIII

Король Филипп не стар, корона подревней;
Нельзя не подивиться, сколько блеску в ней;
Как соразмерно все в изделии кузнечном!
Корона с головой монаршей заодно,
⁵ И разлучить их, без сомнения, грешно;
Прекрасны обе только в единении вечном.
Обеим радостно блистать;
Красавцу молодому сей венец под стать
В любви взаимной, в роскоши природной;
¹⁰ Заблудшим этот светоч дан;
Для всех князей, для разных стран
Звездою воссиял он путеводной.

LXIV

Сидел я, брови сдвинув
И ногу на ногу закинув.
А щеку подперев рукой,
И обсуждал вопрос такой:
⁵ Как надо жить на свете?
Но кто решит задачи эти?
Нам надобно достичь трех благ.
И ни одно не обойти никак.
Два первые — богатство и почет.
¹⁰ Они друг другу часто портят счет.
А третье — божья благодать, —
Ее превыше тех должны мы почитать.
Все три хотел бы я собрать в одно,
Но, к сожаленью, людям не дано,
¹⁵ Чтобы почета, божьей благодати
Да и богатства, кстаги,
Один был удостоен в полной мере.

*Осада замка крестоносцами.
Большая Гейдельбергская рукопись.*

Судьба пред нами закрывает двери
Предательство в засаде ждет,
20 Насилье сторожит и выход наш и вход.
Забыли мы о праве в покое.
Покуда эти двое так больны, не могут быть
здоровыми те трое.

LXV

В ручье среди лужайки
Я видел рыбок стайки,
Видал огромный мир чудес,
Траву, камыш, и луг, и лес,
6 Ползущих, и летящих,
И по земле ходящих.
И знаю, что везде, всегда
Царит жестокая вражда.
И червь, и зверь, и птица
10 Должны с врагами биться,
И, чтоб в ничтожество не впасть,
Они установили власть.
Поскольку без правленья
Терзают граждан тренья,
15 Там избран царь, там каждый род
И слуг имеет и господ.
А с вами, немцы, горе,
Вам любо жить в раздоре.
Порядок есть у мух, у пчел.
20 А немец дрязги предпочел.
Народ мой! Не впервые
Хотят князьки чужие
Твои разрушить рубежи.
Отдай имперский трон Филиппу, а тем их
место укажи!

LXVI

- Я подсмотрел секреты
Почти что всей планеты,
Мужчин и женщин наблюдал,
И споры и раздор видал.
- ⁵ Был Рим во славу божью
Кругом опутан ложью.
И вышел спор двух королей,
Какого мир не видел злей.
Исход его был странен:
- ¹⁰ Церковник и мирянин
Пошли друг друга бить со зла,
И гибли души и тела.
Церковников миряне
Разбили в лютой брани.
- ¹⁵ Те тотчас, отложив булат,
Надели столы вместо лат.
Но церкви разрушали,
Кого хотели — гнали,
Не тех, кого бы гнать пора.
- ²⁰ В углу церковного двора
Из кельи в прошлый вторник
Взывал один затворник:
«Он молод, наш святой отец,
Спаси, о боже, христиан, спаси твоих овец!»

LXVII

В тот день, когда Спаситель был рожден,
Избравший в матери чистейшую из жем,
Здесь в Магдебурге был Филипп, король
преславный,
Брат кесаря, сын кесаря родной,

⁸ В едином образе, хоть сам его тройной;
С ним скипетр, на челе венец державный.

Он шествовал, невозмутим;
Высокородная супруга шла за ним,
О роза без шипов, о голубица!

¹⁰ Не прославлять ее грешно.
С тюрингцами саксонцы были заодно,
Что мудрым не могло не полюбиться.

LXVIII

Не поскупился Константин,
Самодержавный властелин,
Вверяя Риму крест, копье, корону;
Раздался в небе грозный глас,

⁵ Пугая новой карой нас:
Мир христианский обречен урону.

Распространяется отрава;
Мед желчью стал, позором слава;
Враг землю грешную прельстил.

¹⁰ Властителей законы защищают,
Однако повелитель мира
Поруган происками клира.
Как бог такое попустил?
Попы миряв смиренных совращают;

¹⁵ Нам правду ангел возвестил.

LXIX

Король Филипп, недаром люди говорят,
Что ты достойнейших одаривать не рад;
Так не остаться бы тебе в накладе!
Дай лучше тысячу, чтобы не прогадать;

⁵ Впустую тысяч тридцать можешь ты раздать,
Отказывая лучшему в награде.

Сказал премудрый Саладин:
«Сорить сокровищами должен властелин,
Страх и любовь к себе всегда внушая;

¹⁰ Король английский выкупился, не скупясь;
Простую истину ты взвесь, не торопясь:
Затраты малой прибыль требует большая».

LXX

Филипп, король преславный!
В тебе живет геройский дух, —
Придворные сказали:
«Когда, самодержавный,

⁵ Ты стоишь властелянов двух,
Щедрее быть нельзя ли?»

Будь, повелитель, пощедрей!
Рукою доблестной своей
Весь мир щедротами засея

¹⁰ Во имя урожая.
Лишь гот, кто знает, как дарить,
Весь мир способен покорить;
Так Александр умел царить,
Отважных и прилежных ублажая.

LXXI

Мне, повара, внимлите:
Намереваюсь подсказать
Вам правило такое:
Вы соблаговолите

⁵ Не тоньше пальца нарезать
Властителям жаркое.

Сообразить не так уж трудно,
Что, мясо нарезаю скудно,
Грек промахнулся безрассудно,
¹⁰ И нет ему прощенья;
А если в гости захотел
Князь, промотавший свой удел,
Пусть вон пойдет, покуда цел:
Подобный гость не стоит угощенья.

LXXII

Встретите меня приветом!
Я вам ответствовать готов,
Но, поверьте мне, при этом
На ветер не бросаю слов.

⁵ Не скупитесь!
Ваше дело награждать,
А я умею щедрых услаждать;
Честь воздать мне торопитесь.

Славословлю повсеместно
¹⁰ Я немецких женщин от души
И почти что безвозмездно;
Слишком наши дамы хороши.

Так они прекрасны,
Что моя награда —
¹⁵ Только благосклонность, которой сердце радо:
Мои речи не напрасны.

Немец блещет воспитаньем;
Тот, кто хулит немецких жен,
Дьявольским прельщен шептаньем,
20 Ангельской красою раздражен.

И любовь и добродетель
Разве что у нас
Обитают, заверяю без прикрас;
Этому я сам свидетель.

25 Я пространствовал немало,
И не враждебен я чужим;
Только сердцем не пристало
Страннику привязываться к ним.

Славны чужеземцы,
30 Спорить я не вправе,
Но при своем отменно добром нраве
Лучше всех, бесспорно, немцы.

Между Эльбою и Рейном
До венгерских рубежей
35 В единении семейном
Отчизна доблестных мужей.

С преданностью нежной,
Присягая, признаю:
Простая жевщина в родном краю
40 Благородней дамы зарубежной.

Выбирал я госпожу
На радость или на беду;
Пусть на службе я тужу,
К другой вовеки не уйду.

- ⁴⁵ Как мне больно!
И за что она мне мстит?
Госпожу мою господь простит.
Изнурять меня довольно.

LXXIII

- Владыка кесарь, посмотрите:
Над королями вы царите,
Затмив короной вашей все короны;
Карая, милует рука,
⁵ Во всеоружии крепка;
Для власти вашей нет в миру препоны.
Союзник непритворный
Верней других служить горазд;
Чужда такая преданность подлогу.
¹⁰ Нет, мейсенец покорный
Вовеки государя не предаст;
Скорее ангелы изменят богу.

LXXIV

- Владыка папа, в вашей власти
Меня избавить от напасти;
Спасает христиан повиновенье.
Но кесарь — наш властитель тоже,
⁵ Не почитать его негоже:
Он ваше получил благословенье.
И вы не забывайте:
Сказали сами вы: благословен
Благословивший, проклят проклинавший;
¹⁰ С пути нас не сбивайте:
Нет в провиденьи перемен.
Священством правит божью власть признавший.

LXXV

Бог ставит королем, кого захочет он,
И этим я не удивлен.
Но вот попам дивлюсь я много:
Чему они учили весь варод,
⁵ То стало все у них совсем наоборот.
Так пусть во имя совести и бога
Нам растолкуют, что безбожно,
Что истинно, — начистоту!
Ведь мы им верили недаром,
¹⁰ Где ж правда — в новом или в старом?
Коль то правдиво — значит, это ложно:
Два языка не могут быть во рту!

LXXVI

Когда скитался по миру Христос,
Еврей задали ему вопрос:
Платить ли впредь им подать государству;
Вот основание для тревоги:
⁵ Быть может, грех платить налоги?
Но нет, Христос не поддался коварству.
«Чей образ на монете?» —
Спросил он. «Кесарев!» Так соблюдайте
То, что сказал Христос, гнушаясь ложью,
¹⁰ Царящей всюду в свете:
Вы кесарево кесарю воздайте,
А богу божье, помня волю божью.

LXXVII

Распространите, кесарь, шире
Средь немцев мир в подлунном мире,

И вы прославите свою державу;
Высокий замысел вам дан:

⁶ Вы помирите христиан,
Язычникам являя божью славу.

Блесните доблестью двойною,
Орлиным духом, силой льва;
Двойным гербом ваш добрый щит украшен.

¹⁰ Вот в чем перед войною
Залог святого торжества:
Враг сильному и щедрому не страшен.

LXXVIII

С веленьем божьим, как посол,
К вам, император, я пришел:
Земли владыка, вас владыка всей Вселепной
Как своего наместника винит

⁵ В том, что язычник вас теснит,
Глумясь над господом в его стране священной.
За право божье в бой, скорее в бой!
Не вы ль Христа и бога щит!
И сыном божьим вам суждена награда:

¹⁰ С ним заключите договор святой,
Тогда он ваше право отстоит
Хоть перед чертом в безднах ада.

LXXIX

Нельзя не жаловаться нам: беда беду пророчит.
Оказывается, отец наш папа нас морочит.
Для нас, как для детей своих, он пролагает путь;
Отстать боимся мы и не решаемся свернуть.

- ⁶ Пойми же, в чем беда, мирянин бестолковый,
Пусть папа лжив, с него пример все брать
готовы;
Пусть корыстолюбив, другие тоже
корыстолюбивы;
Пусть папа нечестив, другие тоже нечестивы.
Не стоит возражать, слова мои правдивы.
- ¹⁰ Иуды старого Иуда стоит новый.

LXXX

Престол святейший в Риме уподобить смею
Я Гербрехту, безжалостному чародею,
Которому грозили собственные чары;
Так Рим на верующих навлекает кары.

- ⁶ Пора бы всем народам возопить в разладе:
«О господи, проснись в небесном вертограде!
Извращены твое творенье и глагол,
Твою сокровищницу грабит произвол,
Твой миротворец насаждает лишь раскол,
- ¹⁰ Твой пастырь — хищный волк в твоём овечьем
стаде!»

LXXXI

Как набожно папа смеется, как свято каждое
слово,
Когда своим чужеземцам он сообщает: «Гогово!»
Но лучше б даже не думал того, что сказать он
так рад:
«Теперь у меня два немца под одной короной
сидят.

Но это запрещено самим Христовым крещеньем.
Ведь ясно: он чернокнижью учился у сатаны.
Теперь вы чертову мудрость нести всем людям
должны.

Но ваши хоры — под кровлей, от снега
защищены.

¹⁰ А наш алтарь — под дождем, и души полны
смущеньем.

LXXXIV

Когда корыстная поповская рука,
Разжавшись наконец, одарит бедняка,
Заговорит она не хуже языка.

Попы просили подаяния когда-то;
⁵ Им Константинов дар вредит наверняка.

Лишь государева щедрота виновата
В том, что сегодня церковь чересчур богата;
Вот корень пагубный поповского разврата.

LXXXV

Не совратиться сердце в этот век не может,
Когда безверие сам папа в мире множит,
Хоть спрашивается, уж папа ли не свят,
А посмотрите, что попы творят и говорят!

⁵ Когда-то преданы прообразу благому,
Теперь себя ведут и учат по-другому;
В загоне добродетель и рассудок здравый,
Как будто бы морочит нас лукавый;
Мы, глупые миряне, путь забыли правый,
¹⁰ И остается только плакать схимнику святому.

LXXXVI

Воспетый мною схимник старый вновь скорбит;
Он говорит, что папа, виновник всех обид,
Духовных совращает, на мирян сердит.
Дурные процветают, хороших ждут мытарства;
⁶ Удар ударом будет наконец отбит.

Богатство — предпосылка поповского коварства;
Прижать священство нужно — другого нет
лекарства, —
Чтоб служила церковь скрепою для государства.

LXXXVII

Весь христианский мир в разброде, бог —
свидетель;
Вероучители забыли добродетель
И превзошли мирян в неистовых грехах;
Им ненавистен бог, и неизвестен страх.

⁶ Ведут на небеса, приводят к преисподней,
Внушая, что, по милости господней,
К спасенью нас ведет их слово, нет, не дело;
А между тем попы развратничают смело,
Красоток робких совратив умело.
¹⁰ Какая книга духовенству служит сводней?

LXXXVIII

Мне Тегернзее хвалил знакомый люд:
Мол, гостю там всегда и пища и приют.
Я сделал добрый крюк в две мили,
Ведь я же странный человек:
⁶ Себе не верил я вовек,
А верил в то, что мне другие говорили.

- Я не глумлюсь — господь, помилуй души ваши!
Поставили мне воду,
И, мокрый, дал я ходу:
¹⁰ Как под дождем бежал, покинув стол монаший.

LXXXIX

- Ландграфу я служу, мой выбор не напрасен;
Лишь лучшему из лучших я служить согласен;
Достаточно добры другие господа,
Но только граф необычайно щедр всегда.
- ⁵ Облагодетельствовать рад по всем приметам,
Не знает колебаний граф при этом;
Другой сегодня добр, а завтра вновь жесток;
Так расцветает клевер на корсткий срок.
Зато в снегу тюрингский цел цветок,
¹⁰ Хорош, как в старину, зимой и летом.

XC

- Злой Герхард Атце, чья вина
Передо мной бесспорна,
Мою лошадку застрелил,
И в суд я обратился;
- ⁵ Трех марок стоила опа;
С обидою притворной
Ответчик якобы вспылил
И в рассказни пустился.
- Мол, без перста бедняга,
¹⁰ Мол, вышла передрыга:
Перст откусил коняга,
Лошадки той родня.
Он лжет, судите сами!

Обеими руками

- ¹⁶ Клянусь я перед вами:
Все это болтовня!

ХСІ

Ты хочешь, Дитрих, ко двору?
Коня тебе я подберу.
Нет у меня коней, но я спокоен.
Ты только погоди чуть-чуть

- ⁶ И сможешь ты пуститься в путь.
Поверь мне, будет конь тебя достоин.

На кошку золотую сядь, счастливый!
А Герхард Атце чем не конь ретивый?
Заправский был бы конь, когда бы сено жрал!

- ¹⁰ Как обезьяна, смотрит он, глазастый,
Напыщен, как петух горластый;
— Да, Герхард Атце — конь превыше всех похвал.
Прочь убирайся, колченогий! Атце ты избрал.

ХСІІ

Тому, кто немощен, а то и просто хвор,
Грозит опасностью тюрингский двор;
Там доканают хилого калеку;
И день и ночь проходят в бешеной гульбе,

- ⁶ Так что становится подчас не по себе
Не только мне, любому человеку.

Там промотать готов ландграф
Свои богатства, лишь бы свой потешить нрав,
Великий пир для бражников устрой;

- ¹⁰ Всем щедрость графская видна;

Там не жалеют яств и доброго вина
И не пустеют кубки у героев.

XCIII

Нас вытесняет наглый сброд,
Принарядившись пышно;
Среди придворных поровит
Обосноваться спесь;

⁶ Вся эта сволочь заорет,
И нас уже не слышно;
В опале тот, кто даровит;
Ему не место здесь.

«Мы, дураки, в фаворе;

¹⁰ Внимают нашей своре,
Когда в церковном хоре
Мы всех перекричим».

И мы бы распевали,
Но запоешь едва ли,

¹⁵ Когда тебя прервали;
Так лучше замолчим.

XCIV

Вам, Фолькнант, не пристало
В грязь ударять при всех лицом;
Нет, Вальтер вам не равен!
В наветах толку мало,

⁵ Лишь прослывете вы глупцом;
Как прежде, Вальтер славен.

Увидят люди все равно,
Кто здесь мякина, кто зерно;

- Петь больше вас ему дано;
10 Вы схожи с ним, как зад и месяц ясный;
Как хочет Вальтер, так поет;
Он плодовит, но без длиннот,
Господ он тешит и народ,
А вы как пес; постыл ваш вой напрасный.

ХСV

- Горе песням благородным,
Если грубых звуков сила —
Видит бог! — безвкусьем модным
Даже Двор заповонила.
5 У друзей нерадостные лица.
Где вы, где, творцы высоких песен?
Будь что будет, но коряв и пресев
Этот стиль, что быть искусством тщится.
Кто вернет нам верность чувства,
10 Стройный стих и радость пенья?
Он от всех друзей искусства
Заслужил бы одобренья.
В этом был бы дух Двора, тот самый
Дух, который мы доныне чтим.
15 Так судили рыцари и дамы,
А теперь отступник не судим.
Мало тех осталось в мире,
Кто, любя былой обычай,
Благозвучье ценит в лире.
20 Я ж воспитан старой притчей:
Кто играть на мельнице захочет,
Где шумят колеса и вода,
Где скрежещет жернов и грохочет, —
Разве арфу принесешь туда?

*Нейджарт фон Рейнталь.
Большая Гейдельбергская-рукопись.*

- 25 Хоть собой они довольны
И стряпней своей плачевной,
Те, кто в песнях своевольны,
Вызывают смех мой гневный.
Квакают, как жабы в майском хоре,
30 Горлопанят — кто во что горазд.
Соловью от них такое горе,
Что ни звука бедный не издаст.
Если б шум их прекратили,
Ходу в замках не давали,
35 Мы бы так не загрустили,
Мы бы радость воспевали.
При Дворе не к месту этот сброд,
Если бы я мог его прогнать!
Пусть в хоромы мужичья идет,
Для него там благодать.

XCVI

- Ах, государь, простите!
Ландграфу вы не мстите!
Он, правда, виноват,
Но враг он откровенный;
6 Опасней трус презренный,
Невыявленный супостат.
Повсюду ковы и корысть;
Один другого рад загрызть
По наущенью Рима;
10 Сперва друг друга обкрадут,
Потом друг друга предадут:
Вражда непримирима.
Вор грозит вору,
Затеяв ссору.

ХСVII

«Привет хозяину!» В ответ помалкивать мне
нужно;

«Здорово, гости!» В ответ я клявлюсь,
почтительный наружно.

Хозяин каждый домом собственным гордится,
А гость под крышею чужой всегда стыдится.

⁶ Когда же, наконец, обзаведусь я кровом,
Дабы мне гость ответил добрым словом?
Здесь ночь, там день, пока я сам в гостях
у всех;

«Я дома, я иду домой» — утеха из утех;
Где гость незванный, там разор и грех;

¹⁰ Гостеприимный заживет в довольстве новом.

*Ландграф Герман Тюрингский с супругой
во время состязания в Вартбурге.*

Большая Гейдельбергская рукопись.

ХСVIII

Богатство мне сулил высокородный Отто,
Но щетно я служу, впустую вся моя работа;
Лишь королевская вознаградит меня щедрота.

- ⁵ Я пустяка прошу; забота вынуждает
Припомнить истину простую наконец;
Когда-то сына своего учил отец:
«Когда дурному служишь, лучший награждает».

- Вы, господин мой Отто, человек дурной;
Я сын; служить я буду вам любой ценой;
¹⁰ Вознаградит меня король, никто иной.

ХСIX

У господина Отто щедрость измеряя,
Я ошибался, глазомеру доверяя;
Берет он ростом, в добродетели теряя.

- Предлинный рядом с маленькими господами,
⁵ Он все-таки обрубок, жалкий коротыш,
Поскольку духом он уродливый малыш,
Которому теперь уже не вырасти с годами.

- Потом я мерил короля на свой аршин
И убедился в том, что выше нет вершин;
¹⁰ Растет он и растет, как настоящий исполин.

С

От Людвига с приветом
Из Франкфурта привез
Гонец мне песнь такую,
Что, кланяясь при этом,

⁵ Растроган чуть ли не до слез,
Всем сердцем я ликую.

Достойный Людвиг горюват;
С ним поделиться я бы рад
Всем тем, чем сам я не богат,
¹⁰ И за почет воздать ему почетом;
Желаю верным псам настичь
В дубраве редкостную дичь,
Чтобы звучал победный клич
И рог — пролог перед великим взлегом.

С I

Пусть Мейсенец мне платит!
С меня посулов хватит,
Хвалителя грех обижать;
Был мной почет заслужен;
⁵ Когда ему я нужен,
Меня он может удержать.

Мне за хвалу хвала нужна.
Другим наградам грош цена,
Я снес бы даже травлю;
¹⁰ Но если петь велят бесплатно,
Я при дворе возьму хвалу обратно.
При людях обесславлю;
Так в чем же дело?
Ждать мне надоело!

С II

Был Мейсенцу я верен,
Был в песнях неумерен,

Немало расточил похвал,
О нем красно глаголя;
6 Моя была бы воля,
Его бы я короновал.

Смотрю, награды нет как нет,
Хоть мог я добрый дать совет
И защитить к тому же;
10 Со мною не поладил он
И должен понести урон;
Ему же будет хуже.
Служить обидно:
Прибыли не видно.

СIII

Был Каринтиец щедр дарил он торовато,
Нарушил слово и замкнулся виновато,
Хоть, право, на него совсем я не сердит;
Не так уж редко щедрость щедрому вредит.

6 Корить его, пожалуй, неуместно.
Благодеянья делать лестно;
Он выдать платье мне велел, а платья нет;
Он будет гневаться, покуда я раздет,
И совестно ему: обманывать не след;
10 Кому из нас теперь сквернее, неизвестно.

СIV

С придворными готов сравнить я наглецами
Мышей, назойливо снующих с бубенцами;

Ласкатель вкрадчиво пищит из щелочки своей;
«Мышь, мышь» — нам лучше бы кричать,
а не «злодей, злодей!»

- ⁵ Преславный Каринтиец, вот я опорочен;
Князь добрый, ты свою честью озабочен;
Не знаю, кто посмел мой исказить напев;
Не слабого, надеюсь, поразит мой гнев;
Мечтаю меч я обнажить, расвирепев;
¹⁰ Спроси, как пел я; будь в расследованьи точен.

*Певцы в Вартбурге.
Большая Гейдельбергская рукопись.*

CV

Я плачу, Рейнмар, о тебе
Сильней, чем ты бы плакал обо мне,
Когда б не ты, но я лежал в гробу холодном.
Я честно сознаюсь и в том,
⁶ Что слезы лью не о тебе самом —
Лишь о твоём искусстве благородном.

На добрый лад настраивая лиру,
Своим искусством нес ты радость миру.
Но нет красноречивых уст,
¹⁰ Чудесных песен больше нет!
Увы, я жив, но их уже не стало.
Куда спешил, зачем ты жил так мало?
И сам я скоро кончу петь, и сам уйду тебе
вслед.
Мир духу твоему, о Рейнмар, благодарю тебя,
поэт!

CVI

Ни мудрость, честь, ни сила слова,
Ни яркость облика мужского,
Увы, не вечны, как не вечно тело.
И плачет горько тот знаток.
⁶ Что оценить утрату смог:
Твоя, о Рейнмар, лютия отзвенела!
Хвалы потомков ты стяжал по праву.
Неутомимо пел ты женщин славу.
Их вечный долг — благодарить поэта.
¹⁰ Когда б ты спел одно лишь это:
«Восслався, женщина!» — уже б ты сделал много.
И каждая из них теперь за Рейнмара пусть
молит бога.

СІХ

Австрийский герцог, вы недаром оглучились;
Мы встретим почестями вас, вы отличились,
И к почестям, достойным вас, вы приучились.

Вас встретят с лютнями и с колокольным
звоном,

⁶ Вы просто чудо, заглядение для всех,
Поскольку далеки от вас позор и грех;
Мужам вы дороги, вы милы нежным женам.

Вернитесь вы домой, не принося вреда,
Чтобы не смела говорить о вас вражда:

¹⁰ «Блестать бы там ему, не возвращаться бы
сюда».

СХ

В тот год, когда в поход наш Леопольд
собрался,

Он заскупился, денег накопить старался;
Другие отставали от него едва ли,
Нуждающемуся тогда не подавали.

⁶ Тот, кто двору во всем прилежно подражает,
Себя ничуть не унижает;
Герой австрийский скуп, когда скупится двор;
Но вот расщедрились там с некоторых пор,
Прижимистым невежам при дворе позор,

¹⁰ Отсталому скупцу опала угрожает.

СХІ

Все три заботы движут мною,
Но я, покончив хоть с одною,

Превозмогу все остальное тоже:

Мои заботы заодно,

⁵ И преуспеть мне суждено

Во всем или ни в чем — на то похоже.

Где милость божья, там любовь любимой;

Добьюсь я их в тоске неистребимой,

Но тяжелее третья из забот:

¹⁰ Признал бы наконец меня придворным

Благодаря моим трудам упорным

Двор Венский, лучших добродетелей оплот,

Где блещет Леопольд обилием щедрот.

СХII

Отныне я гораздо резче запеваю;

Молил я до сих пор, теперь повелеваю;

Я вижу, в тонкостях большого толку нет,

У дам и у господ мне вырвать следует привет.

⁵ Невежами в изысканности уличенный,

Вскипеть я вновь готов, ожесточенный;

Им нужно подлости, даю отпор я с гневом;

Здесь в Австрии учился я напевам

И возмущен дурным посевом;

¹⁰ Утешит Леопольд меня, и я воспряну,

излеченный.

СХIII

Леопольд Австрийский, позволь с людьми

остаться;

Пошли меня хоть в поле, не в лесу же мне

скитаться!

Меня ты в дебри гонишь, мне жить бы
по-людски!
Ни в чем не виноватый, умру в лесах с тоски.

- ⁶ Достойным людям потерять меня вкладно;
Вольготно в чистом поле и в лесу прохладно;
Когда лесные дебри настолько хороши,
Живи, пожалуйста, в лесной глуши,
А мне житье плохое разреши;
¹⁰ Тебе в тиши, где ни души, мне при дворе
отрадно.

СXIV

Во имя господ аминь; начать настало время;
Произрастает пышно дьявольское семя;
Я буду горше петь, на грешный мир сердит;
А тот, кто песнь мою прервет, себе же повредит.

- ⁶ С моими песнями нет при дворе удачи:
Пою изысканней, теснят меня тем паче;
Распущенных невеж предпочитает здешний
двор;
Мои заслуги навлекают на меня позор;
Австрийский государь, ты слышишь мой укор?
¹⁰ Поправь их или я заговорю иначе!

СXV

Я предан Богену вполне.
Не дарит он подарков мне
И меня совсем не замечает,
Он русских и поляков привечает,

- ⁶ Но мне пожаловаться грех;
Пускай по-своему не плохи
Назойливые скоморохи,
Искусник превзойдет их всех.

СХVI

- Мне рыцарь подарил алмаз;
Так признан я на этот раз.
Дорогой достался мне подарок,
Но, хотя, беспорно, камень ярок,
⁶ Щедрота для меня куда ценнее,
Как проявление высоты духовной;
И при знатнейшей родословной
Даритель сам еще знатнее.

СХVII

- Нуждается в совете молодой ландграф;
Служилый или вольный советник был бы прав,
Ландграфу возвещая строгий мой устав.
Граф от природы щедр, он стойкий и учтивый,
⁶ В трех добродетелях сказался добрый нрав.
А если шествует властитель справедливый
Прямой дорогою, как путник терпеливый,
И сев и жатву завершает он, счастливый.

СХVIII

- Три лада у меня, и всех воспеть я рад;
Для высших, низших, средних у меня свой лад;
В погрешностях как будто я не виноват.
Как предпочесть мне лад один другому ладу?
⁶ Высокий слишком крепок, низкий слабоват.

Причудливостью средний вызвал бы досаду.
Советом помоги, король, завоевать на раду,
Со мной слагая песню всем и каждому в усладу.

СХІХ

Епископ Кельнский, радоваться вам дано;
Вы государству верой-правдой служите давно;
Поэтому превозносить вас не грешно.

Пороков яростный и доблестный гонитель,
⁶ Для вас король и князь — питомцы все равно;
Трех государей страж, законности ревнитель,
Опора кесаря, неправых обвинитель,
Одиннадцати тысяч дев достойный вы хранитель.

СХХ

Правитель Кельна, песнею прославленный моею,
Убит предательски. Проклятие злодею!
Как носит подлого земля, не разумею.

Нет казни для такой вины. Пусть будет он
закован,

⁶ Пускай дубовые колодки сдавят шею,

Пусть будет он исполосован, колесован,
Со шкурой содранной пусть будет четвертован,
Ад заживо ему кремешный уготован.

СХХІ

О князь Апулии, хранящий Вечный град,
Я нищ, хотя Искусством так богат.
Мне только б свой очаг — я не прошу палат!

- Я воспевал бы птиц, поля, цветы, потоки,
6 Я пел бы, как умел в былые дни певать,
И славил б меня красавицы опять.
И вновь бы с розами я сравнивал их щеки.
Теперь, незванный гость, стыжусь за свой
приход —
Хозяин лучше песнь о солнышке поет.
10 Князь, помогите мне в невзгодах,
И бог спасет вас от невзгод.

СХХII

- Есть у меня удел, уделом я владею;
От страха перед стужей не холодею,
За подающим я не пойду к злодею.
Призрел меня король великий, право слово!
6 Мне в летний зной прохладно, жарко мне
зимой;
И на меня сосед не покосится мой,
Во мне подозревая, как бывало, духа злого.
В скитаньях жалуясь, я жизни был не рад,
И слышался уже в моем дыханьи смрад;
10 Мне внял король, и я запел на новый лад.

СХХIII

- Великий римский кесарь, мне стало так светло,
Так вам я благодарен, что, склонив чело,
Ищу я слов напрасно, хоть бы мне искусство
помогло!
Меня вознаграждая, вы мне свечу прислали,
6 И трепетное пламя нам брови обожгло.

Снятием подобным вы многих ослепляли,
В моих недоброхотов зависть вы вселяли,
Завистников, однако, смириться заставляли.

СХХIV

Мой господин король мне выдал тридцать марок;
Держать ли в скрыне мне столь дорогой подарок
Иль по морю пустить, где столько разных барок?
Конечно, невозможно одарить щедрее,
⁶ Но, грешным делом, я в растерянности ныне,
Вверять ли деньги баркам, запереть ли
в скрыне,
Скажи мне, друг, быть может, лучше промотать
их поскорее?

Попам считать мои сокровища вольно;
Им до деньжонок не добраться все равно,
¹⁰ Поскольку в моей скрыне пустота давно.

СХХV

Гонец, ты государю мой передай совет;
Хоть беден я, но верев; сомнений в этом нет.
Пусть государь отбудет во избежанье бед,
Когда найдет он средства в пору оскуденья,
⁶ Богопротивным вопреки предупреждая вред.
Достойны верные попы вознагражденья,
А у попов дурных дурные побужденья,
Так что, не лучше ли огнать поповские
владенья?

СХХVI

Князья, без короля выиграть вы все готовы;
Вам без обиняков совет я дам толковый:
Вы снарядите короля в поход крестовый.

Богопротивное, поверьте, преступленья
⁵ Удерживать героя, верного Христу;
Враги, позвольте мне сказать начистоту:
Здесь ваше без него упрочится правленья.

Вы рассмеетесь, если пропадет он там;
Дай бог вернуться королю на радость нам;
¹⁰ Так подождем, такой совет врагу и другу дам.

СХХVII

Мне задают вопросы, что видел я недавно
На съезде государей, мол, все ли там исправно;
Хоть отвечать мне стыдно, не промолчу бесславно.

Судили в Нюренберге, как водится, отменно,
⁵ А бедных обделили. Ну, разве не забавно?

С пустой сумой скитался бедняк обыкновенно,
И на него взирали властители надменно,
Однако Леопольд в гостях был щедрым
неизменно.

СХХVIII

Уродец, вырос ты большой;
Тебе труды мои не впрок;
Для розги слишком ты велик,
А для меча ничтожен;
⁵ Пора тебе заснуть;
Любил тебя я всей душой,

- Но дураку помочь не мог;
Я только скрыть пытался, как ты дик,
Но был ты невозможен;
10 Мне надоело спину гнуть.
Не мне теперь тебя учить,
Тебе отныне черт не брат;
Когда другой возьмется за тебя,
Я, несомненно, буду рад;
15 Но в жизни всякому искусству есть предел;
Порок — твоя губительная суть.

СХХІХ

- Когда высших больше нет
И составляют низшие совет,
Тогда в разброде полном двор заблудший;
Так что несведущий судья
6 Решает, кем обижен я;
Обиженных дурными судит худший.
Так, путаясь в тенетах всевозможных,
Предстали лучшие перед судом ничтожных,
Которым надоело лгать исподтишка;
10 Невежды вслух разумного порочат,
Властителей бесстыдные морочат;
Бессильна правда против влого языка;
Повержена корона, церковь лишь крепка.

СХХХ

Я вышел в поисках чудес
И видел чудные дела,
Я видел три пустые трона,
Где Зрелость, Мудрость, Чистота

- ⁶ В былые годы восседали.
Сын Девы, дай нам знак с небес,
Чтоб эта троица могла
Воспрянуть, как во время оно,
И прежние занять места!
- ¹⁰ Их горести мою болью стали.
Тройная власть и все три трона богатым
заняты юнцом.
Мы вместо трех высоких духом склонились
пред одним глупцом.
Воспитанность и Право гибнут, и в людях
больше нет стыда.
Так жалуясь и вяну я в печали.

СХХХI

- Зиме суровой мой горестный упрек;
Вновь доли голы; продрогнув, лес поблек;
Не слышно песен, снег вдоль дороги лег;
Играют девы; когда бы мяч привлек
- ⁶ Пернатых певчих, чей хор теперь далек.
- Всю эту зиму проспять бы лучше мне
И пробудиться благодаря весне,
Когда сдается зима, как на войне,
И рвать я буду цветы в той стороне,
- ¹⁰ Где нынче иней подобен седине.

СХХХII

Земля зеленая цвела,
Лазурь небес была светла,
А песня пташек весела,
Но, каркая, сгустилась мгла.

⁵ Трава поблекла, как зола;
Нет больше летнего тепла,
Нельзя не хмурить мне чела.

Там, на зеленом бугорке,
Я любовался налегке
¹⁰ Озерной гладью вдалеке;
Цвел нежный клевер на лужке.

Где я гулял в моем венке,
Сегодня снег на сквозняке,
И пташки зябкие в тоске.

¹⁵ Морозам рады дураки,
Дрожат и плачут бедняки;
Зимой заботы нележки,
Не избежать и мне тоски.

Но зимней стуже вопреки
²⁰ Вернутся летние деньки,
Они уже не далеки.

Зимой мне слишком тяжело;
Сырого рака ей назло
Я съел бы, только бы пришло
²⁵ Скорее летнее тепло.

Когда бы в мире рассвело
И снова сердце расцвело,
Что в горе зиму провело!

Я, как Исав, подвержен злу;
³⁰ Весь в космах, я пою хвалу
Благословенному теплу,
Когда пахать пора волю.

Не прозябал бы я в углу;
Вознагражден в моем пыли,
85 Я сел бы, как монах, к столу.

СXXXIII

Лег иней, было все бело,
Не стало птиц в округе.
Но вскрылись почки, вновь тепло,
И голоса пичуги.
6 А у цветов на спор пошло:
Кто выше венчик свой поднимет над полями.
Бегу все рассказать моей прелестной даме.
От вьюг, от зимней маяты
Весь мир был точно сонный.
10 Я думал: красные цветы
Мне больше не срывать в траве зеленой.
Умри я от такой беды,
Все загрузили бы и, верно, у кого-то
Плясать и петь пропала бы охота.
15 А пропустил бы тот счастливый мир —
Мне лучше б не родиться.
Растормоши я всех — чего бы я достиг?
Пришлось бы мне проститься
Со всем, что радует, со всем, к чему привык.
20 Благослови вас боже,
И больше радостей пусть он пошлет мне тоже.

СXXXIV

В майский день, порой чудес,
Обновивших луг и лес,
В ясный полдень мая

Я гулял, мечтая.

⁶ Я бродил без цели
Там, где птицы пели,
Где звенит, журчит струя
Говорливого ручья.
Слушал пенье соловья.

¹⁰ И под липой над ручьем
И уснул счастливым сном.
Я в тени прохладной
Мир вкусил отрадный
В неге и покое,

¹⁵ Где забыл о зное,
Где развеял в забвенье,
Близ играющей струи
Злые горести свои.

И увидел я во сне,
²⁰ Что король я в той стране,
Что, блаженствам рая
Душу предавая,
Чем угодно тело
Услаждаю смело.

²⁵ Нет заботы, тишь да гладь,
В сердце божья благодать —
Сон был — только спать да спать!

Я и спал, но — мерзкий звук! —
В сон мой «карр» ворвалось вдруг
³⁰ Из вороньей глотки.
Человек я кроткий,
Но ворон за это
Сжил бы я со света.
Спать еще б хоть пять минут!

³⁶ Попадись мне камень тут,
Был бы твари той капут.

Но попалась мне зато
Только бабка лет под сто
И мне очень мило

⁴⁰ Сон мой объяснила.
Если вы в сомненье,
Это объясненье
Я могу пересказать:
Два да три в итоге пять,
А мамаша — значит мать.

СXXXV

Фрау Боне, нет спасенья
Постнику, хоть каждый день
Постится нерадивый;
До и после вознесенья
⁶ Тлен весною там, где лень,
И прах уже червивый.

Не попадет зато впросак
Тот, кто посеет в поле злак;
Сулит он много разных благ,
¹⁰ Было бы только семя всхоже!
Хорош побег и колосок.
Приземист он или высок,
Пойдет солома тоже впрок,
Фрау Боне, от лукавого избавь нас, боже!

СXXXVI

Искусный занят садовод
Своим зеленым садом;

За каждым саженцем следит
Заботливый мудрец;
5 Растеньям надобен уход,
Как малолетним чадам;
Прилежных труд вознаградит,
Отрадный для сердец.

Начать пора прополку,
10 Иначе все без толку;
Повсюду втихомолку
Растет чертополох.
Вояка из вояк —
Безжалостный сорняк,
15 Не доглядел бедняк,
И сад его заглох.

СXXXVII

Розгами дитяти
Мы грозим некстати;
Тех, кто малость поумней,
Слово бьет больней ремней.

6 Слово бьет больней ремней
Тех, кто малость поумней.
Мы грозим некстати
Розгами дитяти.

Дети, не дурите!
10 Языки запряте;
Грех держиге взаперти,
Чтобы душу вам спасти.

Чтобы душу вам спасти,
Грех держите взаперти.

- ¹⁵ Языки запряге.
Дети, не дурите!
Очи нужно тоже
Охранять построже.
Созердайте лишь благое,
²⁰ А не что-нибудь другое!
Нет, не что-нибудь другое,
Созердайте лишь благое;
Охранять построже
Очи нужно тоже.
- ²⁵ Берегите уши!
Все грехи — втируши.
Проникает в уши грех,
Предвещая неуспех.
Предвещая неуспех.
³⁰ Проникает в уши грех;
Все грехи — втируши.
Берегите уши!
Юношам заданье —
Самообузданье;
³⁵ Уши, очи, языки —
Для распущенных силки.
Для распущенных силки —
Уши, очи, языки.
Самообузданье —
⁴⁰ Юношам заданье.

СXXXVIII

Отцы не вовремя очнулись;
Они в потомстве обманулись,

А нужно было слушать Соломона:
Тот, кто ребенка не сечет,
5 Его на гибель обречет,
Не преподав ни чести, ни закона.

Хорош был прежде мир наш бранный,
Теперь испортился, презренный;
Беспощадны к старику
10 Юнцы, к почету рвущиеся с жаром;
Над стариками вы глумитесь,
Их дерзко вытеснить стремитесь,
А не на вашем ли веку
Подвергнет юность вас таким же карам?
15 Возмездье вам я предреку.

СXXXIX

О юноша, изволь мне внять!
Ты будешь на себя пенять,
Когда предашься слишком ты стяжанью.
Будь к самому себе ты строг,
6 И да пойдет урок мой впрок
Рассудку твоему и прилежанью.

Имей, приятель, разуменье!
Потеряв свое именье,
Себя ты потеряешь сам;
10 А возлюбив богатство, дар неверный,
И честь и душу потеряешь;
Если ты мне доверяешь,
Вверяй проверенным весам
Достойный груз, разумно соразмерный,
15 Согласно мудрым словесам.

СХL

Жизнь! О как ты мне мила!
Пускай изменчив твой извив,
Ты меня не извела;
Я бьюсь, тебя не изловив.

⁶ Как ты поспешаешь!
Вечно искушаешь
И меня надежд лишаешь.

У тебя немало благ,
Мне желанно лишь одно.

¹⁰ Жизнь, ты подай мне добрый знак!
Ведь служу я так давно.

При моем служенье,
Хоть в пренебреженье,
Я в твоём распоряженье.

¹⁵ Жизнь! Мольба моя — не грех.
Вновь к тебе я присгаю.
Жажду я твоих утех,
Увенчай любовь мою!

Мне ты порадеешь

²⁰ И не оскудеешь;
Всем ты, госпожа, владеешь!

Не знаю, мил или не мил
Я тебе, но, видит бог,
Все тебе я посвятил.

²⁵ Жизнь, хорош я или плох!

Пусть мои залого
Для тебя убоги,
Вправе я просить подмоги!

Если ты не умудишься
⁸⁰ Преуспеть, меня жалея,
Жизнь, ты вскоре разоришься,
Привечая дуралея.

Чтобы честь по чести
Я служил без лести,
⁸⁵ Не откажи мне в доброй вести!

CXLI

Кто ради временных утех
Готов принять позор и грех,
Тот не умен, чтоб не сказать мне хуже.
А кто позором не смущен,
⁶ Хотя грехом обогащен,
Тот негодяй да и глупец к тому же.

Премудрый, сам себе радетель,
Чтит благодать и добродетель;
¹⁰ Он жертвует за них, привержен богу;
Зато глупец готов к подлогу;
Теряет много понемногу
Он ради почести любой;
Так приближается к плачевному итогу
¹⁵ Слепец, обиженный судьбой.

CXLII

Прославлен щедрый человек,
Он чудеса творит весь век;
Преградами не утрашен,
Ко благу поспешает;

⁶ Вставая рано поутру,
Прилежно трудится в миру;
В своей науке искушен,
Благое завершает.

Ты делай так, и ты впросак
¹⁰ Не попадешь при этом;
Тот, кто не забывал о боге,
Не отказав другим в подмоге,
Как бы в итоге
Прославлен целым светом.

СXLIII

Богатством с толку сбит богач,
Что хуже всяких неудач;
Большой достаток человеку вреден;
Еще несчастней тот, кто слишком беден.
⁶ Давным-давно так повелось в миру:
Людей богатство ослепляет,
Тогда как бедность отупляет;
То и другое не к добру.

СXLIV

Я видел Травемунде, видел По и Сену
И человеческому роду знаю цену;
К богатству каждый жадно руку протянул;
Будь я таким, во мне бы мой высокий дух
заснул.

⁶ Богатство благо, лишь бы честь была дороже;
Теперь милей богатство каждому вельможе;

- Богатство — сила, покоряющая жев;
Богатством даже государь заворожен;
Во всей империи порядок искажен;
¹⁰ Богатство, ты порок; богатым быть негоже.

CXLV

- Уродство, в мире ты царишь,
Мужеподобных жев творишь,
Чьи мужья скорей на жен похожи;
В рыцарях попы, в попах вельможи;
⁶ Мельчает все тебе в угоду:
Младенцы старцами роятся,
Тогда как старцы молодятся;
Так искажаешь ты природу.

CXLVI

- Продажным людям грош цена,
Будь это муж или жена;
Торговать собой — доход неважный,
Самому себе вредит продажный.
⁶ Не хорош продажный человек;
Уж лучше отдаваться даром;
Кто сделаться решил товаром,
Тот обесценился навек.

CXLVII

- В миру без друга не прожить,
Друзьями нужно дорожить;
Друг, несомненно, дорог, если верен,
Не переменчив и не лицемерен;
⁶ Такая дружба — редкий дар;

Я к другу было потянулся,
В котором быстро обманулся:
Он укатился, словно шар.

CXLVIII

Кто это скользкий, словно лед,
Вдруг в оборот меня берет?
Я, как шар, гонимый окаянством,
Но грех меня корить непостоянством.
5 Я верен, если верен друг,
Который красок не меняет;
Но если дружба полиняет,
Как шар, я выскользну из рук.

CXLIX

Без друга знатное родство
Не стоит ровно ничего;
Друг всяких родичей вернее,
И даже тот, кто знатного знатнее,
5 Король в друзьях нуждался искони;
Сородичей любя вельможных,
Приобретай друзей надежных
И преуспеешь без родни.

CL

Взбесилась как-то цифра шесть,
Решив себя семеркой счесть,
И не без надлежащего напора
Потребовала для себя простора,
5 Шестерка лезла на рожон,
Но при своей повадке бойкой

Сравнялась лишь с малюткой тройкой,
Терпя заслуженный урон.

СLI

Бог видит, я не поступаюсь правотою;
Не пробаваюсь я хвалой пустою,
В деяньях и в словах я славен прямою.

Желчь затаенная противоречит меду;
⁵ Мне жутко, если улыбнется супостат;
Улыбка друга, словно ласковый закат,
Мне предвещает ясную погоду.

Улыбкою коварной я задет;
Пусть при себе оставит недруг свой привет;
¹⁰ Двум лживым «да» я предпочту прямое «нет».

СLII

Мерзавец тот, кто лжет; ложь душу оскверняет,
Сам государь из-за лжеца себя роняет,
Пусть охромееет лжец, когда колено преклоняет.

Когда в совете заседает лжец природный,
⁵ Пусть у него язык зловредный онемееет,
Который честного с пути сбивать умеет,
И если мудрость — ложь, то лжец — мудрец
негодный.

В совете лучше бы лжецу назек заткнуться;
Когда дает обет он, лучше бы ему запнуться
¹⁰ И пощедрее быть, иначе люди отвернутся.

СLIII

Иные господа, завзятые пройдохи,
 Пускаются на хитрости, горазды на подвохи;
 Вот в шляпе выступает щеголь превеликий.
 Сбей шляпу ты с него; тебе предстанет сокол

дикий,

⁵ Сбей шляпу, сбей, притворщика не оставляй

в покое;

Павлина пышного сменяет чудище морское.

И эту шляпу сбей, хоть шляпа не плоха;

Скрывается под ней ворона, ха-ха-ха!

Твою копилку, полную греха,

¹⁰ О голову твою, ты плут, разбить бы я не прочь;

Хотя мне протереть глаза невмочь,

Меня своей приманкой не морочь,

Поскольку не по мне позорище такое!

СLIV

Душой кривить я не привык;

Вниманью праведных владык

Советников различных представляю.

Три превосходных среди них,

⁵ И три советника дурных;

Всех шестерых подряд перечисляю.

Ум, божья благодать и благородство;

Приличествует этим трем господство.

Их приглашать бы государю на совет!

¹⁰ А три других — порок, позор, беспутство;

Советников не различает безрассудство,

А нужно различать во избежанье бед;

Зачин едва ли был хорош, когда конец во вред.

CLV

Мне вспоминается век былой,
Когда не смели сказать о нас худого.
Должное нам воздавали хвалой,
А мы карали супостата злого.

- ⁵ Господи боже, для дела святого
Старый воспитывал молодого;
А нынче крив мудрец,
И не видит разве только слепец,
Какой нам всем предстоит конец.

CLVI

Кто просьб ничьих не отклоняет,
Тот на себя пускай пеняет;
Ему придется лгать, а, как известно,
Отказывать — по крайней мере честно;

- ⁵ В ответ на просьбы — мой тебе совет:
Соразмеряй свое даянье
И нажитое состоянье;
Поверь, сказать не стыдно: «Нет!»

CLVII

Кто побеждает исполина
И льва, лесного властелина?
Только тот, кто собственное тело
Обуздывает быстро и умело.

- ⁵ Только тот, кто тверд в беде и в горе,
Приветлив и стыдлив при этом,
Способен вспыхнуть ярким светом,
Который погасает вскоре.

CLVIII

- За красоту хвалите женщин — им по нутру такая
дань,
Но для мужчины это будет так скользко, что
сойдет за брань.
Пусть у него отважным, щедрым и постоянным
будет дух,
И это третье — постоянство — отличный спутник
первых двух.
- ⁶ Послушайте, что вам скажу я, и вы тотчас
поймете сама,
Как надобно хвалить мужчину, чтоб
не бесчестить похвалами.
В нем человека надо видеть, чтобы его понять
сполна.
Когда по внешности мы судим, нам сердцевина
не видна.
Как много в мире чернокожих, в чьем сердце дух
прямой и смелый,
- ¹⁰ И сердце черное как часто скрывается под
кожей белой!

CLIX

- Отраву, нет, не славу
Обретаю в заповдалой похвале;
Забвенья не по праву,
Мне, скорбящему в невзгодах на земле.
- ⁶ Брезгует венками мой недуг,
Рвать цветочки недосуг,
Срывая розу, наколол я руку вдруг.

Кто предпочитает
Жить, своих соседей не дразня,
10 Зла не испытает
В своей жизни даже на полдня.

Честному вольготно танцевать
И не пристало горевать,
Неверному несдобровать.

15 Вопросайте смело,
Каково на сердце у друзей,
Чтоб не пролетело
Мигом время вместе с жизнью всей.

Иной, чужих к себе расположив,
20 Остается с ними лжив;
Полезен при дворе лишь тот, кто правдой жив.

CLX

Милостью нежданной воскрешен,
Судьбы я больше не кляню;
Добродетели я не лишен,
Не уподоблюсь хвастуну.

5 Горе болтунам, по чьей вине
Любовь страдает без нужды;
Этой пагубной вражды
Избегнуть лучше бы жене.

Если добрый добрым прослышет,
10 Хвалам внимаю я и вторю,
Если же хвалу хула прервет,
Со злопыхателями спорю.

Лживых и болтливых никогда
Ни за что не воспую,
15 Даже если песнь мою
Похвалят эти господа.

Иному даже в счастье тяжело,
Милует меня в беде тоска;
Хоть в любви не очень мне везло,
20 Мне даже скорбь моя легка.

Если заодно любовь с тоской
И душе нельзя не ныть,
Дурные помыслы избыть —
Обрести бы значило покой.

25 Когда в помыслах моих разлад,
Внимать любому я готов;
В молчанье жду, перемениться рад,
Но как понять внезапный зов?

Я, наверное, сумел бы дать ответ,
30 Будь зренье у меня и слух,
Но поскольку я и слеп и глух,
«Да» не говоря, не скажу я «нет».

Радость обрести хотя бы на полдня
Мне посчастливилось едва ли;
35 Если радости бывали у меня,
Они мгновенно миновали.

Радость ненадежна, радость пролетит,
Облетая, как цветок,
Даже на короткий срок
40 Лживый проблеск меня больше не прельстит.

CLXI

- Я не видал, чтоб кто-нибудь
Из вежливости весел был, как я.
Среди людей, пусть горе гложет грудь,
Смотрите, как я радостен, друзья,
⁶ Как — тоже для людей — себе же лгу я часто.
Тебе везет — скажу себе — и баста!
Она целебна, ложь моя.
Я помню радость, песни, смех —
Все, что из сердца выбросить пора.
- ¹⁰ Кто не видал былых утех,
Тому ль понять, как боль по ним остра!
Нет, радость изменила нам!
Душа стремится к прошлым временам,
Теперь печаль — ее сестра.
- ¹⁵ Кто, вслед мне глядя, не сказал:
Удачлив — вот и радостен всегда!
Я сроду радости не знал
И не узнаю — разве лишь тогда,
Когда хорошим станет немец вновь
- ²⁰ И та ответит на мою любовь,
Кем сожжены мои года.
- Служу я людям от души
И там служить всю жизнь привык.
А что в награду мне? Гроши!
- ²⁵ Все думают: не разглядит старик,
Не разглядит! Да разве я слепой?
Что я выпрашивал слезами да мольбой,
Дурак у них добудет вмиг.
- Так что же с ними делать мне?
- ³⁰ Сегодняшний обычай мне претит,

- А как начну по старине.
Удачи нет, лишь натерплюсь обид.
Одним держусь: то, чем людей берут
Успеха ради и наглец и плут,
³⁵ Ее навек не соблазнит.

CLXII

- Пой любому за «спасибо»,
Смейся так, чтоб слезы лить,
Хуже будет: либо, либо,
Нет — люби и ненавидь.
⁵ Недовольные ворчат,
В голове их будто чад.
Я бы спел им, да не знаю, что ж они хотят.
- Всюду радость и забота
Провожают жизнь мою,
¹⁰ Но всегда есть в жизни что-то —
Смех иль грусть, — и я пою.
Грусти поддаюсь —
Значит, я боюсь,
Что у дамы ненароком всякой милости лишусь.
- ¹⁵ Вам привет, певуны птицы,
Я люблю ваш добрый гам.
В пенье с вами не сравниться,
Люди благодарны вам.
Вы добры всегда,
²⁰ Зависть вам чужда,
И спасибо: в песне вашей — мой восторг, моя
беда.

CLXIII

Воздайте, жены и мужи,
Мне честь, поскольку заслужил
Любовь я честно, так как жил,
Не прибегая к низкой лжи.

⁵ Вам ублажить меня пора, сомнений нет,
Извольте внять моим словам;
Пел я, слава богу, не смолкая, сорок с лишним
лет

Любовь, ее мирской удел.

Я с вами вашу радость разделял,
¹⁰ Теперь со мной благополучье не в ладу;
В напевах вас я прославлял,
От вас я милостыни жду.

Позвольте с посохом брести
Мне наподобие калек
¹⁵ В надежде славу обрести,
Как с детства, я бреду весь век.

Что ж, пусть низок я, душою я высок,
И на что-нибудь я гож;
Если злы на меня подлые, их злость мне впрок:
²⁰ Достоин, значит, я хвалы.

Достойнейшим я бы назвал
Того, кому слепая злоба
Чужда с младенчества до гроба:
Вот кто моих сподобится похвал.

²⁵ Спаситесь мне, жизнь, какой ценою?
Берешь ты все, что мне дала,
Всех перед смертью раздевая догола;
Стыдись так поступать со мною!

Я душой и телом жертвовал тысячу раз
30 Ради тебя себя губя,
Но теперь я стар и выставлен тобою напоказ:
Я жалуюсь, тебе смешно.

Что ж, смейся, только помни впредь:
Тебе самой же в подражанье
35 Отнимут все твое стяжанье
Жизнь, будешь ты в огне гореть!

О как мне лучшее сберечь?
Прекрасный лик меня привлек,
Но, мной прославленный, поблек:
40 Краса пропала, как и речь.

Да, таилось чудо в нем, однако скрылось вдруг.
Не говорит он мне куда.
Все померкли краски, положил конец недуг
Благоуханью и красе.

45 Мой образ, пусть я заточен
В тебе, позволь мне ускользнуть,
Чтоб друг на друга нам взглянуть,
Как будто вновь я увлечен.

Не век мне в горе вековать!
50 Потешив женщин и мужчин,
Ужели должен я один
Грустить, скорбеть и тосковать?

Славу пою любви, хоть скорбь сулит она,
И ложь, и бред ей не по праву;
55 Пусть останется любовь сама себе верна,
В любви отрадна даже грусть.

Одумайся без лишних слов!
Неверной не остановить.
Кто вздумает любовь ловить,
60 Не ведает, каков улов.

CLXIV

Если б я тропой неразделимой
В песнях, плясках вместе сквозь года
Шел, цветы срывая для любимой,
С нею связан дружбой навсегда,
6 Осушая вместе хмельный кубок,
Поцелуй срывая с алых губок,
Мук любви не знал бы я тогда.

Но к чему и песнь и речи сладость,
Женский взор, исполненный тепла.
10 Если нет борения за радость,
За добро и правду против зла,
Если щедрость, честь и воспитанье —
Все уходит, все ушло в преданье,
Если Духа радость умерла.

CLXV

Земля, хозяину скажи ты,
Коль обо мне случайно спросит;
Я расплатился, мы с ним квиты,
И вексель пусть под стол он бросит.
6 Я должников его жалею:
По мне, чем быть в долгу у черта,
уж лучше должным быть еврею:
Он выждет всем известный срок,
Потом, коль ты платить не можешь,

10 процент учетверит в залог.
 «Нет, Вальтер, ты еще побудь,
 За что ты сердишься, старик?
 Когда просил ты что-нибудь,
 Я все давала в тот же миг,
 15 Чего душа твоя желала.
 И больно мне лишь оттого,
 что редко ты просил и мало.
 Смотри, тебе здесь благодать,
 А если ты решишь расстаться,
 20 то радости не будешь знать».

Я насосался до отвала
 И грудь твою забыть бы рад.
 Ты мне веселье обещала,
 Но лгал он, любящий твой взгляд.
 25 Твое лицо светло и ясно,
 И вся, коль спереди смотреть,
 не стану спорить, ты прекрасна.
 Но сзади — что за мерзкий вид!
 А я тебя увидёл сзади,
 30 с тех пор мой стих тебя язвит.

«Пускай меня ты разлюбил,
 Но лишь одно: хоть иногда
 Припоминай, как счастлив был,
 И на меня смотри тогда,
 35 Ведь там бывает так тоскливо!»
 Я был бы рад, но мне противно,
 что лицемерна ты и лжива
 И всех умеешь обмануть.
 Дай бог тебе спокойной ночи,
 40 а я иду в последний путь.

CLXVI

Учтивых нынче нет как нет,
Распущен рыцарь с юных лет;
Невежи не дают учтивым ходу,
Средь непристойной суеты
6 Рядят учтливому в шуты;
Бесчинствующему раздолье сброду.

Когда в былом юнцы дерзили,
Побой сорванцам грозили,
А теперь в чести нахал;
10 Он женщинам наносит оскорбленья,
Повеса каждый распустился;
Когда бы шкурой поплатился
Тот, кто дамам досаждал,
Когда бы за такие престушленья
15 Свет негодяев осуждал!

CLXVII

Увы, в немецких землях доблесть оскудела,
Нет ни богатств, ни разума, ни прежних сил;
А кто в стяжании не ведает предела,
Тот божьей милости себя лишил,
6 Ни ангелам, ни женщинам не мил,
Уготовил он себе разор;
Перед богом и перед людьми ему позор.
Увы! Великий вихрь грозит нам всем расправой;
И песнопевцев, и пророков устрашает,
10 Он раздражается над каждой державой,
Скитальцам-пилигримам ужас он внушает;

Деревья валит вихрь, твердыни сокрушает;
Обезглавливает полновластных,
Да защитит господень гроб несчастных.

- ¹⁵ Увы, мы, праздные, решили насладиться
Мгновенной радостью среди всегдашних бед;
И не пожелали мы трудиться;
Лето кратко: было только что и нет.

Нас прельстил недолговечный лист и цвет,

- ²⁰ Птичье пенье обмануло нас;
Блажен тот, кто навеки душу спас.

Увы, мы песни прихотливо распевали,
Забыв, что зимние настанут холода;
Напрасно муравьи пример нам подавали,

- ²⁵ Благополучие добыв не без труда;

Глупцам грозит нужда,
Хоть верный дали нам совет
Взглянуть, насколько ненадежен этот свет.

CLXVIII

Всею душой восторжествую,
Когда грешный этот взор
Землю обретет святую,
Край, желанный с давних пор.

- ⁵ Увидеть жаждал я весь век
Благодатный этот брег:
Жил там богочеловек.

Чтимый в мире повсеместно,
Край прекрасный узнаю;

- ¹⁰ Человечеству известно,
Что случилось в том краю.

Царь народов, царь небес,
Рожденный девой, там воскрес;
Вот вам чудо из чудес!

¹⁶ Там крестился бог всевластный,
Чтобы грешных возродить;
Продан был, как раб несчастный,
Чтоб рабов освободить.

Распят бог, пронзен копьем;
²⁰ Божьей кровью мы живем.
Слеп враг в неистовстве своем.

Бог покинул гроб свой тесный,
Ад попрал он правотой;
С ним отец его небесный,
²⁵ С ним навеки дух святой.

Триедин, явился там
Тот, кто сострадает нам,
Бога видел Авраам.

Торжествующий воитель
³⁰ Супостата разгромил,
Взмыл в небесную обитель,
Иудеев посрамил.

Из-под стражи ускользнул
И к живым на свет шагнул
³⁵ Тот, кого палач проткнул.

Правду бог воздвиг оплотом,
Возвестив, что суд суров;
Нищим, вдовам и сиротам
Обещал он свой покров.

40 Он беднейших защищал,
Справедливость возвещал,
В рай заблудших возвращал.

Но враждуют с малолетства
Нехристь и христианин;

45 Алчут божьего наследства
Все народы, как один.

Дьявол миром овладел.
Отвоюем свой удел.
Бог за тех, кто в битве смел!

CLXIX

Любви благая сила
нас, робких, окрылила,
поход одушевила:
мы с господом в ладу.

5 Нам помоги, Спаситель,
греховных искупитель,
в сиротстве утешитель,
Избыть сию беду!

Сметя грехов коварство,
10 твое приидет царство:
твой дух для нас лекарство,
нас веры удостой!

Твоей омыты кровью,
с небесною любовью,
15 не внемля суесловью,
вперед, к Земле святой!

Лишь тем, кто жертвы множит,
Господь в пути поможет —
пусть вас не потревожит
20 проклятья страх пустой!

Пугает смерть лишь грешных,
греховно-безутешных,
а божеский приспешник
избежит адских ков!
26 За муки — будет милость, —
В путь! Рана исцелилась, —
спешите, вам открылось
спасти господен кров!
В женах благословенна,
30 ты с нами несомненно, —
крест внес он в эти стены,
предавши казни плоть.
Мы им одушевились,
чтоб племена смирились,
36 смиренно покорились,
се посох твой, господь!
Грозил он иудеям,
мы ж гробом овладеем,
крест водрузить сумеем,
40 поганцев побороть!

Пусть сгинет наше тело,
так нам душа велела,
нет господу предела,
се вызрел божий гнев, —
45 ведь вечно царство божье
у крестного подножья,
сомнений не умножа,
ввысь, духом прояснев!
О, грешника невзгоды,
50 его недолги годы,
мы смертны от природы,
оружья лишены!

Так поспешим же в земли,
где, зову неба внемля,
55 порыв душой приемля,
мы — господа сыны!
Господь воюет нами,
геройскими руками,
и чужеземцы сами
60 всем тем сокрушены!

Спаси нас, боже милый,
твоей десницы силой:
над самою могилой
спаси ты, робких, нас!
65 Убереги от ада,
от жара и от холода,
нас убеждать не надо,
настал деянья час!
Нас ждет Земля святая,
70 иной судьбы не зная;
в забвенности, рыдая,
взывай, Иерусалим!
Язычников гордыне
ты покорился ныне:
75 прильни же к благостыни,
к устам Христа живым!
Сражаться там легко ли
в далеком бранном поле?
Господь, в твоей мы воле,
80 бить недругов хотим!

CLXX

Увы, промчались годы, сгорели все дотла!
Иль жизнь мне только снилась! Иль впрямь она
была?

Или казалось явью мне то, что было сном?
Так, значит, долго спал я и сам не знал о том.

- ⁶ Мне стало незнакомым все то, что в долгом сне,
Как собственные руки, знакомо было мне.
Народ, страна, где жил я, где рос я бестревожно,
Теперь чужие сердцу, как чуждо все, что ложно.
Дома на месте пашен, и выкорчеван бор,
¹⁰ А с кем играл я в детстве, тот ныне стар и хвор.

И только то, что речка еще, как встарь, течет,
Быть может, уменьшает моих печалей счет.
Теперь и не кивнет мне, кто прежде был мой друг.

Лишь ненависть и злоба господствуют вокруг.

- ¹⁶ И стоит мне подумать, зачем ушли они,
Как след весла на влаге, исчезнувшие дни,
Вздыхаю вновь: увы!

О молодые люди, увы, прошла пора,
Когда, любивший радость, растил вас дух Двора.

- ²⁰ И вас теснят заботы, вам изменил покой.
Как радость обернулась нерадостью такой?
Где песни смех и танцы? Задохлись от забот.
Где в мире христианском так низко пал народ?
Не красят женщин ваших уборы головные.
²⁵ В крестьянском платье ходят и господа иные.
А тут еще и буллу прислали нам из Рима,
И, горе нам оставив, проходит счастье мимо.

- Все это мучит, гложет — иль так я сладко жил,
Что смехом только слезы под старость заслужил?
80 В лесу от наших жалоб печалится и птица,
Так если я печален, увы, чему дивиться!
Но почему, безумец, браню я все кругом:
Кто счастлив в этом мире, тот кается в другом!
И вновь и вновь: увы!
- 85 Увы, под маской доброй тая повадку волчью,
Мир угощает медом, который смешан с желчью.
Снаружи мир прекрасен: он зелен, розов, бел,
Но смерть и мрак увидел, кто в глубь его глядел.
Соблазны всех прельщают, надежда гешит всех:
40 Мол, покаяньем легким искупишь тяжкий грех.
О рыцари, вставайте, настал деяний час!
Щиты, стальные шлемы и латы есть у вас.
Готов за веру биться ваш посвященный меч.
Дай сил и мне, о боже, для новых славных сеч!
45 Богатую добычу я, нищий, там возьму.
Мне золото не нужно и земли ни к чему,
Но, может быть, я буду, певец, наставник, воин,
Небесного блаженства навеки удостоен.
В град божий через море, через валы и рвы!
50 Я снова пел бы радость и не вздыхал: увы!
Нет, никогда: увы!

CLXXI

- Тот, кто начала не имел
И потому начать сумел,
Кто держит все концы в деснице вечной
Мощью совершенной, бесконечной,
6 Тот, кто творит предивные дела,

Да будет первым бог воспет,
Поскольку богу равных нет;
Ему, всевышнему, хвала!

Восславим пресвятую деву,
¹⁰ Чей сын, спаситель, чуждый гневу,
Избавил грешников от преисподней,
Усладив утехой господней;
Своей царице внемлют небеса;
Восславим деву миром целым,
¹⁵ Чтоб молодым и престарелым
Слить в пенопенье голоса.

Прославлю ангелов святых.
Я не любитель слов пустых.
Вам, князья, поведать не пора ли,
²⁰ Как врагов христовых вы карали?
Отмщен ли наконец пречистый Спас?
Но рассудил я беспристрастно,
Что задан мой вопрос напрасно;
В покое оставляю вас.

²⁵ Ты, Михаил, ты, Гавриил,
Враг духа злого Рафаил,
Вы доблесть, мудрость, верная опора;
Подвластны вам три ангельские хора,
Благоволите разгромить
³⁰ Языческие ополченья,
Чтоб вашего предназначенья
Хвале моей не посрамить.

CLXXII

Плох ты, мир, ты совсем оголтел —
Все от черных, от собственных дел.

- Миримся мы с тобой против волн!
Ты потерял последний стыд.
5 Бог видит, я на тебя сердит.
Мир, мы терпим и ждем, но доколе?
Честь — о ней помышляешь ты мало.
Радости прежней совсем не стало —
Где ей, бедной, теперь цвести!
10 «Щедрость» и вовсе бранное слово.
В моду вошли богатей и скряга.
Мир, ты забыл, что такое благо,
Сбился ты, бесноватый, с пути.
Верность и Правда остались без крова,
15 Все достоинства не в чести.

CLXXIII

- Царь вавилонский видел сон;
Ему приснился Вавилон,
Бичуемое бедами угоды;
Нет избавленья для страны,
5 Где злее злых отцов сыны;
С кем я сравню подобное отродье?

Да я бы меньше ужаснулся,
Когда бы с дьяволом столкнулся;
Это бесы во плоти,
10 От наихудших злейшие родятся;
Грех преумножив первородный,
Негоднейших родит негодный,
И добродетель не в чести,
Когда владыки гнусные плодятся,
15 Нас, боже правый, защити!

CLXXIV

- Проснитесь, близок день Суда!
Вам от него не скрыться никуда,
Язычники, евреи, христиане!
Иль вам знамений грозных мало?
5 Писанье истину сказа́ло.
Одумайтесь — мы все в господней длани!
Темнеет солнце, и земля должна
Растить измены черной семена.
Нет утешенья нам в печали!
10 Сын предаёт отца лукаво,
Брат оболгать стремится брата.
Мы у священников к спасенью путь искали,
Но лгут они, ничто не свято.
Насилье торжествует, гибнет право,
15 Вставайте! Все мы долго спали!

CLXXV

- Господь! Кто набожен на вид
И десять заповедей чтит,
Но преступает их, тот вряд ли любит бога.
Тебя отцом назвать он рад,
6 Но если я ему не брат,
То чувства в нем сыновнего не много.
Мы все в родстве. Богатый, нищий
Равно для тела просят пищи —
Да претворится в плоть она!
10 Кто отличит слугу от господина
(Хотя б мы их живыми знали),
Когда их черви доконали,
Объев скелет. И заповедь одна
Для всех, кто смертен, — для христианина,

- ¹⁵ Язычника, еврея — все едино:
Служить тому, кем жизнь сотворена!

CLXXVI

О боже всемогущий, ты неизмерим
И в беспредельности твоей необозрим;
По неразумию мы, грешные, мудрим.

- К прозрению природа наша не готова,
⁵ Мы, земнородные, к тебе не воспарим.

Ты величайший, ты мельчайший, ты первооснова;
И день и ночь слепец безумный тщится снова
Постигнуть свет вне человеческого слова.

CLXXVII

Как редко я тебя пою, великий боже,
Чье слово и деянье мне всего дороже;
Мне под лозой твоей кощунствовать негоже.

- Нарушив заповедь, я вновь ее нарушу,
⁶ Ни ближнего, ни бога не любя,

Так, праздный, возлюбил я самого себя;
Отец, сын, дух святой, направь мою ты душу!

- Не знаю, как любить мне лютого врага,
Когда взаимная любовь мне дорога;
¹⁰ Прости мою вину, чтоб жизнь моя была долга.

CLXXVIII

К тебе взываю в ранний час,
Чтобы меня ты, боже, спас;

- Мне, странствующему стезей тернистой,
Свети ты, господи Христе, в пути;
⁵ Меня, скитальца, защити
Во имя матери твоей пречистой;
- Как под защитой бестелесных
Ты находился в яслях тесных,
Младше всех и всех древней,
¹⁰ Среди скотины бог новорожденный,
Хранимый добрым Гавриилом,
Так, вверившись небесным силам,
Хоть я в мире всех бедней,
Твоим святым заветом огражденный,
¹⁵ Не убоюсь я черных дней.

CLXXIX

- Сын девы, ты, кому подвластен рай,
За богоматерь и за свой родимый край
Язычников и христиан дурных карай!
- Всех тех, кто счесть осмелился тебя ничтожным,
⁵ Всех недругов своих ты в порошок стирай!
- Язычник, соvrащенный верованьем ложным,
Открыто подвергал тебя гоненьям всевозможным,
Но хуже тот, кто втайне льнет к врагам твоим
безбожным.

CLXXX

- Людей различно одарил
Тот, кто Вселенную творил,
Из ничего нас к жизни вызывая.
Одним преподавал добрый нрав,

⁵ Другим богатство даровав,
Хоть многих губит роскошь роковая.

Если бедный благонравен,
Он превыше знатных славен;
Пусть богатый воспарил,
¹⁰ Взыскупя чести и преуспеянья,
Тому привержев и другому,
Согласно правилу мирскому;
Бог счастливец укорил:
Ни здесь ни там нет ему больше воздаянья,
¹⁵ Он удел свой разорил.

CLXXXI

Всевышний, осиянный,
самим собой избранный
и присносуще данный,
тебя в предвечной славе
⁵ мы хвалим, не лукавя!

Господний, великий разум,
ты сам в многообразном
сиянье, гибель с глаз нам
гоня, дай свой указ нам;
¹⁰ Увлечь своим соблазном,
мол, сердце совратится! —
Князь тьмы напрасно тщится!

Хотя коварством сатаны
мы от тебя отделены,
¹⁵ Но похоть дьявола и злость
прозрел ты в мудрости насквозь;

Итак, во славе к нам гряди,
нас к одоленью приведи,
нас укрепи, своих сынов,
20 к преодоленью адских ков!

Так укрепи нас, боже,
Хвалу и славу множа, —
того карая строже,
кто нас грехом тревожит,
25 Нас он в соблазнов гонит сеть,
но мощь твою познает впредь —
тебе хвалу хотим мы петь
да и Пречистую воспеть —
свет нам был явлен ею, ведь
30 Сын стал нам солнцем пламенеть!

Дева и мать, прозри христианства беду,
цветущий ты жезл Аарона, ты вечно с зарею
в ладу!

Ныне отверзлись Иезекииля врата,
Царь к нам грядет, ибо ты породила Христа, —
35 точь-в-точь, как солнце проходит сквозь целость
стекла,
чистая, ты родила и осталась чиста и светла.

Неопалена
древле купина
оставалась, пламя ветвью осеня;
40 в блеске и красе
целы листья все,
ей беды не причинила злость огня!
То был образ истой
Приснодевы чистой,
45 породившей, девство сохраня!

Стада матерью дитяти
ты мужской чураешься стати:
нет, подобной благодати
не постичь нам, не познати:
50 нам Христа явила мати!
Слава, слава Приснодеве
породившей нам Христа!
Жизнь струил его уста,
смерть он усмирит во гневе!
55 Смерть смирил, он той порой
укротит безмерный рой
прегрешений, сродных Еве!

О, сверканье трона
царя Соломона!
60 Ты на нем повелительницею воссела!
Перл из перлов, бальзамига, маргарита,
из всех дев одна ты царский дар принять сумела!
Божья мати,
Агнцу, ягняти
65 стала ты подобьем живого гроба —
Агнец истый
В тебе, Пречистой,
сокрыт был, твоя его таила утроба!

Воистину ведь агнец сей
70 сравним со всей
девическою тайной:
приемлет не случайно
ее, кто всех светлей
меж вас, о, человеки!

75 Сей агнец, он
тобой рожден,
Иисусом он

был наречен,
и ты для всех племен
80 в чести навеки.

Моли ж его, чтоб с нами был,
нас для боренья укрепил —
утешь нас, дева горних сил,
мы все в твоей опеке!

85 О, чистоты корона,
руну ты Гедеоны
подобна — и господней росой окроплена!
Так слово слов влетело
в твой слух, в его пределы, —
90 и ты не оскудела
в миг сладости, небесная жена!

И он, из слова словом став,
был чужд младенческих забав,
в мужчину превратился он,
95 не это ль чудо всех времен?
Господь предвечный в миг один
стал мужем сих земных долин!

Так пусть его дарит вам мощь
благих чудес блаженный дождь!
100 Вот в чистом чреве для людей
был выношен сей чудодей
Неделек сорок, не боле,
и, чудо, — без греха и боли!

Душой воспламененной
105 молитесь не шутя
о доле благосклонной
вы мать и дитя!
Мы на сем свете живы
заступничеством их,

Душа томится,
к словам стремится,
какие древле вещал нам Рим:
140 прильните к чаше,
и души наши
мы вновь возвысим и исцелим!

Вся беда от симонии:
муки все Христа немые!
145 Много ль войска у Мессии,
чтоб уличить тех змиев,
что творят позор и срам?
Кто одно скроил нам платье,
чтобы вера и понятия
150 все в Христе сплотили, братья,
Христианство без изъята?
Повелел он также нам,
чтобы мы, как христиане,
жили без раздора-брани,
155 без языческих кручин!
Христианством кто кичится,
во Христе же жить не тщится,
тот с язычеством един!
Вот что хуже нам всего:
160 Слово-то без дел — мертво;
Помоги ж нам, божий сын!

Так, не в укор
склони к нам взор
и приговор смягчи для нас, избавь нас от
Господня гнева!

165 Владычица, твой светел лик,
ты — дивной благодати родник,

ты — розы без шипов тайник,
склонись к нам, Приснодева!

Пусть славят ангелы трубя,
170 И, прилежанье возлюбя,
возможно ль завершить хвалу, хваля тебя?
Уста все и языки
слились в едином клике —
О, светоч в ясном лице! —
175 Так, в небе нам внимая,
дай мир нам, всеблагая:

Мы молим, средь греховных дней,
тебя о милости твоей:

В ответ коль на моленья,
180 источник всепрощенья
пошлет нам облегченье, —
мы обретем спасенье!

Владычица, настало время
смыть с нас грехов тяжелых бремя,
185 настали искупленья времена!
Итак, раскаянья источник вечный
с нас смоеет груз грехов, — ведь, в ласке
бесконечной,
их, кроме господя, простишь нам ты одна!

ДОПОЛНЕНИЯ

ИЗ ДРУГИХ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ВАЛЬТЕРА

ПЕРЕВОД Д. МИНАЕВА.
НЕМЕЦКИЕ ЖЕНЩИНЫ (1877)

XXII

Вы, жены севера, приветствуйте меня:
Никто вас не порадует, как я.
До этих пор вы не слыхали слова
Правдивого и доброго такого,
Какое я произнесу сейчас, —
И благодарности горячей жду от вас:
За речь правдивую пред светом
Мне отплатите лаской и приветом.
На целый мир вас прославляя, к вам
Я в мире возбужу благоговенье,
Свободу дав восторженным словам,
Не требуя наград за прославление.
Чего желать мне от германских жен?
Величием их так я поражен,
Что взгляд один очей их несравненных
Дороже мне камней драгоценных.
В чужих краях нередко я блуждал,
Но, увлечен чарующею силой,
Я никогда нигде не забывал

Ни дев, ни жев своей отчизны милой.
К чему мне лгать? В сердечной глубине
Носил я образ женщины немецкой —
И был всегда он мил и дорог мне
Своею непорочностию детскою.
В других странах подобных женщин нет!
От рейнских волн до Эльбы и границы
Венгерской — находил я пышный цвет
Невинных дев, как сон отроковицы.
Их прелесть я умел распознавать,
Как лучшего цветка благоуханье, —
И чище, целомудренней созданья,
Клянусь, нигде не мог я отыскать!
Как всякий немец скромн благодушно,
Так ангельски прекрасна и нежна
Краса страны — немецкая жена,
К его груди приникшая послушно.
Чей жаждет дух любви и красоты,
Пускай спешит в наш край благословенный.
О край родной! Могилей будь мне ты:
Тебя прекрасней нет во всей Вселенной.

ПЕРЕВОДЫ О. РУМЕРА (1936)

XX

Я думал, сидя на лугу,
Терзаем пыткою сомненья:
«Служить ей больше не могу!»
Но вдруг обрел я утешенье.
Не утешеньем это было, впрочем, — нет!
А только утешеньцем, не боле.

Вам рассказать — вы посмеетесь поневоле,
Но беспричинной радости не знает свет.
Я весел от былинки стал,
Она мне счастье предсказала;
По ней, как дети, я гадал:
Всю смерив, начинал сначала.
Теперь посмотрим, улыбнется ль мне она?
«О да, о нет, о да, о нет, о да!»
Конец благоприятным был всегда, всегда.
Утешен я... Нет слов, и вера тут нужна!

XXXV

Благословляю день знакомства с тою,
Что душу мне покорила и тело;
Она мое сердце своей добротой
Приворожить к себе сумела.
Меня навек отныне полонил
Образ ее, благой и прекрасный,
И алый рот с улыбкой ясной.

Я мысли и чувства направил к ней —
К милой, чистой и доброй безмерно;
Нас много ждет счастливых дней,
Если будет она милосердна.
Жизнь полюбить меня научил
Образ ее, благой и прекрасный,
И алый рот с улыбкой ясной.

XIII

Корова старше, чем король Филипп годами,
Но посмотрите все, не чудо ль перед нами?
Кузнец сковал ее как будто для него!

Она прилася так к главе его державной,
Что мысль их разлучить считаю я бесправной.
Никто из них величья своего
Не потерял. Ее камней сиянье
Сливается с его чудесной красотой.
Любуются князья картиной дивной той,
Что представляет нам его коронованье!

XVIII

Дал римскому престолу встарь
Царь Константин — щедрый царь! —
Копье и крест и к ним венец в придачу.
Восплакал ангел в оный час:
«Увы, увы и в третий раз
Увы! О мире христианском плачу.
Яд на него дождем излился,
В желчь мед его преобразился,
Повис над ним тяжелый рок».
У всех князей в избытке слава,
А величайший — в умаленье, —
То рук поповских преступленье,
Благой господь, дай им урок!
Они мирское извращают право.
Да, ангел правду нам предрек!

XXXII

К нам, сударь Ящик, вы от папы не затем ли,
Чтоб разорять, с поживой для него, немецкие
земли?
Как и всегда, замыслил он коварный план
Еще по-новому обогатить свой Латеран,
Кричат: «Дела имперские невыносимы!»

И вот в приходах — сборы в пользу Рима.
Но до Святой земли дойдет немного серебра:
Рука поповская не очень-то щедра.
От вас нам, сударь Ящик, нет добра.
Но знайте, что в Германии не все ведь дураки
мы!

ПЕРЕВОД И. ИВАНОВА (1936)

XXXI

Как набожно, небось, смеется папа в Риме,
Своим монахам говоря: «Я все устроил с ними».
Что так он вправе утверждать, позор для нас!
«Двух алеманов, — говорит он, — я венчал зараз
С тем, чтоб помочь немецким землям разоряться,
Казне же нашей быстро наполняться.
К церковным ящикам своим я их согнал, как
скот,
Их серебро в сундук мой скоро перейдет.
Вино и кур, попы, гоните в рот!
А немцы пусть... постытся».

ПЕРЕВОД А. ШТЕЙНБЕРГА (1974)

XXXIV

«В роще под липкой
Приют наш старый
Если найдешь венароком ты,
Молвишь с улыбкой:
„Что за парой
Травы примяты и цветы?“

На опушке среди ветвей —
Тандарадай —
Пел свидетель — соловей.

Молча брела я
Средь бездорожья,
Пока не встретила дружка.
Он обнял, пылая,
Матерь божья!
Обнял — и стала душа легка.
Сколько раз?
Да кто ж сочтет?! —
Тандарадай, —
Видите — в кровь нацелован рот.
Дружок меня манит
Прилечь на ложе.
Рассыпал он цветы да хмель.
Ведь кто-нибудь станет
Смеяться позже,
Сыскав подобную постель.
Сломлен шиповник — ясно для всех, —
Тандарадай, —
Как был нам сладок смертный грех.
Ни лаской, ни силой
Не открою
Вам тайну эту, помилуй бог!
Что сделал милый там со мною,
Знаем лишь я, да мой дружок,
Да пичужка меж ветвей, —
Тандарадай, —
Все пришлось увидеть ей».

НЕЗАКОНЧЕННЫЕ ПЕРЕВОДЫ В. ЛЕВИКА (1982)

XV

Дай бог ей счастья! Мне ж одно:
Почаще видеть дорожую!
Я сохну — ей же все равно,
И я лишь тягостней тоскую,
Когда мне шепчут: ты любим!

Да, мне она сама открыла,
Что солгала, что не любила, —
Теперь могу ли верить им?
О, сладость этих горьких мук,
Сводящий в гроб любви недуг!

«За что ж я с ним порвать должна?
Всевышний милость мне явил.
Ведь все кругом, не я одна,
Твердят, что он и добр и мил.
Однажды стыд я с ним забыла
И целовала, и любила.
С тех пор расстаться с ним нет сил.
Все то, о чем он так просил,
И раньше сделала б я смело,
Когда бы знала да умела».

XXI

О благороднейшая дама, не пора ли
Нам сговориться: вам хочу служить.
Мой первый промах — и уйду в печали,
Но вы одно должны мне разрешить.
Чтоб время сократить — труднее нет задачи,
Когда мы так награды ждем, —

Я молча думаю (вы знаете о чем).
Боюсь, заранее говорю вам,
Что день придет — и не смогу иначе.

«Кого люблю — того делить не буду,
И мне быть верным — участь не легка.
Хоть раздаю и многое и всюду,
Себе я не возьму ни лоскутка.

Мне с ним всегда приятно, и это так понятно,
Но где б он ни был, если сам
Доволен, ну и что ж, пусть остается там.
Но женщине ведь это больно,
Так может ли мне быть от этого приятно».

XXXII

Желаний и томлений дни
Прошли — и столько принесли утрат.
Мне пали на зиму они.
Я думал, летом все пойдет на лад.
Я мнил, придет счастливый час,
И был обманут столько раз!
И все ж надежду я гаил,
Но и надежды больше нет.
Был радости недолог цвет,
И мне она, не я ей изменил.

Я жил мечтой. Так почему
Меня счастливым называют вновь?
Счастливец только тот, кому
Любимая всегда дарит любовь.
Пусть жизни радуется он, —
Увы, я этим обделен!

Но пусть он прячет торжество:
«Моя! И я любимую любим!»
Я рад бы поменяться с ним,
Но мне Любовь не дарит ничего.

Хвала и мужу и жене,
Когда они живут в любви.
Их душу с телом наравне
На каждый час, господь, благослови!
И в полном счастье пусть их жизнь пройдет.
Сомнения нет, блажен и тот,
Кто добродетель чтит в себе,
Как в той, кого избрал одну,
И кто на радость взял жену,
Подругу в жизни и судьбе.

Жену из благородных дам
Не каждый хочет взять, однако.
Глупцы не ведают, что нам
И честь и радость от такого брака.
Кто легкомыслен, рад любить
Ту, что легко сумел добыть.
Но, радость возлюбив и честь,
Женись на той, кто познатней,
И если другом стал ты ей,
В том честь уже и радость есть.

DUBIA

I

Скрывать печаль мою стремлюсь.
Быть может, это мне во вред?
Как только я развеселюсь,
Угрюмо смотрит встречный вслед,

- ⁶ Хоть я изведал вдвое больше бед.
С весельчаком встречаюсь
И тоже огорчаюсь.
Неужто горе — мой удел?
Когда бы радоваться мне господь велел!
- ¹⁰ Зачем другим давать совет,
Зачем злосчастный мной пригрет,
Когда, преодолая бред,
Я самому себе во вред
Привержен той, которой лучше нет?
- ¹⁵ Заговорить мне разрешает,
Но никогда не утешает;
Взирая на мои страданья,
Смеется, словно нет мне в унынье оправданья.
Когда бы у нее душа,
- ²⁰ Подобно внешности, была
Неотразимо хороша,
А не затаивала зла,
Тем громче раздавалась бы хвала
И славилась бы правотою
- ²⁵ Душа в союзе с красою,
Уразумев давным-давно:
За службу не вознаградить меня грешно.
Хоть сомневаюсь я порой,
Ей верность вечную храня,
- ³⁰ Что если гибельной игрой
Морочит госпожа меня,
Обиднее вопрос день ото дня:
Когда я госпожу покину?
Преодолагать готов кручину
- ³⁵ Я в ожидании утех:
Моя владычица пленительнее всех.

Другие говорят умней
О том, как пылко влюблены;
А я, как мальчик, перед ней,
⁴⁰ Наказан ею без вины;
Глаза моей души ослеплены;
Пусть я порой бываю мрачен,
Я все-таки не одурачен,
И предстоит ей убедиться:
⁴⁵ Пренебрегать моим служеньем не годится.

II

Хор стариков угрюмых нуден;
Они твердят, что мир сегодня хвор
И радостями слишком скуден,
А я вступаю гневно в спор;
⁵ Пускай перечат с жаром,
Хоть голова седа;
В них говорит вражда;
Не вижу толку в старом,
И, чуждый всяким сварам,
¹⁰ Я не сдамся никогда.

Творятся чудеса вокруг,
И я щедрее всех моей судьбой
Облагодетельствован вдруг.
Мир! Отвечай мне, что с тобой?
¹⁵ Всевышнему виднее,
Кто прав, кто виноват.
Кто мудр, тот не богат.
Бог знает, что ценнее!
Богач меня беднее,
²⁰ Так как он придурковат.

- Когда бы всем возликовать!
Утешив наконец многострадальных,
Я не стал бы тосковать,
Не пел бы песен я печальных.
- ²⁵ Взываю громко к богу
В надежде, что на нас
Воззрит он в добрый час,
Нам оказав подмогу,
Смягчит мою тревогу,
- ³⁰ Чтобы скорбный не угас.

III

- Явилось вдруг мне чудище в мирском раздоре,
То было бы дурное предзнаменованье в море;
Спугнуло мою радость, воскрешая мое горе.
Передо мной, казалось, человек негодный
- ⁵ Поганит верный камень знаменьями лжи,
Переиначивая дерзко рубежи
(Посмеивается, наметив грабежи);
Два языка таятся в зеве, теплый и холодный;
Скрыв коготок в меду царапает украдкой,
- ¹⁰ Безоблачно смеется к непогоде гадкой,
В хвост руку превратив свою, стремглав летит
касаткой.

IV

- Когда господь-судья, согласно книгам, правый,
Да соблаговолит он, исправляя нравы,
Нам показать, кто верный друг, а кто лукавый.
Клеймить пора бы в этой жизни супостата
- ⁶ Который, льстиво пресмыкаясь и хитря,
Из рук выскальзывает наподобие угря.

Неужто бог не пресечет подобного разврата?
Со мной путившись в путь, со мной вернись
домой,

Когда ты человек надежный в прямой,
¹⁰ Как страннический посох, верный спутник мой.

V

Сулит пророк нам, грешным, горе:
Суровый суд начнется вскоре;
Вот вещее свидетельство прозренья.
Подумал рыцарь: «Близок срок,
⁵ И недействителен залог».
Напрасны все людские ухищренья.
Владычица, твоя подмога
Вернее всякого залога,
Ибо радовалась ты,
¹⁰ Утешенная ангельским приветом,
В котором наше избавленье,
И значит, вечность — прославленье
Твоей блаженной чистоты,
Спасающей меня целебным светом
¹⁵ С благословенной высоты.

РЕЙНМАР ФОН ХАГЕНАУ

I

Хотел бы знать я, каково
Тому, кто любит и любим.
Вся жизнь — блаженство для него.
Не растает счастье с ним.
⁶ Вот если бы узнать мне точно:
Такая верность вправду ли бессрочна

И добрый слух о ней не лжив?
Дай бог изведать это мне,
Пока я, грешный, жив!

- 10 Я знаю: робость мне мешает
Взаимность вымолить у ней.
Такой мне страх она внушает,
Что я провел немало дней,
Не смея вымолвить ни слова
15 В предчувствии отказа рокового.
Награда не для робких душ!
И ни один ей до сих пор
Не приглянулся муж.

- Увы! Дерзнув заговорить,
20 Я не был бы самим собой.
Нет, не по мне такая прыть!
Как мне вступить в подобный бой?
И все же в бой вступить мне надо.
Пусть не победа, пусть пощада.
25 Плен лучше моего томленья:
Когда страдать судил господь,
Где плен, там избавленья.

- Чужим не верю голосам:
Мол, погибашь ты, любя!
30 Что мне до них, когда я сам
Счастливым чувствую себя?
Мне хорошо. Пускай глумятся
И всячески мне досадить стремятся,
Я все готов перестрадать.
35 Подольше бы не проходила
Такая благодать.

- А как на сердце тяжело,
Когда нельзя побыть мне с нею!
Вот это зло и вправду зло,
40 Но я его преодолею.
Хитрит напрасно мой хулитель.
Во мне навек моей любви обитель.
Я так любовью одержим,
Что не пристало госпоже
45 Считать меня чужим.
- Утратить разум от любви,
Из-за любви пойти на гибель —
Уроном это не зови,
По-моему, все это прибыль.
50 Я всем пожертвую охотно.
Жилось бы только милой беззаботно.
Где красота, там доброта.
Навеки всем светилам свет,
Любимая чиста.
- 55 Наш судия непоколебимый —
Бог — красоты не пожалел,
Чтобы обрел в лице любимой
Я свой делительный удел.
На чувство чувством отвечая,
60 Иного счастья на земле не чая,
Завистникам наперекор,
Я целый мир отдать готов
За этот нежный взор.

II

И я взыскую благ мирских,
Как всякий человек, желанием влеком.
При виде совершенств таких

*Рейнмар Старый.
Большая Гейдельбергская рукопись.*

Воспеть их должен я всем грешным существом.

⁵ Других красавиц радует хвала.

Она к моей хвале глуха была.

Кому угодно клятву дам:

Греховный, скользкий путь не по ее стопам.

Я вижу сам!

¹⁰ Я госпожою не любим.

Доволен я и тем, что я ее люблю.

Обетам верен я своим

И никогда мою любовь не оскорблю.

Вдруг, чудом, после всех моих обид

¹⁵ Ее любовь меня вознаградит?

Не стану проклипать я тех,

Кто будто бы имел у госпожи успех.

Как вам не грех!

Дает неверность мне совет:

²⁰ «Уехать лучше бы тебе! Неужто впрямь

На ней сошелся клином свет?»

Попробуй ты свою любовь переупрямить!

Должно быть, не хватает мне ума.

Не сбросить мне блаженного ярма.

²⁵ С рождения мой приговор —

Служить ей преданно, хоть всем наперекор,

Как до сих пор.

Пусть проживу я много лет, —

Из них у госпожи не пропадет ни мига.

³⁰ Так предав я, что силы нет,

Вздыхнув, поколебать, когда не сбросить иго.

И все-таки служить я очень рад

В предчувствии — нет! в чаянье наград.

Неужто я пел безуспешно,

35 Что жизнь моя из-за нее так безутешна
Во тьме кромешной?

Вдруг милость я приобрету?
Вдруг окажусь я у любви моей в чести?

Прильнув к возлюбленному рту,
40 Я поцелуй с собой сумею унести.

Награду эту свято сохраняю.
А если вновь себя я уроню,
Я искуплю мою вину
И знак отличия, томясь в моем плену,

45 Назад верну.

III

Поют не от хорошей жизни,
И потому друзьям наскучил мой напев.
Однообразной укоризне
Весь век я предаюсь, в любви не преуспев.

5 Так, не ведая покоя с давних пор,
Терплю безвинно, видит бог, опалу и позор.
Любимую гоним,
Места я себе не нахожу.
Ничуть не рад я женщинам другим.

10 Пускай судачит злая спесь:
Мол, на словах влюблен, притворством знаменит.
В моей любви я, грешный, весь.
Лжец клеветою самого себя чернит.
В жизни я не ведал никаких утех:

15 Гонимому не суждено завоевать успех.
Останусь ни при чем!
Хоть бы милая вознаградила
Одним-единственным счастливым днем!

- Благословенна ты, жена!
20 Пречистым именем любятя уста.
Другие меркнут имена,
Когда сияет нам такая чистота.
Умолкает посрамленная хвала.
Не знает горя тот, кого другим ты предпочла.
- 25 Томиться мне доколе?
Вдохновлен тобою целый мир.
Неужто нет мне в этом счастье доли?
Два помысла в моей груди
Ведут без усталы борьбу между собой.
- 30 Один взывает: «Снизойди!
Умерь свой дивный блеск, совпав с моей
судьбой!»
- А другой взывает: «Ярче засверкай,
Любому рыцарю суля недостижимый рай!»
Пусть мне страдать и впредь!
- 35 Я ценой владенья твоего
Тобю не хотел бы завладеть.
Когда служил я столько лет
И претерпел такое множество обид,
Что делать, если счастья нет,
- 40 Как быть мне, если я любимую забыть?
Если обвинят меня в притворстве снова,
Клеветнику дадут отпор и песнь моя и слово.
Других не знаю слов,
Кроме тех, что в сердце у меня.
- 45 Моя судьба — мой неумолчный зов.

IV

Что влюбленному страдальцу мой совет,
Когда меня замучила тоска!

Только тот, кто занемог от горших бед,
Меня бы принял за весельчака.

⁵ Дивная и злая власть!
Я жалуюсь, я негодную,
Но даже в бешенстве не смею женщив клясть.

Слишком редко доводилось быть мне с ней.
Роптать мне постоянство не велит.

¹⁰ Пусть на сердце год за годом все грустней,
Пусть нет лекарства от моих обид,
Говорю от всей души:
Прекрасных дам грешно порочить!
Нет, я не злоязычник. Дамы хороши.

¹⁵ Жалобы смешны, напрасны укоризны.
Лишь верной службой даму тронуть можно.
Эти гордые прелестницы капризны.
На сердце у меня всегда тревожно.
Награждать бы нужно тех,

²⁰ Кто верев и красноречив,
Как я, не ведающий никаких утех.

В чем бы ни был я пред нею виноват,
Подобной кары я не заслужил.

Никогда не получаю я наград,

²⁵ Хоть голову бы я свою сложил.

Кто страдал, подобно мне!

Едва размыкаю тоску,

Меня заставит госпожа страдать вдвойне.

Жалуюсь, глупец, под губельным ударом,

³⁰ А госпожу мою винить не смею.

В сердце я ношу владычицу задаром,

Пожертвовав надеждою моею.

Не воздам ей злом за зло.

Иначе жить я не могу.

³⁵ От постоянства моего мне тяжело.

V

Ею жил я столько лет.

Денек бы мною пожила она!

Волосы меняют цвет.

Вот вся моя награда — седина.

⁵ Жалуюсь я, поседев.

На милость не пора ли ей сменить неправый
гнев?

Я бы службой пренебрег,

С ней распростившись, был бы я таков.

Жизнь мне без нее не впрок.

¹⁰ Не сбросить мне вовек моих оков.

Слабость я свою клянуп.

Женою побежденный, оказался я в плену.

Разорив мой дом догла,

Смиранных чувств моих не пощадив,

¹⁵ Злая мигом отняла

Мой разум, честь мою, все, чем я жив.

Пусть попробует в ответ

Сказать, что это я неправ, что доказательств нет!

«От проклятий толку мало.

²⁰ Не смеет он задеть меня всерьез.

Мне бояться не пристало

Упреков, обвинений и угроз.

Красоту не побороть.

Сильнее всяких войск моя пленительная плоть».

- ²⁵ Если ветреница мнит,
Что я возненавижу страсть мою.
Этих не стерпев обид, —
То в сердце я надежду затаю,
Для служения рожденный.
- ³⁰ Перестрадав свое, утешусь я, вознагражденный.

VI

- Милость мне нужна теперь, а не вражда.
Не пережить мне всех моих обид!
Убедился я, что это навсегда.
Она одна страдальца исцелит,
- ⁶ Поэтому храню я верность ей.
Разноголосая молва не возмутит моих ушей.

- Не смешно ли препираться мне с молвой,
Когда известно всем, что свой зарок
Не нарушил я, когда я сам не свой,
- ¹⁰ Обета моего живой залог?
Живу, как мне велит моя царица.
Не вдохновляли так меня прекраснейшие в мире
лица.

- Благосклонности не смею попросить.
О милостыне госпожу молю.
- ¹⁵ Неужели мне блаженства не вкусить?
Молчит она в ответ на песнь мою.
В моих речах мне утешенья нет.
Утешить ей меня пора, чтобы увидел вновь я
свет.

- Говорят мне друг и враг: «Твой труд напрасен!»
- ²⁰ Какая там любовь! Одни слова!

- И тот, кто чист, и тот, кто свят,
20 Злых языков не избежит.
Завистники меня корят:
Чего, мол, человек блажит?
Души своей ни от кого не скрою!
Пока не властно чувство над тобою,
25 Жизнь для тебя — темница.
Ты мертв, пока не повял ты,
Что сердцу твоему нужна цапица.

VIII

- Что мне за дело до рассвета!
Мне безразлично, день или не день.
Не мне сияет солнце это.
Глаза подернула скорбная тень:
5 Пусть увеселятся все, кому не лень.
Теперь мне все едино:
Куда себя ни день,
Кручина да кручина.
Поют напрасно птицы мне.
10 До певчих ли мне птиц теперь,
Когда зиме не рад я и не рад весне.

- Другой хоть убежден, что дома
Жена в печаль погружена.
Мне чувство это незнакомо.
15 По мне не плачет ни одна жена.
Играет скуки ради мной она.
Гнетет она мне сердце,
Чтобы не знать мне сна,
И на моем бы месте,
20 Подобных не взыскупя благ,

Разумней кончить спор пустой.
Однако я на это не решусь никак.

За что, любовь, меня ты бьешь?
Все радости другим ты отдала.

²⁵ Несправедлив такой дележ.
И так я разорен тобой дотла.

Дурные ты затеяла дела.
Я ничего поныне

Не видел, кроме зла.

³⁰ Нет радостей в помине.

Куда деваться от забот?
Того гляди, пройдет вся жизнь.

Мой день желанный, как он редко настает!

Нет, не открою никому,

³⁵ Какая скорбь во мне за годом год.

Как я отчаянье уйму,
Когда настанет мой конец вот-вот?

Чего добился я ценой трудов?

Она не хочет верить,

⁴⁰ Что для нее готов

Я сделать все на свете.

Один страдаю без вины.

Дай ты мне, господи, дожить

До нежных милостей, которым нет цены!

⁴⁵ «Ах! Что же делать мне, злосчастной?»

За радости расплачиваюсь днесь.

Томлюсь, увы! тоской всечасной.

Я знаю, был мне рыцарь предан весь.

И „за“ и „против“ ты попробуй взвесь!

⁵⁰ Насколько же мне легче,

Когда мой рыцарь здесь!

Без этого привета
Заболеваю я всерьез.
Он жизнь мою с собой унес,
55 И без него мои глаза красны от слез».

IX

Чуя радость впереди,
Сердце дрогнуло в груди.
Так дорога мне легка,
Будто мысль под облака
5 Вольной птицей взмыла,
Поспешая к милой.
Только бы она была,
Как и прежде, весела!
Дай нам, боже, новых встреч,
10 Чтобы мне ее развлечь,
Чтобы, как вначале,
Нам забыть печали
И пускай забота зла,
Мы не горевали.
15 Ночь была, как день, светла.
В гости мы тоску не звали.
Ночью вместе, днем вдвоем.
Загрустишь едва ли!

X

Я знал всегда, что ей смешно,
Когда я говорю о горестях любовных,
И видит бог, что сам давно
Я болен от моих признаний многословных.
5 А в сердце у меня она,
Жена, которая со мною холодна.

Вот уже целый год я предан ей, и что ж!
Она не смотрит на меня,
Заслуг нисколько не ценя.
10 Без радостей так пропадешь!

Больше меня никто не пел.
Таков уж горький мой удел: я не у дел.
И вот пою, пока я цел,
Хотя из-за нее с ума сойти успел.
15 Когда же я сподоблюсь рая
И моя радость посетит меня, играя?
Меня, печального, утешить бы не грех.
Пора моей прекрасной даме
Моими говорить словами.
20 Не ведаю других утех.

Увы! День ото дня старею,
Не становясь ничуть умнее, вот беда!
Кто хворью заражен моею,
Тому готов помочь советом я всегда.
25 Дал я себе дурной совет:
Принес я сам себе непоправимый вред.
Умереннее быть мне надо бы в речах.
Я столько ей наговорил,
Что стал красавице не мил.
30 А молча я совсем зачах.

Когда себе я не помог,
Мои возвышенные нежные слова
Пойдут пускай другому впрок,
Чтобы другой в любви добился торжества.
35 Вы только не смущайте ту,
Которую поныне я всем сердцем чтю:
Кто совратит ее, тот мой заклятый враг.

- Без госпожи я пропаду.
Я чувствую себя в аду
40 Без этих несравненных благ.
- Служить не стал бы я и дня,
Когда бы не надеялся на то, что вдруг
Всем предпочтет она меня,
Своею красотой мой испелив недуг.
45 Вот и служу я, терпеливый.
Надеюсь я, что ждет меня конец счастливый.
А если вправду так смешны мои мечты,
Я состоять при ней готов,
Как самый верный из шутов.
60 Пускай берет меня в шуты!

XI

- Как хорошо тому, кто был
По милости судеб для счастья рожден!
Пусть человек такой уныл,
Он будет завтра же за все вознагражден.
5 Блаженствует он день за днем в своем раю.
Счастливец! Где ему понять печаль мою!
Не знать мне на моем веку
Подобных сладостных даров.
Любовь мне принесла госку,
10 И приговор судьбы суров.
Наслушавшись напевов грустных.
Счастливец высмеет, конечно, скорбь мою.
Что толку в жалобах искусных?
Не зная радостей, как я о них спою?
15 Хитросплетения моим напевам чужды.
Измыслив с горя чудеса, солгу без нужды.

Служу я столько лет подряд!
Когда меня вознаградят?
Улыбка эта или взгляд —
20 Уже награда из наград.

К чему свобода, если я
Не ведаю и не желаю радостей других?
В любви — вся прелесть бытия.
Такой уж на меня нашел безумный стих.
25 В сердцах решился бы оставить вдруг ее,
Да прекратится в тот же день мое житье.
И дальше буду жить в заботе.
Она умрет, и я умру.
Живу не по своей охоте.
30 Нет, своеволье не к добру!

Умилосердится она
И страждущего вновь любовью исцелит.
За все вознаградит сполна.
Все делать буду я, как мне она велит.
35 Увещевать меня, увы! напрасный труд!
Тут все надежды, все мечты, все счастье тут.
А если мне не повезет,
Не ей, не миру, не судьбе
Я предъявлю печальный счет:
40 Себе, лишь самому себе.

XII

Жену напрасно укорив,
Сам пострадаешь ты от собственных угроз.
Когда тебя страшит разрыв
И явной нет вины, к чему пустой вопрос?

⁵ Если я хочу осилить правдой ложь людскую,
Непоправимых бед сам для себя, глупец,
взыскую.

Не доверяй чужим наветам
И не расспрашивай о том,
Что держал бы сам ты под секретом.

¹⁰ Зачем терзает все больней
Она меня, вместо того чтоб наградить?
Ведь не следил же я за ней,
Чтоб застарелых ран моих не беречь.
Не был весел я с тех пор, как видел этот лик.

¹⁵ От сердца шло все то, что мой приносил язык.
Такие муки претерпев,
Другие могут подивиться.
Лишь тому, что мой бессилев гнев.

Зачем служил я слишком верно?

²⁰ Таковую верность бы другая оценила.
А мне живется так же скверно,
И на свою судьбу я жалеюсь уныло.
С юных лет воспитан я жестокой красотой.
Каким я жил, таким умру. Я лучшего не стою.

²⁵ И рвет и мечет человек.
Был он любим, потом к другим
От него любовь ушла навек.

Меня знакомый этот путь
Уводит от любви в печаль, пока я жив.

³⁰ Как с этого пути свернуть,
Из горести в любовь дорогу проложив?
И хогя рассудок мой меня предостерег.
Я пропустил мимо ушей мучительный урок.
Когда любовь не знает бед,

- ³⁵ Не знает радостей она.
Бледность ей к лицу в расцвете лет.
Преуспеваю лишь в одном.
Пока живу, в моем искусстве кто мне равен?
Таким владею мастерством,
- ⁴⁰ Что вдохновением на целый мир я славею.
Так несу я скорбь мою, что скорбь моя
прекрасна.
Над ней не властен ясный день, и ночь над ней
не властна.
Так перед милой кроток я,
Что даже ненависти рад.
- ⁴⁵ Радуюсь, хоть вовсе нет житья.
Боль после радостей острей,
И радость после боли слаще во сто крат.
Кто жаждет радости своей,
Пусть будет своему страданью тоже рад.
- ⁵⁰ Нужно жаловаться скромно, как нам велик
обычай.
Чтоб слишком громкою тоской не нарушать
приличий.
Возрадуется только тот,
Кто все на свете прегерпел.
Вот мое лекарство от невзгод!

XIII

- Заслуга у меня еще и та,
Что я, тоскуя и скорбя,
Не осквернил упреками уста,
Не запятнал я сам себя.
- ⁶ Нет в мире рыцаря другого,

Который более, чем я, достоин ласкового слова.
Любим соблазнам вопреки,
Других не замечая, служишь
Всю жизнь до гробовой доски.

- ¹⁰ Доверившись пристрастному суду,
Чего я, полоумный, жду?
По доброй воле я терплю беду
И только жалуясь в бреду.
Исполню я все, что угодно.

- ¹⁵ Моя владычица меня казнить и миловать
свободна.

На помощь некого позвать.
Я повторяю: «Будь что будет!
Своей судьбы не миновать».

Как хорошо мне длинным летним днем!

- ²⁰ Как он мне сердце веселит
В томительном парении моем,
Мой ослепительный зенит!
Не верю я в звезду иную.
Мою державную любовь я перед всеми короную.
- ²⁵ И в песнях этих безответных
Не перечислить мне вовек
Всех совершенств ее несметных.

Не знал я и не знаю, кто бы мог
На госпожу глядеть спокойно.

- ³⁰ Чем жизнь была бы без таких тревог?
Моя печаль меня достойна.
За счастьем страданье вскоре.
Покинул многих женщин я, и, как на грех,
такое горе!
Подобных не стерпев обид,

³⁸ Был вынужден я прочь уйти,
Ошеломлен, пленен. убит.

Так тяжелы воспоминанья мне!
Я сам себя проклясть готов
За то, что с госпожой наедине

⁴⁰ Не находил я нужных слов.
Так был я счастлив с нею рядом,
Что, кажется, не тосковал ни по каким другим
наградам,

В своем блаженстве глух и нем.
Кто на нее хоть раз посмотрит,
⁴⁵ Теряет голову совсем.

И для меня дурные дни настали.
Когда приходится мне худо,
Пристойность не поможет мне в печали.
Привык я уповать на чудо.

⁵⁰ Так дни меня скрутили злые,
Что узнают меня с грудом товарищи мои былые.
И в чаянье лучших времен
Веселым баловнем судьбы
Я притворяться принужден.

⁵⁵ Не оставляют милостью того,
Кто весел и доволен вечно.
От горестей страдает мастерство,
И песнь моя небезупречна.
Служу, служу, а пользы мало.

⁶⁰ Вознаграждают не меня. Так было с самого
начала.

Что делать, не возьму я в толк.
Я пел в угоду госпоже
И госпоже в угоду смолк.

XIV

- Блаженная моя печаль
Вблизи моей любимой так помолодела,
Что мне грудов моих не жаль,
Хотя впустую все: и помысел и дело,
5 И нет страданиям конца,
И остается только ждать желанного гонца.
Жизнь за нее отдать я не премишу.
Когда мне впредь не преуспеть,
Согласен хоть сейчас я на кончину.
- 10 Наверно, знают все на свете,
Что я из-за любви терплю такое горе.
Не откажите мне в совете!
Пока я жив, побыть бы у нее в фаворе!
Я жалуюсь лишь потому,
15 Что я перед любимой прав и вряд ли я пойму,
Зачем непостоянные в почете.
Дай бог влюбиться вам в нее!
Тогда меня скорее вы поймете.
- Что посоветует мне друг?
20 Как мне сподобиться желанного успеха?
Не чтит она моих заслуг.
Как будто бы любовь и жизнь моя для смеха.
Я поневоле убежден
В том, что до гробовой доски не буду награжден.
- 25 Владычице внушая омерзенье,
Узнал я не со слов чужих,
Что значит стыд, что значит невезенье.
- Язвительная болтовня
Меня, затравленного, мучает годами.
30 Вопрос преследует меня:

«Скажи нам, сколько лет прекрасной этой даме?
Не так уж, видно, молода
Красавица, которой ты пожертвовал года».

И за какое голько прегрешенье
35 По милости любви моей
Терпеть я должен это поношенье?

Нет, значу я не так уж мало
Для госпожи моей, но какво притворство!
Смягчиться бы ей для начала,

40 И верх над ней потом возьмет мое упорство.
Ценой невероятных мук
Ей доказать бы я хотел, что я надежный друг,
Пусть не дано достигнуть мне блаженства.
Как разлюбить, как позабыть

45 Пленительные эти совершенства?

Когда бы голько знать мне точно,
Чего желает своенравная царица!
По долгу службы беспорочной
Душой и телом рад бы я преобразиться.

60 Уж я ли не на все готов?
Прилечь бы с нею, наконец услышав нежный

зов!

Понравится — так вечно будем вместе,
А не понравится — ну что ж!
Докучный грех скороним честь по чести.

XV

Говорить бы смело
Мне с красавицей моей:
«Жизнь мне надоела.
Мученика пожалей!»

- ⁶ День за днем служу в надежде
На будущую благодать.
Возрадуется тот, кто был печален прежде.
- Привлеченный вестью
О такой прекрасной даме,
¹⁰ Что владеет с честью
Несравненными дарами,
Убедиться мог я сам:
Соперницам удастся вряд ли
Хоть малость повредить подобным чудесам.
- ¹⁵ И любовь и счастье —
Все, что мне на свете мило, —
У нее во власти.
Только бы вознаградила!
Мой рассвет, моя заря
²⁰ Навеки в сердце у меня.
Другим на зависть царствует, животворя.
- Редко, к сожаленью,
Она слышит мои речи.
Моему моленью
²⁵ Слишком боязно при встрече.
Молча перед ней стою,
Как будто все слова забыл.
Вместо меня кто выскажет любовь мою?
Разве не пристало
³⁰ Мне спросить у госпожи:
«Милость? Гнев? Опала?
Откровенно мне скажи,
Чтобы свой удел я знал».
Кто на такой вопрос решится,
³⁵ По-моему, достоин всяческих похвал.

XVI

Госпожу я заклинаю столько лет:

«Смилуйся ты надо мной!»

Ей до жалобных молений дела нет.

Я готов любой ценой

⁶ Самый трудный выполнить приказ.

Кто бы в мире меня спас

От моих влюбленных венасытных глаз!

Если бы нашелся умный человек!

Он бы мне в беде помог.

¹⁰ Неужели мне томиться весь мой век?

Как ответ ее жесток!

Госпоже служить я дам обет.

Самому себе во вред

Клятвам верев я, пускай вадежды нет!

¹⁵ Уличен людьми в обмане гнусном.

Я сторел бы со стыда!

Жалобе моей, моим напевам грустным

Кто поверил бы тогда!

Сам себя судить я буду строже.

²⁰ Сам я зваю: лгать негоже.

От подобного греха избави боже!

Вряд ли в мире есть любовь сильнее моей.

Преданнее нет сердец!

Кто сказать посмеет: «Мне она милей!» —

²⁵ Тот расчетливый хитрец.

Видит бог, как мне всегда была

Госпожа моя мила.

Что весь мир! Была бы госпожа цела!

- В ней моя награда, слава и почет.
80 Лишь любовью рыцарь жив!
Что если моя любимая умрет,
Радости меня лишив?
Ей понять бы надо в свой черед,
Что меня тоска берет.
85 Острой болью прерван гордый мой полет.

XVII

- Много суетных утех.
Истинная радость: как всегда, на миг.
И, конечно, смех — не смех
Для того, кто в жизни счастья не достиг.
6 Прежде был я весел день и ночь,
До забав я был охоч.
Веселиться мне теперь невмочь.
- Стражду по своей вине.
Сам себя призвал я перед ней виновным.
10 Госпожа сказала мне,
Что, мол, нет конца моим делам греховным.
У нее в глазах такой укор,
Что я сам не свой с тех пор.
Слишком строг подобный приговор!
- 15 Сколько лет я ей служил!
Госпожа не хочет знать заслуг моих.
Сколько песен я сложил!
Госпоже моей как будто не до них.
Я ли не был праведен и смел!
20 Жизни я не пожалел.
Видите, как сладок мой удел!
Все напрасно: стыд и гнев.

Я схожу с ума. Не писал мне закон.
Госпожу мою узрев,
25 Я, непостоянный, был навек пленен.
В мире не проложено дорог,
По которым бы я мог
Убежать от злых моих тревог.

Навсегда любовь со мной.
30 Я любовь мою чужому не отдам.
Нет, не для меня покой.
Буду жить, как жил я, с горем пополам.
Видит бог, мне в мире ни одна
Так не нравилась жена.
35 Лишь бы мне она была верна!

XVIII

Хорошо мне, только бы чуть-чуть
Больше радостей и меньше бед!
Если бы вольготней мне вздохнуть,
Был бы мой напев получше спет.
5 Среди всех моих забот
Удручен я тем, что жалоба моя
Ей никак до сердца не дойдет.
Ближние мои ко мне жестоки:
Нет, мол, новизны в подобном плаче!
10 Ох уж эти праздные упреки!
Мне ли говорить и петь иначе!
Пел бы я всех веселей,
Если бы, как прежде, маленький посланец
Появился к ночи у дверей.
15 Если жил счастливый человек,
Значит, я был счастлив, только я!

Почему блаженство не навек?
Впал в немилость я, и нет житья.
И со мною счастье в ссоре.
20 Наслаждаться бы до самого утра!
Не с кем наслаждаться, вот в чем горе!

Осужденный радостью моей
Жить среди мучительных тревог,
Не жалел я песен и речей.
25 Лучше слов найти никто не мог.
Песня правдою красна.
Никогда со мною не сравнится лжец,
Чьим словам красивым грош цена.

Сам я положил начало бедам.
30 Ничего скрывать я не привык.
Ходит клеветник за мною следом,
Ядовитый у него язык.
Рыщут всюду шептуны.
Виноват ли я, что лучшие слова
35 У врага в устах искажены?

Или мне геперь жестоко мстит
Бывший друг, чью радость я украл?
Я не причинял друзьям обид.
Бог меня тогда бы покарал.
40 Не друзья и не родня —
Вскоре пожалеют о моей кончине
Те, кому теперь не до меня.

XIX

И в моей тоске я восхищен:
Снова жизнь мою надежда осветила.

Радость глаз моих и мой закон,
На других она смотреть мне запретила.

⁶ Даже если мне во вред
Слишком тягостный запрет,
Сурово
Царственное слово,
В ответ не скажешь: «Нет!»

¹⁰ Разве что глупец какой-нибудь
Злоключеньям позавидует моим.
На любовь подобную дерзнуть,
Убедиться, что нисколько не любим
И что все мольбы впустую!

¹⁵ Обездоленный, тоскую.
Однако
Свет милее мрака.
Не полюблю другую.

Кто бы мог в таких печалях жить?

²⁰ Почему я не могу любить, как все?
И зачем поклялся я служить
Самой чистой, самой солнечной красе?
Как мне быть, когда жесток
Натиск бедствий и тревог?

²⁵ Мне худо.
Верю только в чудо,
Чтобы господь помог.

Боль мою за милость я приму,
Предпочтением подобным дорожа.

³⁰ Значит, не ко всем, а к одному
Благосклонной остается госпожа.
Кто сказать посмеет мне:

«Будем угождать жепе
Совместно!»

³⁵ Кто любил бесчестно,
Тот согрешил вдвойне.

Я как будто сокол прирученный.

Чует сокол солнечную высоту
И, своей свободой увлеченный,

⁴⁰ Корм привычный забывает на лету.
Говорит любовь: «Лети!»

Нет обратного пути.

Утраты

Позабыл крылатый.

⁴⁵ Блажен я во плоти.

С госпожой моей не довелось

До сих пор поговорить мне по душам,

Я боюсь, что наши души врозь.

Что мне дальше предпринять, не знаю сам.

⁵⁰ Упованьем окрыленный,

За наградой отдаленной,

Годами

Повинуясь даме,

Охотится влюбленный.

⁶⁵ Хорошо мне в помыслах моих.

Наяву, а может быть, не наяву

Я живу счастливее других.

Кто завидует чужому торжеству,

Перед богом грешен тот.

⁶⁰ Благо тем, кто счастья ждет,

Как прежде,

В сладостной надежде,

Годам теряя счёт!

XX

Приемлю честный божий крест

Всем помышлением моим.

Пускай святых взыскует мест

Мой разум, словно пилигрим.

⁵ Пусть мысль моя отныне служит богу,
Не смея забредать на грешную дорогу.

В далекий отправляюсь путь,

Другим оставив злую боль,

Которой мучила меня.

¹⁰ Сия плачевная юдоль.

С меня довольно здешних благ,

И неуспеха и успеха!

Тому, кто сам себе не враг,

Земные радости — помеха.

¹⁵ Всевышнего почтить бы мне хвалю.

А я смущен своею песнею былою:

«Пока живешь на белом свете,

Всех радостей отведай всласть!»

Святая дева, богоматерь!

²⁰ Не дай мне снова в скверну впасть!

На мысли налагать запрет

Мне, к сожаленью, не дано.

Границ для помышленья нет.

Повсюду странствует оно.

²⁵ Другьям привет, но лишь на расстоянье,

Чтобы мое не ослабело покаянье.

Врагов своих готов простить я,

Однако даже и сейчас

Друзей коварных я боюсь.

³⁰ От них страдал я столько раз!

- Простимся, радость! Счастлив тот,
Кто не был обделен тобой,
Тот, кто вкусил твоих щедрот.
И у меня был день такой,
35 И ночь была. Чего же сердцу надо?
Как больно мне тебя забыть, моя отрада!
Заказаны мне все дороги,
Которые ведут к тебе.
Иным велениям внимаю.
40 Не властен я в своей судьбе.

XXI

- От этих бед печаль жива
В моем напеве заунывном.
В моих ладах день ото дня
Отчаянье мое слышней.
5 Мне свой привет послав сперва,
Зачем же в гневě непрерывном
Теперь наказывать меня?
Не согрешил я перед ней.
Я знаю, как она добра.
10 Давно меня спасать пора.
Отрадно будет нам обоим,
Когда в согласии беспечно
Друг другу душу мы откроем.
Моя сердечная тоска
15 Всегда терзает плоть мою.
Все чувства хором подтвердят,
Что нет мучительнее хвори.
Смерть сердцу моему близка.
Ни от кого не потаю:
20 Один меня снѣдает яд —

- Всепоглощающее горе.
Лишь тот, кого не покидали
Моим подобные печали.
Кого сломил подобный гнет,
25 Лишь тот поверит в скорбь мою.
Лишь тот мою тоску поймет.
- Но нет! Чужим я не открою
Причину горести моей.
Пусть больно мне, пускай тревожно.
30 Чужим не до моих тревог.
Делиться не хочу тоскою.
Кручину от моих друзей
Скрывать, однако, невозможно.
Советом кто бы мне помог?
- 35 Лишь сердце мне дает совет:
«Храни заветный свой секрет!»
Придется мне молчать и впредь.
Оберегая честь ее,
Собою нужно мне владеть.
- 40 Не суждено самой весне
Пробиться к сердцу моему,
Когда в молчании суровом
Любовь меня на гибель шлет.
Мне так темно, так больно мне,
- 45 Что сам себя я не пойму.
Растаять бы моим оковам
На солнце, как весенний лед!
Моей отчаянной мечты
Не могут вылечить цветы.
- 50 Любовь меня свела с ума,
И я не слышу певчих птиц.
На сердце вечная зима.

XXII

Если я вздумаю хвастать победой,
Песенный мой дар я навсегда утрачу.
Скажут мне люди: ты сперва изведай,
А потом уж воспевай свою удачу!

- ⁵ Пусть счастливец весело поет!
Слишком глуп я. Лгать мне в песнях не расчет.
Старую мою тоску не скрою.
Не старится моя тоска
С тех пор, как стала жизнь моя одной сплошной
тоскою.

- ¹⁰ Пускай смеется надо мной невежда.
Как бы меня женщины ни привечали,
Где постоянство, там всегда надежда.
Утолит моя любовь мои печали.
Суетную радость я презрел.

- ¹⁵ Без награды будет жалок мой удел.
Каждая, конечно, бы хотела,
Чтобы служили ей, как я
Единственной моей служу, покорен ей всецело.

Когда ей жалобы так надоели

- ²⁰ И не нужно ей моих ладов унылых,
Она бы мне преподала веселье.
Видит бог, я научиться сам не в силах.
«Да», — сказала бы она в ответ,
Не твердила бы упрямо: «Нет и нет!»

- ²⁵ Как тогда запел бы, окрыленный!
И надо ведь ей до сих пор
В ответ на все мои мольбы остаться

непреклонной!

Все чаще мучают меня сомнения.

Слишком долго ждал я, слишком терпеливо,

- ³⁰ Чтобы в награду получить гоненья!
Почему любовь моя несправедлива?
Болью служба вознаграждена,
И заслуге и вине одна цена.
Если все мои моления слабы
- ³⁵ И бесполезны все слова,
Упорство скорбное мое вознаградить пора бы!

XXIII

- Где же справедливость наконец?
Эта красота меня казнит.
Ею только и живу, глупец.
Нет ей дела до моих обид.
- ⁵ Добродетельную славлю повсеместно.
Мне другая радость неизвестна.
Блажую чистоту всем сердцем чту.
Остается только славить эту чистоту!
- Безутешный, неотступный бред!
- ¹⁰ Все печали у меня в груди,
Будто в мире места больше нет.
Крикнуть я не смею: «Награди!»
Все на свете я готов перестрадать,
Лишь бы выстрадать мне благодать!
- ¹⁵ Хоть мне в грядущее не заглянуть,
Знаю, наградит она меня когда-нибудь.
- На судьбу роптать я не дерзну,
Если мне любить разрешено
Эту несравненную жену.
- ²⁰ Большого мне требовать грешно.
Слава богу, хоть на службу приняла!
Жизнь без этой службы не мила.

Не зная этих сладостных забот,
Жаловаться мог бы я, несчастный сумасброд!

- ²⁵ Выполняю все, что ей угодно.
Соблюдаю рыцарский закон.
Только жаль, что госпожа свободна,
А не пленена, как я пленен.
Пусть мне будет с каждым годом все трудней,
³⁰ Лишь бы состоять всегда при ней.
Когда нельзя вступать мне с нею в спор,
Буду ей служить, как я служил ей до сих пор.

XXIV

- Никто не знает, как мне больно
Такое равнодушие терпеть,
Моей царице своевольной
Служить послушно и при этом петь.
⁵ Ради самых светлых в мире, ради милых этих глаз
Выполню любой приказ.
Тем, кто, завидуя безбожно,
Всех влюбленных обвиняет ложно,
Влюбиться бы самим, как я, но это невозможно.
¹⁰ Когда бы знала цену мне
Моя взыскательная госпожа,
Как полагается жене,
Моею верной службой дорожа!
Дорог я или не дорог? Вот мучительный секрет!
¹⁵ Вдруг в ответ услышу: «Нет!» —
Задав решительный вопрос?
Этого бы я не перенес.
Не знаю, принимает ли она меня всерьез.

- Сказала бы: «Забудь печаль!» —
- ²⁰ И я запел бы веселее всех.
Но ей меня ничуть не жаль.
Что ж! Смерть верней, чем суетный успех.
Песен петь не стоит больше, если на мои печали
Всюду смехом отвечали.
- ²⁵ Не так забота тяжела,
Как людская злобная хула.
Чернят меня, хоть никому не причинил я зла.

XXV

- «Вновь едут рыцари сюда.
Когда им только надоест?
А у меня своя беда:
Скоропалительный отъезд
- ⁵ Того, кто мне милее всех,
Любезного героя,
Чей ослепительный успех
Завистливому не дает покоя».
- Служил я, не жалея сил,
- ¹⁰ И послужить готов я впредь.
Кто госпожу, как я, любил?
Все был готов я претерпеть.
Но дали ей дурной совет,
Чтоб гневом испытала
- ¹⁵ Того, кто верен столько лет.
И началась тогда моя опала.
«Утешить я его должна,
За все страданья наградив.
Отныне буду с ним нежна,
- ²⁰ Чтобы остался рыцарь жив.
Свое достоинство храня,

От милого не скрою:
Когда гостит он у меня,
Сам император, кажется, со мною».

- 25 Сдается мне, что никогда
Не ведать мне удачи.
Так не везет мне, что беда.
Пропал я, не иначе.
Хоть весть о том, что я любим,
80 Принять я рад на веру,
Как жить мне с пламенем таким?
Ведь госпожа любить привыкла в меру.

XXVI

- «Людей послушать я готова,
Но как они мне досаждают!
Один совет умней другого.
Веселье строго осуждают:
6 „На что это похоже?“
А загрузу — так нет! грустить негоже.
Чужим умом бы я жила,
Да что-то умных не видать,
И жизнь мне тяжела.
- 10 Он служит мне зимой и летом.
Когда бы мудрый кто-нибудь
Помочь решился мне советом!
В чужое сердце заглянуть —
Вот что сейчас мне нужно.
- 15 Ах! Я перед обманом безоружна!
Поверив ласковым словам,
Не только тело — всю себя
Любимому отдам!»

- Я сразу понял госпожу.
20 Она меня не поняла.
Что ей на это я скажу?
Мне жизнь такая не мила.
Я весел только с виду.
Я затаил в душе моей обиду.
25 Своею жалобой беззвучной
Соперников не обвиняет
Вдыхатель злополучный.
- Но не предам свою мечту,
Которая велит: «Служи!»
30 Я службой вновь приобрету
Расположенье госпожи.
Пусть милая бранится,
Лишь ей принадлежит моя десница.
Пусть буду в битве я сражен!
35 Без боя уступать грешно
Таких прекрасных жен.

XXVII

- «Весна вернулась, — говорят, —
И все, что сердцу мило.
Время жить на свете веселей.
Пускай меня за грусть корят —
6 Судьба меня лишила
Радости единственной моей.
Тяжко мне весеннею порой.
Тот, кто ни разу не грустил, мой друг, —
в земле сырой,
Мои желаний господин.
10 Нет, никогда не ведал свет

Столь тягостных утрат!
На целый мир был он один.

Мне, бедной, мысль была сладка
О том, что вечно в нем

¹⁵ Счастьем моему цвести дано.

Теперь грызет меня тоска
И по ночам и днем.

На земле мне жутко и темно.
Зеркала лишился белый свет.

²⁰ Где радость глаз моих? Загублена в расцвете лет.

И нечем жить моей весне.
Сказали „мертв“ — и до сих пор
Бушует в сердце кровь,
Захлестывая душу мне.

²⁵ Зимой и летом, день и ночь

Печалюсь я с тех пор,
Как скончался мой любимый друг.
Никто не в силах мне помочь.
Осиротел мой взор.

³⁰ Истерзал мне сердце злой недуг.

Горько плакать буду весь мой век.
Тот, кто меня утешить мог, веселый человек,
Оттуда не придет назад.
Таков господень приговор.

³⁵ Достойнее гостей

У райских не бывало врат».

XXVIII

«Ты, гонец мой дорогой!
Посмотри, как он живет.
Если незнаком с тоской,

Знать не знает он забот,
5 Говори ему тогда,
Что я не знаю горя тоже,
Мол, разлука не беда.

На вопрос, как мне живется,
Отвечай, что превосходно.
10 Сердце, мол, к нему не рвется.
Мне спокойно, мне свободно.
Скрой ты от него одно:
Он для меня как ясный день.
Сердцу без него темно.

15 Ты любовь мою не выдай.
Разумнай сначала точно:
Хоть с печалью, хоть с обидой,
Он живет ли беспорочно,
Он мне верен или нет?
20 И если верен милый рыцарь,
Намекни на мой секрет.

Если он задумал сам
Возвратиться наконец
(Я тебе добром воздам
25 За такую весть, гонец),
Ты скажи ему, что нужно
Воздержаннее быть в речах.
Добродетель безоружна.

Он любовью смерть зовет.
30 Этот холод, этот жар,
Этот пламень, этот лед
Хуже самых страшных кар.
Не любовь — сплошная жуть!

Наверно, лучше ненавидеть,
35 Чем любить кого-нибудь.

Ах, как женщина слаба!
Заболталась я совсем!
Взвесь, гонец, мои слова.
Будь, гонец, как рыба нем.
40 Все разведай ты сначала.
Быть может, лучше скрыть навеки
То, что я тебе сказала!»

XXIX

«Все печали достаются мне одной
И не дают житья,
Сердце бедное пугая.
Разделить нельзя госку с другой женой.
5 Страдая, как и я,
Что сказала бы другая?
На меня в обиде тот,
Кто мне всех дороже.
Чтобы соблюсти себя,
10 Нужно быть с любимым строже.
Как зато мне было весело сначала!
Мой рыцарь лучше всех.
Я чернить его не вправе.
Сколько нежных слов я от него слыхала!
15 Расстаться с милым — грех!
Господи меня избави!
Чтобы не поддаться вдруг
Сладкому недугу,
Я велела замолчать
20 Очарованному другу.

Был в запальчивости отдан мой приказ,
И рыцарь на чужбине
Сохнет, мается в кручине,
Смолк, смиренный, и не кажет больше глаз,
25 Хоть не к лицу мужчине
Женской потакать гордыне,
Уступая ей во всем.
Лучше бы мольбами
Донимал меня поныне.
30 Слышать их приятно даме.

Как мне больно, как отрадно вспоминать!
Нет, сердцу моему
Не забыть счастливой встречи!
Не хотела я любимого прогнать.
35 Я знаю, почему
Смолкли пламенные речи.
Он любви моей желал.
А любовь — не скрою —
С детских лет казалась мне
40 Самой страшною игрою.

В мире я не знаю рыцаря другого,
Чья речь бы мне была
Год за годом так любезна.
Обольстить меня едва ли может слово.
45 Сладчайшая хвала
Тут, пожалуй, бесполезна.
Пусть поет мой милый рыцарь!
Песня мной любима.
Только бы при встрече с ним
50 Я была неколебима!»

ПРИЛОЖЕНИЯ

Б. И. Пуришев

ВАЛЬТЕР ФОН ДЕР ФОГЕЛЬВЕЙДЕ И НЕМЕЦКИЙ МИННЕЗАНГ

Когда Вальтер фон дер Фогельвейде на исходе XII в. начал петь свои вдохновенные песни, западноевропейская рыцарская поэзия уже находилась в состоянии расцвета. Начался этот расцвет во Франции. В северофранцузских областях сложился рыцарский куртуазный роман, наиболее ярко представленный в творчестве Кретьена де Труа. На юге Франции, в Провансе, появилась куртуазная лирика трубадуров, оказавшая решающее влияние на рыцарскую лирику соседних стран. Отсюда пошел культ прекрасной дамы. Здесь определились основные черты куртуазного ритуала, характерные признаки рыцарской любовной лирики.

Появление, а затем и быстрое развитие куртуазной поэзии явились одним из наиболее убедительных свидетельств того культурного перелома, который так отчетливо наметился в XII в. в странах Западной Европы. В самый разгар крестовых походов, когда ведущая международная роль церкви особенно возросла, в странах, принимавших непосредственное участие в крестовом движении, происходил стремительный подъем светской культуры, постепенно отделявшейся от культуры церковной. Повсеместно давали о себе знать и новые веяния, творческие искания, нарушавшие привычные каноны. На смену тяжеловесному суровому романскому стилю в водче-

стве приходил более изящный, легкий, стремительный готический стиль. Заметно возрастал интерес к земному миру и человеку, его индивидуальной судьбе, музыке его чувств. Философ Пьер Абеляр (1079—1142), дважды осуждавшийся церковью за еретическое вольномыслие, в автобиографической книге «История моих бедствий» немало места уделил своей пылкой любви в Элоизе. Вопреки обычаю он сделал читателей непосредственными свидетелями радостей и горестей, потрясших его жизнь. Другой французский философ, Алан Лилльский (ок. 1128—1202), требуя от людей, чтобы они соблюдали закон благой Природы, являющейся наместницей бога на земле, делал ее ближайшей соратницей Венеру, которая связывает нерасторжимой цепью жизнь на земле («Плач природы»). Одновременно росла тяга людей к знанию. Вслед за Италией в XII—XIII вв. во Франции, Англии, Испании и Португалии появились первые университеты. Умножалось количество скрипториев. В городах возникали школы, более свободные в своих начинаниях, чем традиционные монастырские школы раннего средневековья.

Города в это время уже играли заметную роль в экономической, общественной и культурной жизни Западной Европы. Их быстрое развитие влекло за собой интенсивное развитие производительных сил. Росли торговля и ремесло. В широкий круговорот товарно-денежных отношений вовлекались феодальные поместья. У феодалов появились новые потребности, новые запросы. Соревнуясь с городским патрициатом, они стремились к более изысканному, цивилизованному жизненному укладу. В крестовых походах западноевропейские рыцари непосредственно соприкос-

нулись с византийско-мусульманским Востоком, что расширило их умственный кругозор. При феодальных дворах к рыцарю предъявляются требования, согласно которым он, как представитель благородного сословия, должен обладать рядом высоких качеств, поднимающих его над вульгарной толпой вилланов. Под вилланами в данном случае разумелись все неприобщенные к куртуазной элите. Древний богатырский идеал, превозносивший преимущественно физическую силу, уже не соответствовал новым придворным понятиям. Оставаясь доблестным воином, совершенный рыцарь наделен куртуазным вежеством. Он хорошо воспитан, приобщен к искусству, далеко отойдя от варварской необузданности, он во всем соблюдает «меру». И, конечно, его благородное сердце открыто любви, без которой вряд ли возможно самое его существование. Так куртуазия стала знаменем новой рыцарской культуры, переживавшей в XII и в начале XIII столетия свой золотой век. Прекрасная дама озарила ясным светом небосклон куртуазной поэзии. Чаще, чем перед Мадонной, поэты склоняются перед ней. О ней их неустанные помыслы. К ее ногам несут они свои вздохи и пени. Никогда еще в средние века любовь не царила так нераздельно в поэзии, как в это время.

Следует, однако, помнить, что прекрасная дама, прославляемая поэтами, как правило, знатная дама, жена того или иного владетельного сеньора, от щедрот которого зависело благосостояние поэта, принадлежащего обычно к кругу неимущих служилых рыцарей-министерялов. Это обстоятельство не раз вводило исследователей на мысль, что куртуазная любовь — всего лишь придворная игра, далекая от

большого человеческого чувства, своего рода затейливый маскарад, преследующий очень определенные материальные цели. При этом речь шла как о старопровансальских трубадурах, так и о немецких миннезингерах, утверждавших на немецкой почве принципы куртуазной поэзии. Еще в 1876 г. появилась работа Эмиля Хенрици, посвященная истории миннезанга, в которой автор стремился доказать, что немущие рыцари, собиравшиеся при феодальном дворе, были особенно заинтересованы в милостивом отношении к ним супруги феодала, поскольку именно в ее ведении находились кладовые с одеждой, украшениями и прочими вещами, на получение которых они могли претендовать¹. По словам Хенрици, «если рыцарь обладал поэтическими способностями, то он прославлял жену своего сюзерена также в стихах в соответствии с тогдашними обычаями». В эти стихи, опять же в соответствии с тогдашним обычаем, вплеталась любовная тема. Позднее другой немецкий исследователь, Эдуард Векслер, только уже применительно к старопровансальской поэзии, склонен был видеть в песнях трубадуров завуалированные политические панегирики, которые должны были принести поэту всякого рода материальные блага, столь ему необходимые².

Естественно, что подобные взгляды не могли не вызвать критических замечаний. Например, видный исследователь средневековой литературы Конрад Бур-

¹ *Henrici E.* Eine Geschichte der mittelhochdeutschen Lyrik: Dissert. Jena, 1876, S. 42 ff.

² *Wechssler E.* Das Kulturproblem des Minnesangs. Halle (Saale), 1909, Bd. 1.

дах, во многом, правда, солидаризирующийся с Векслером, полемизируя с Хенрици, справедливо указывал на то, что значительную, если не решающую, роль в управлении средневековым замком играли не женщины, но мужчины: камерарий, стольник и кравчий; что у истоков провансальской придворной поэзии стоял не бедный министр-иерарх, но Гильем IX герцог Аквитанский, человек знатный, связанный родственными узами с королевскими домами, и что ссылка на «тогдашние обычаи» лишена конкретного исторического смысла³.

Впрочем, не только во времена Хенрици и Векслера возникали интерпретации, согласно которым любовная куртуазная лирика — это сплошное иносказание. До наших дней среди западных ученых широко распространена подобная тенденция, то сводящая любовное излияние куртуазных поэтов, к неумолимому платонизму, то видящая в них религиозно-мистические откровения⁴.

Между тем еще в начале XX в. выдающийся русский медиевист В. Ф. Шишмарев, возражая Э. Векслеру («Несколько замечаний к вопросу о средневековой лирике», 1912), полагал, что, хотя песням старопровансальских поэтов и присуща определенная условность, в целом «любовная лирика провансальцев» может рассматриваться как «поэтическое изображение вполне реальных переживаний», а «психологические корни ее» надо искать «в отрицательной оценке современного брака, строившегося обыкновен-

³ *Burdach K.* Vorspiel. Halle (Saale), 1925, Bd. 1, T. 1. *Mittelalter*, S. 274.

⁴ См.: *Фридман Р. А.* Любовная лирика трубадуров и ее истолкование. М., 1965, с. 87 и сл.

но на расчете или необходимости». По словам В. Ф. Шишмарева, в культе дамы «впервые был поставлен вопрос о самоценности чувства и найдена поэтическая формула любви»⁵.

Германия не осталась в стороне от большого культурного подъема, который Западная Европа бурно переживала в XII в. и одним из наиболее ярких проявлений которого явился расцвет куртуазной рыцарской поэзии. Только в Германии расцвет этот наступил несколько позднее, чем на романском Западе. И объясняется это не только тем, что немецкое рыцарство в своем историческом развитии отставало от французского, но и тем, что обстановка, сложившаяся в XII в. в феодальной Германии, мало способствовала успехам новой куртуазной культуры, более утонченной и интимной, выходящей за пределы традиционных архаических представлений. «Священная Римская империя немецкой нации» продолжала грезить о мировом господстве. Междоусобные смуты, династические распри, агрессивная внешняя политика, жестокие итальянские войны, безразличное и даже враждебное отношение к городам — все это укрепляло силы феодальной реакции и сдерживало поступательное движение новой культуры. Положение изменилось лишь к исходу XII в., когда возник миннезанг и король Филипп Швабский, император Фридрих II и другие венценосцы стали благосклонно относиться к рыцарской поэзии.

До выступления первых миннезингеров немецкая поэзия XII в. сохраняла еще многие архаические

⁵ Шишмарев В. Ф. Избранные статьи: Французская литература. М.; Л., 1965, с. 182—183.

черты, проявлявшиеся и в языке, и в стихосложении, и во взглядах на жизнь. В ней еще очень заметна монашеская неприязнь к радостям и соблазнам здешнего мира, усугубленная клюнийской реформой. Поэты призывают неустанно помышлять о смерти, твердят о бренности человеческого существования. «Помысли о том, что ты есть? Жалкий прах и навоз. И чем ты станешь, когда умрешь? Гнилью и скоплением червей», — восклицает, обращаясь к читателям, автор стихотворного «Слова о вере» («Die rede des geloubin», между 1140 и 1150), называющий себя Бедным Хартманом. При этом, желая показать, сколь губительна для души привязанность к мирским соблазнам, благочестивый поэт считает нужным остановиться на жизни феодальной аристократии, которая в погоне за «земной честью» (werltiche ere) и «плотскими утехами» (des fleischis Wollust) обрекает себя на вечную погибель. Предвосхищая куртуазных эпиков, но только, разумеется, с обличительной целью, обстоятельно описывает он мирское великолепие рыцарского замка (ст. 2404 и след.). Он говорит о богатой утвари, наполняющей замок, о золотых и серебряных кубках и сосудах, о самоцветах, драгоценных изделиях из кости и металла, о мехах, шелке, бархате, о нарядных коврах и тканях, о рыцарском вооружении, конях и т. п.

И чем ближе к порою расцвета немецкой придворной рыцарской культуры, тем раздраженнее становились голоса суровых обличителей земной скверны, усматривавших в новых рыцарских обычаях и стремлениях прямой вызов истинному благочестию. Именно о «новых обычаях» феодалов («niwe site») писал темпераментный австрийский сатирик Генрих из Мель-

ка в своем «Напоминании о смерти» («Von des tôdes gehugde», ок. 1160), обличавшем греховную жизнь клириков и мирян^о. А для Генриха из Мелька пристрастие к земному всегда греховно, только на пути религиозного отречения способен человек обрести истинную цель. Поэтому мирской дух рыцарства, гонящегося за богатством, почестями и славой, достоин осуждения. Ведь рыцарские подвиги — это убийства, а любовные похождения рыцарей — откровенный блуд (ст. 354—358). А земная красота? Она обманчива и мимолетна. Генрих заставляет молодую вдову рассматривать труп любимого супруга. Она видит, как изменилось его лицо, как навсегда застыл его язык, пленявший слух любовными песнями (troutliet, ст. 610—615), как одеревенели руки, которыми он еще недавно ласкал и обнимал ее, как неподвижны ноги, «так изящно гулявшие с дамами». Однако — любопытная деталь, — обличая пороки клириков, рыцарей и женщин, не принадлежавших к аристократическим кругам, Генрих из Мелька, вероятно выходец из рыцарской среды, почтительно умолкает, когда речь заходит о знатных дамах. «О дамах (frowen) мы не должны говорить худого», — решительно заявляет он (ст. 341). Литературоведы уже обращали внимание на это, казалось бы, столь неожиданное заявление немецкого сатирика. По словам Э. Эрба, «даже этот ревнитель, презирующий рыцарское понятие о чести, героическую воинственность и галантность, не осмелся не затронутым поднимавшейся волной придворной

^о Deutsche National-Literatur. Berlin; Stuttgart, s. a., Bd. 9. Didaktik aus der Zeit der Kreuzzüge und den folgenden Jahren, S. 69—120.

культуры и культом дамы, которые он проклинает»⁷.

Сатира Генриха из Мелька свидетельствует о том, что еще задолго до выступления первых выдающихся миннезингеров в Германии уже начала складываться новая рыцарская куртуазная культура, вступавшая в противоречия с суровыми заветами аскетической доктрины. Тот же Генрих из Мелька завершает свое душеспасительное творение пространной тирадой умершего отца, обращающегося из преисподней к сыну, дабы уберечь его от гибельного пути, ведущего к вечной гибели. Когда-то и он предавался земным утехам, но прошло время и он понял, сколь ничтожна цена этих утех и сколь ужасны адские муки. Пожалуй, только в немецкой поэзии эпохи барокко в таких стихотворениях А. Грифиуса, как «Мертвый живому», найдем мы нечто похожее на взволнованную проповедь Генриха, с потрясением и скорбью взирающего на окружающий мир, погрязший в мирской суете.

А ведь когда Бедный Хартман и Генрих из Мелька сурово обличали мирскую суету, в Провансе уже пышно расцветала куртуазная лирика трубадуров, смело порывавшая с суровыми требованиями аскетизма.

Но вот пришло время миннезанга — немецкой рыцарской любовной лирики. Средневековая поэзия Германии преобразуется. Она далеко отходит от монашеского ригоризма. Поэты перестают все времямышлять о смерти, о загробной жизни, о тщете мирских дел («Memento mori», ок. 1080, «Небо и преис-

⁷ *Erb Ew.* Geschichte der deutschen Literatur von den Anfängen bis 1160. В., 1964, Hbd. 2, S. 581.

подняя», ок. 1080, «Небесный Иерусалим», середина XII в., «О царстве небесном», середина XII в. и др.)⁸. Земная жизнь вступает в свои права. Поэты не отрекаются от нее и от ее прелестей. На земле, а не в призрачном царстве небесном находят они образы совершенной красоты. Их радует весеннее цветение природы, пробуждающейся от зимнего сна. Но все дары природы несравнимы с женской красотой, исторгающей звонкие песни из сердца поэта. Это не означает, конечно, что миннезингеры совершенно чужды средневековому благочестию. В их песнях подчас звучат религиозные ноты. В крестовых песнях уже прямо прославляется благочестивая миссия рыцаря, во славу Христа сражающегося с приверженцами полумесяца. При всем том выступление миннезингеров в ряду других европейских поэтов означало большой шаг на пути секуляризации европейской культуры, со временем пришедшей к эпохе Возрождения. И хотя до эпохи Возрождения было еще далеко, поэты уже освобождали поэзию от аскетической власяницы и на самый высокий, самый великолепный трон возводили госпожу Любовь, наделяя ее регалиями повелительницы мира.

Понятно, что миннезингеры, выступившие в последней трети XII в., т. е. значительно позднее своих романских собратьев по перу, должны были использовать и использовали богатый творческий опыт трубадуров и труверов. Подобно трубадурам, они низко склонялись перед прекрасной дамой, обычно женой знатного сеньора, наделяя ее всеми возможными со-

⁸ Kleinere deutsche Gedichte des 11. und 12. Jahrhunderts. Leipzig, 1970.

вершенствами. Они отличали высокую любовь, основанную на придворном вежестве, от любви вульгарной, грубо чувственной, лишенной аристократической изысканности. Подобно трубадурам, они тяготели к твердым поэтическим формам, к устойчивым образам, ситуациям и формулам. Любовь (Minne) озаряет певца немеркнущим светом, облагораживает его, возносит в идеальные сферы. «Служа» своей избраннице, он мечтает о «награде», о сердечном привете (gruoz), о блаженном поцелуе или даже о сладостных объятиях. Он заверяет госпожу в своей верности (triuwe) и постоянстве (stoete). Только редко прекрасная дама одаряет поэта своими милостями. Не отвергая его поклонения, она обычно холодна и неприступна. Поэтому так часто любовные излияния миннезингеров окрашиваются в скорбные тона. Печаль (leit) вытесняет радость (fröide). Жалобы и упреки наполняют песни. А так как любовь миннезингера может быть только тайной, ведь у его избранницы есть муж, способный ревновать, то в песнях нередко с раздражением упоминаются соглядатаи, клеветники и завистники, отравляющие жизнь поэта, и без того наполненную горечью. И все же любовь для миннезингера — это высшее благо. И прекрасная дама занимает в его сердце примерно такое же место, какое занимала богоматерь в католическом культе высокого средневековья.

Конечно, поэтический мир миннезингера очень узок. И хотя в него подчас вторгается природа, изукрашенная птичьим гомоном и яркими цветами, но иногда появляется она лишь затем, чтобы так или иначе оттенить тему любви, господствующую в поэзии. Любовь — альфа и омега лирики миннезингеров.

Перед ее алтарем не устает поэт изливать свои чувства. И он так поглощен этими чувствами, так подчинен их власти, что его поэтический мир как бы выпадает из большого и шумного мира, раскинувшегося вокруг. Словно неприступный рыцарский замок высится он над плоской земной суетой, лишенной поэтического озарения. Даже отправляясь в крестовый поход, иной рыцарь — миннезингер не расстается в своих помыслах с прекрасной госпожой. Она — его орифламма, его мечта.

Но, может быть, все-таки правы те западные ученые, которые склонны утверждать, что любовная лирика миннезингеров всего лишь искусный придворный маскарад, дань куртуазной моде и что «между поэтическими творениями и действительностью зияло пустое пространство»? ⁹

Несомненно, мода играла здесь большую роль. Ведь в средние века требования этикета властно заявляли о себе. К тому же в распоряжении миннезингеров находилась тщательно разработанная поэзия провансальцев, одушевленная культом прекрасной дамы.

Однако, широко используя достижения провансальцев, миннезингеры не утрачивали своего национального своеобразия. Не свойствен им южный темперамент трубадуров. Поэзия их менее чувственна, более абстрактна, в ней гораздо реже встречаются конкретные приметы времени и места. Они склонны к резиньяции, рефлексии, к размышлениям, к тому, чтобы пространно рассуждать по поводу любви. Но вместе с тем миннезингеры не были всего лишь холодными

⁹ *Ehrismann G. Geschichte der deutschen Literatur bis zum Ausgang des Mittelalters. München, 1935. T. 2. Schlussband, S. 190.*

версификаторами. И они деятельно участвовали в той «революции чувств», которая нашла свое отражение в европейской поэзии XII—XIII вв. Трудно предположить, что многочисленные немецкие поэты, певшие о любви, никогда при этом не испытывали сердечного трепета. А если законы моды в той или иной мере подчиняли их своей власти, то разве не является примечательным тот факт, что именно любовь к земной женщине превратилась в неодолимое требование времени. Следует также иметь в виду, что лучшие песни миннезингеров по праву занимают место среди наиболее значительных образцов немецкой лирики. Не случайно ими так увлекались романтики, ценившие искусство, шедшее от сердца. Людвиг Тик переводил их на современный немецкий язык (1803), а Якоб Гримм, Л. Уланд и К. Лахман посвящали им свои изыскания.

Впрочем, не сразу куртуазные каноны утвердились в миннезанге. У ранних миннезингеров еще господствуют воззрения докуртуазной поры. Так, в «Женских песнях» австрийца Кюренберга (время творчества — 1150—1170-е годы), восходящих к старинным фольклорным традициям, на одиночество сетует женщина, скорбящая о том, что ее покинул возлюбленный. В песне «Этот сокол ясный был мною приручен»¹⁰ она сравнивает его с соколом, исчезнувшим

¹⁰ Поэзия трубадуров, поэзия миннезингеров, поэзия вагантов. М., 1974, с. 186. (Библиотека всемирной литературы; Т. 23). (Далее: БВЛ). Эта песня Кюренберга, вызывающая разноречивые толкования ученых, детально рассмотрена в кн.: *Grimminger R. Poetik des frühen Minnesangs*. München, 1969, S. 91—118.

в небесном просторе. У Кюренберга и других поэтов-архаистов женщина еще не стала всевластной повелительницей сердец. Нередко ей суждено томиться по любви, в то время как самонадеянный рыцарь с легкостью ее оставляет.

Но уже у ранних миннезингеров появляются куртуазные черты. Они становились все явственнее, и наконец в Рейнской области, в непосредственной близости от рыцарской Франции, сложился куртуазный миннезанг, выдвинувший ряд одаренных поэтов. Все они бережно относились к поэтической форме, тщательно совершенствуя ее, ибо только совершенная поэзия могла быть достойна совершенств прекрасной дамы. Кюренберг еще не знал сложных строфических построений. Его песни состояли преимущественно из одной строфы, совпадающей с эпической «нибелунговой» строфой, что дало некоторым исследователям основание считать Кюренберга автором «Песни о нибелунгах». Встречаются у него и ассонансы (*lier-niet, was — sach, Wünne — Künde* и др.)¹¹, в то время как миннезингеры зрелой поры высоко ценили точную звонкую рифму, придававшую куртуазной песне особую привлекательность и нарядность.

Мастера куртуазного миннезанга, тяготевшие к твердым поэтическим формам (любовная песня — *minnelied*, песня рассвета — *tagelied*, крестовая песня — *Kreuzlied*, плач — *Klagelied* и др.), одновременно являлись виртуозами в области строфики, нарушали известную монотонность рыцарской лирики, крайне ограниченной в своем содержании. Многообразие стро-

¹¹ *Des Minnesangs Frühling*. 32. Aufl. Leipzig, 1959, S. 4. (Далее: MF).

фического построения песни достигалось конструкцией стиха (число ударений, стоп), количеством стихотворных строф и расположением рифм, связывающих стихи. Для зрелого миннезанга характерно довольно сложное трехчастное построение песни. Она открывалась двумя идентичными «опорными» частями (Stollen), образовавшими «запев» (Aufgesang), за которым следовало «завершение песни» (Abgesang), и по мелодии, и по своей конструкции отличное от «запева». Обычно эта третья заключительная часть длиннее «опорных» частей и зарифмована она по-иному. Еще сложнее построение лейха (Leich) — разновидности любовной или религиозной песни, восходящей к латинской средневековой секвенции. Здесь строфы отличаются одна от другой, многообразны и мелодический строй произведения, более «пышного» и массивного, чем обычная песня.

Основоположником и одним из видных представителей куртуазного миннезанга, опиравшегося на романские традиции, был Фридрих фон Хаузен. Известно, что он являлся приближенным императора Фридриха I, принимал участие в его итальянских походах, а 5 мая 1190 г. погиб на поле брани во время крестового похода, предпринятого Фридрихом II Барбароссой. Этот храбрый рыцарь, хорошо владевший мечом, был также искусным версификатором и ритором, изящно рассуждавшим о любви и ее власти над сердцем преданного певца. Однако любовь для Фридриха фон Хаузена — это не только радость, но и страдания. Надеясь свою избранницу небесной красотой, утверждая, что, создав ее, господь

воистину сотворил чудо¹², поэт горько сетует на ее безразличие, на то, что госпожа не вознаграждает его постоянство. Однажды дама даже прямо заявила поэту, что, если он и склонен считать себя Энеем, она никогда не будет его Дидоной¹³. Подчас в его сетованиях вплетается мотив «любви издалека», звучавший в поэзии трубадуров. У немецкого поэта на то была своя причина. Ему, действительно, приходилось, уподобляясь Энею, покидагь отчизну и умер он вдалеке от Рейна, о котором он всегда тепло вспоминал. Естественно что в песнях, написанных на чужбине, любовь к прекрасной даме превращается в мечту, в зыбкое воспоминание, в смутную надежду. В одной песне («Привиделось во сне») ¹⁴ поэт даже влюбляется в призрачный образ неведомой красавицы, явившейся ему в сновидениях. И только в крестовых песнях поэт-рыпярь долг перед богом ставит выше долга перед земной госпожой.

Вскоре «высокая любовь» прочно утвердилась в немецкой поэзии. Миннезингеры дружно воспевают прекрасных дам, дружно сетуют на их непреклонность. Как уже отмечалось выше, их любовь обычно неотделима от страдания. Без любви не мыслят они жизни, но радость редко сопутствует их любовным порывам. Меланхолические тона пронизывают лирику Рейнмара фон Хагенау, названного Старым (ок. 1160—ок. 1205), законченного представителя изысканной придворной поэзии, виднейшего предшественника Вальтера фон дер Фогельвейде. Он был родом из Эльзаса, долгое время находился при австрийском

¹² MF 49, 37—38; БВЛ, с. 207.

¹³ MF 42; БВЛ, с. 214.

¹⁴ MF 48; БВЛ, с. 206.

дворе, принимал участие в крестовом походе 1190 г. С грустью отмечает Рейнмар, что ни верность, ни преданность не снискали ему благоволение любимой женщины. Сколько песен сложил он во славу госпожи! Сколько лет прошло с тех пор, как он избрал ее своей повелительницей! А единственная награда его постоянству — седина, окрасившая в белый цвет волосы поэта («Ею жил я столько лет») ¹⁵. От песни к песне тянется нить поэтических жалоб и сетований Рейнмара. Давно прошло то время, когда он бывал весел и радовался жизни, а теперь нет дня, который бы не был омрачен заботой и тоской («Много суетных утех») ¹⁶. Этот элегический тон, царящий в поэзии Рейнмара, сообщает ей некоторую монотонность, отмеченную еще современниками. Однако Рейнмару нельзя отказать в несомненной поэтической тонкости, в умении варьировать ведущую тему, в однообразии обнаруживать многообразие. Его песни — это чаще всего лирические монологи, в которых человеческое чувство обретает завершенную ясную форму. Впрочем, иногда Рейнмар прибегает к диалогическому построению песни и тогда мы слышим голос прекрасной дамы, которую поэт так часто склонен обвинять в жестокосердии. Оказывается, и у нее есть сердце, доступное нежным чувствам. Ее удручает внезапный отъезд рыцаря, теснимого завистниками. Себе она может признаться в том, что он ей дорог, что он вправе рассчитывать на ласку («Вновь едут рыцари сюда...»). «Он для меня как ясный день. Сердцу без него темно» («ich bin im von herzen holt Und saehe

¹⁵ MF 172, 11—14.

¹⁶ MF 235—236.

in gerner denne den tag») ¹⁷, — заявляет она в песне «Ты, гонец мой дорогой!..». Только страхась дурной молвы, вынуждена дама скрывать свою склонность. И поэта, объятого тоской, даже радует то, что стоит она на высоком незапятнанном куртуазном пьедестале («Поют не от хорошей жизни...»). В ней нашел он свою королеву, а следовательно, свою жизнь («Мою любовь я не забуду...»).

Власть литературного этикета, столь характерного для средних веков с его устойчивыми поэтическими формами, ограниченным кругом тем и представлений, конечно, в определенной мере нивелировала творчество миннезингеров, приглушая личное начало, присутствующее в лирической поэзии. Приглушая, ограничивая, но не упраздняя его. Это личное начало всецело овладеет лирикой в эпоху Возрождения, но и в поэзии высокого средневековья оно уже внятно заявляло о себе. Как бы ни казалась нам однообразной поэзия миннезингеров, нельзя сказать, что была она вся «на одно лицо». Не совпадали темпераменты миннезингеров, сила их таланта да и самый взгляд на окружающий мир, не говоря уже о разнообразии поэтических форм, создаваемых поэтами.

Так современник Рейнмара Старого Генрих фон Морунген (ок. 1150—1222), одно время занимавший видное место при дворе маркграфа Дитриха Мейсенского, не выходя за пределы привычных куртуазных lamentаций о тщетных усилиях поэта снискать к себе расположение гордой красавицы, в то же время по своему мироощущению расходится с Рейнмаром. Его песни лишены унылой монотонности последнего. Их

¹⁷ MF 178, 12—13.

не обволакивает густой туман меланхолии. Генрих фон Морунген отчетливо видит живописное и пластическое многообразие мира. Его радуют яркие краски, звонкое пение птиц. Он влюблен в красоту, разлитую во Вселенной, и прежде всего в красоту своей избранницы. Подобно солнцу, озаряет она его сердце, и «воздух и земля, и лес и луга» становятся причастны к его ликованию («Сердце в небо воспарило») ¹⁸. Твердя об ее «ясных очах» и «алых устах цвета розы» ¹⁹, он не просто идет по проторенным путям куртуазной поэзии. Куртуазные клише у него оживают, становятся зримыми. Из них он плетет свой нарядный поэтический венок. Мир многообразной природы снабжает его образами и сравнениями. Например, говоря о том, как воспламеняют его лучистые глаза госпожи, поэт вспоминает о сухом дереве, загорающемся от соприкосновения с огнем («Очень многих этот мучает недуг») ²⁰. Есть у Генриха фон Морунгена и «утренняя песня», подобно провансальским альбам, пронизанная горячей чувственностью. Встречаются у него отзвуки Овидия («Метаморфозы», 3, 6, 9; «Amores» 5; и др.), привлекавшего к себе в XII в. внимание многих европейских поэтов.

Можно было бы назвать и других одаренных поэтов поры расцвета миннезанга, обладавших теми или иными своеобразными чертами, будь то Генрих фон Фельдеке, Рудольф фон Фенис или же Вольфрам фон Эшенбах, автор «Парцифалья», создавший ряд замечательных лирических песен.

¹⁸ БВЛ, с. 244—245; MF 125, 28—29.

¹⁹ MF 130, 28—30.

²⁰ БВЛ, с. 245; MF 126, 24—25.

Но все же среди миннезингеров заметно выделяется Вальтер фон дер Фогельвейде (ок. 1170—ок. 1230), не только силой, но и многообразием своего поэтического таланта. По словам Конрада Бурдаха, одного из лучших знатоков Вальтера, мы находим у него «в гораздо большей мере, чем у кого-либо из средневековых поэтов, живой, субъективный элемент, самобытную недюжинную индивидуальность, страстный, солнечный темперамент, нервную возбудимость и восприимчивость»²¹. Это позволило Вальтеру, пожалуй ближе всего соприкасавшемуся с Генрихом фон Морунгеном, широко раздвинуть привычные границы миннезанга, обогатив его новыми темами и формами и той чарующей задушевностью, которая подчас выводила его за тесные пределы обычно несколько чопорной придворной поэзии.

Современники высоко ценили творения Вальтера. Вольфрам фон Эшенбах почтительно цитирует его в «Парцифале» (кн. VI). Готфрид Страсбургский, тепло отзываясь о миннезингерах, унаследовавших искусство сладкогласного Орфея, Вальтера считает предводителем стаи немецких соловьев, изумляющим всех своим чудесным пением («Тристан», ст. 4788 и след.). И даже представитель более позднего поколения поэтов Гуго Тримбергский (ок. 1235—1313), тяготевший к поэзии бюргерского склада, продолжал высоко чтить Вальтера и заявлял, что тот «глубоко огорчит его, кто забудет» замечательного миннезингера («Скаун», 1188).

Тревога, сквозившая в словах Гуго Тримбергского, не была лишена основания. Шло время. Закатывалась

²¹ *Burdach K. Op. cit., S. 338.*

звезда рыцарской поэзии. На смену миннезангу приходила поэзия бюргерская, более рассудочная, наставительная, лишенная лирического порыва. Менялись художественные вкусы и принципы. Правда, и в XIII, и в XIV, и даже в XV вв. появлялись рукописные антологии, содержавшие поэтические тексты миннезингеров (Малая Гейдельбергская рукопись XIII в.; Большая Гейдельбергская, или Манессова, рукопись начала XIV в., богато иллюстрированная, включающая произведения 140 певцов; Иенская рукопись середины XIV в. и др.).

По этим антологиям мы, собственно, и знакомимся с поэзией миннезанга, в частности с песнями и шпрухами Вальтера фон дер Фогельвейде. Только в более поздних сборниках (например, в Веймарской рукописи XV в.) рыцарская лирика утрачивает свое ведущее положение. Составители поэтических антологий предпочитают ей поэзию тяжеловесного бюргерского мейстерзанга. К XVI в. «звонкоголосые соловьи» немецкого средневековья и их вдохновенный предводитель были уже основательно забыты.

Это привело к тому, что мы многого не знаем о Вальтере. Единственный дошедший до нас документ, касающийся его жизни, это путевой счет епископа Пассауского Вольфгера, согласно которому 12 ноября 1203 г. вышеназванный епископ распорядился выдать «Вальтеру певцу из Фогельвейде» пять сольди на приобретение меховой шубы. Из этого документа явствует, что Вальтер в то время находился в свите епископа, впоследствии патриарха Аквилейского, видного государственного деятеля, и что на свои скудные средства он, видимо, не мог купить

шубу, столь необходимую ему в связи с приближением зимнего холода.

Мы не располагаем точными датами рождения и смерти Вальтера. Не знаем, где именно он родился. Согласно одним предположениям, родился он в Тироле и Австрии, согласно другим — в Швейцарии или в Средней Германии. Не располагаем и манускриптами, написанными самим поэтом. С произведениями Вальтера знакомимся мы лишь по поэтическим антологиям, создававшимся уже после его кончины. Переписчики иногда по своему усмотрению изменяли текст оригинала, что доставило много хлопот исследователям, изучавшим в XIX и XX вв. творческое наследие великого немецкого поэта. То, что в настоящее время известно о жизни Вальтера, извлекаем мы из его собственных произведений.

Конечно, подобно другим миннезингерам, Вальтер в той или иной степени подчинялся требованиям господствовавшего литературного этикета. Не чуждался он общих мест придворной лирики, принимая участие в создании куртуазного мифа. Бродил он по волшебным садам госпожи Любви, требовательной и недоступной. Короче говоря, в его творениях поэтический вымысел нередко торжествовал над повседневной правдой, и мы не должны забывать об этом.

Вместе с тем Вальтер фон дер Фогельвейде, бедный рыцарь, постоянно нуждавшийся и ведший жизнь бродячего шпильмана, ближе своих знатных соотарищей по искусству соприкасался с жизнью страны. Не было ему свойственно феодальное чванство, хотя он и дорожил своей принадлежностью к благородному рыцарскому сословию. Его поэтический мир вырывался за тесные пределы феодального замка, он

был обширен и многоцветен. Вальтера тревожили судьбы отчизны, и его злободневные песни звенели как мечи в бурных политических схватках того времени. При этом, пел ли он о соперничестве могущественных потентатов или о малой травинке на весеннем лугу, он всегда оставался самим собой. Мы его не только слышим, но и видим. Он не скрывает от нас своих надежд и разочарований, своего жизненного неустройства, своей нужды, которую побороть может только щедрость больших господ. Поэтому, когда на склоне лет Вальтер получил наконец от императора Фридриха II долгожданный лен (наследственное земельное владение), он в песне с такой искренней радостью сообщает об этом всем и каждому. Пусть люди узнают об этом радостном событии. Пусть узнают, что Вальтер перестал быть бездомным скитальцем («Есть у меня удел, уделом я владею»).

Но как все-таки протекала жизнь виднейшего миннезингера? О детстве Вальтера ничего не известно. Вероятно, он родился в семье безвестного рыцаря — министернала, не блиставшего ни знатностью, ни богатством. Можно предположить, что он посещал духовную школу. Во всяком случае на теологические познания указывают его песни, правда преимущественно поздние. Впрочем, познания эти в средние века не являлись уделом одних только схоластов и их воспитанников. Зато мы знаем, что Австрия сыграла решающую роль в творческом развитии Вальтера. По словам поэта, там обучался он «искусству музыки и слова» (*lernte ich singen und sagen*) («Отвыне я гораздо резче запеваю...»). На рубеже XII и XIII вв. Австрийское герцогство, образовавшееся

в 1156 г., переживало период заметного экономического, политического и культурного подъема. Этому способствовало выгодное расположение страны на перекрестке торговых путей по Дунаю. К венскому двору стекались рыцари из разных земель. Здесь благоволили к министралам. Здесь покровительствовали новой куртуазной поэзии. К исходу XII в. венский двор стал одним из наиболее заметных центров рыцарской культуры на территории Священной Римской империи. В качестве придворного поэта обосновался здесь (ок. 1185—1195) прибывший из Эльзаса Реймар фон Хагенау (Старый), почитатель провансальских трубадуров, изысканный мастер куртуазной лирики. Молодой Вальтер, который около 1190 г. вступил в круг венских миннезингеров, испытал на себе его влияние. У Реймара было чему учиться. И хотя в дальнейшем Вальтер пошел по своему пути, он всегда с уважением и сердечным теплом отзывался о маститом певце. Вскоре, однако, Вальтеру пришлось расстаться с гостеприимным венским двором. В 1198 г. умер Австрийский герцог Фридрих VI, благосклонно относившийся к поэту. Его наследник Леопольд VII (1198—1230) обходил Вальтера своими щедротами. Призывы Вальтера, обращенные к новому герцогу («Леопольд Австрийский, позволь с людьми остаться...»), успеха не имели, и Вальтер покинул Австрию, чтобы начать беспокойную жизнь шпильмана, исколесившего многие земли и страны. Впрочем, благодарную память о Венском дворе, где протекала его творческая молодость, Вальтер сохранил на долгие годы. Ему не раз впоследствии приходилось навещать столицу Австрии, и гер-

цог Леопольд, судя по всему, относился к нему более благосклонно.

Вынужденный покинуть Вену, Вальтер не пал духом, не растерялся. Творческая энергия в нем была ключом. У поэзии его выросли большие сильные крылья, которые так понадобились Вальтеру, когда он из малого куртуазного мира перешел в мир пронизанных драматизмом имперских интересов.

Уже в 1198 г. мы находим его при дворе германского короля Филиппа Швабского (1198—1208), младшего сына Фридриха Барбароссы. С гордостью сообщает Вальтер, что глава государства (*diu krône*) «приблизил его к себе». Находясь среди приближенных короля, Вальтер начинает писать политические шпрухи, откликавшиеся на злобу дня. Они имеют успех. К ним прислушиваются. Известность Вальтера растет. В дальнейшем уже в качестве признанного поэта он появляется при различных феодальных дворах, благоволивших к искусству миннезанга. Особенно следует отметить его неоднократное появление при дворе ландграфа Германа Тюрингского (годы правления: 1190—1217), стяжавшего себе славу щедрого покровителя поэзии.

Здесь в 1202 или в 1204 г. Вальтер встречался с Вольфрамом фон Эшенбахом. О дворе ландграфа Германа, как о своего рода заповеднике искусства в средние века, даже слагались легенды. Так, в поэме «Война певцов» (ок. 1300) повествуется о том, как в Вартбургском замке в присутствии ландграфа Германа произошло не лишнее драматизма состязание певцов, в котором наряду с другими участие принимали Вальтер фон дер Фогельвейде и Вольфрам фон Эшенбах. Отзвуки этого старинного романтического

сказания дошли до Новалиса («Генрих фон Офтердинген»), Э. А. Т. Гофмана («Состязание певцов») и Р. Вагнера («Тангейзер»). Вальтер, видимо, действительно охотно бывал в Вартбургском замке, но далеко не все его там привлекало. Подобно Вольфраму, он решительно осуждал грубое, далекое от кургуазного вежества поведение шумной, крикливой толпы рыцарей, стекавшихся ко двору хлебосольного герцога («Нас вытесняет наглый сброд...», «Тому, кто немощен, а то и просто хвор...»).

Тем временем заметно обострился политический кризис Германской империи, во многом подготовленный затянувшейся борьбой за инвеституру. Ход событий вел к постепенному ослаблению центральной императорской власти за счет усиления власти территориальных князей. Папский Рим был по ряду причин в этом заинтересован. В Риме еще хорошо помнили то время, когда германские императоры стремились лишить католическую церковь важных экономических и политических прерогатив, а также порой весьма бесцеремонно распоряжались папским престолом²². Папы умело интриговали против империи, где могли, сеяли смуту. Положение было запутанным и противоречивым, осложнялось междоусобными феодальными распрями, борьбой за власть феодальных магнатов. Вмешавшись в борьбу Вельфов и Штауфенов, поддерживая то одного, то другого претендента на престол (Филипп Швабский из рода Штауфенов и Оттон IV — из Вельфов), папа Иннокентий III заботился прежде всего о выгодах Римской курии. Дело дошло до того, что на исходе XII в.

²² См.: *Werner E. Zwischen Canossa und Worms: Staat und Kirche, 1077—1122.* В., 1978, С. 14.

в Германии было одновременно два короля. В 1198 г. королями были провозглашены Филипп Швабский и Оттон IV (1182—1218), сын Генриха Льва, поддержанный папой. Успешно защищая свои права, Филипп заставил соперника бежать из Германии, но после гибели Филиппа в 1208 г. Оттон завял королевский престол, а в 1209 г. был в Риме коронован императорской короной.

Вальтер фон дер Фогельвейде не был политическим деятелем. Не был он и политическим мыслителем. Он был поэтом, немецким поэтом, и в качестве такового не пожелал пройти мимо событий, волновавших страну. Вероятно, во многом ему трудно было разобраться. Да и обстоятельства чисто личного характера тоже играли тут какую-то роль. Но Вальтер ясно видел, что Германия переживала трудное время. Не укрылись от его зоркого глаза интриги папского Рима, приведшие к двоевластию в стране, и без того страдавшей от феодального партикуляризма. Только единая власть, по мнению Вальтера, способна избавить Германию от раздоров, утвердить порядок в измученной отчизне («В ручье среди лужайки...» и др.). Вопрос о сильной государственной власти, противостоящей феодальному хаосу, бесспорно принадлежал к числу кардинальных политических вопросов европейского средневековья. Выдвигая этот вопрос в специфических немецких условиях, Вальтер несомненно шел в ногу со временем. Только ему, разумеется, не дано было знать, что в Германии победу в конечном счете все-таки одержит феодальный партикуляризм, а королевская власть не станет той конструктивной национальной силой, какой она стала в соседней Франции.

Вальтер начал с того, что все свои надежды возложил на Филиппа Швабского, а когда Филипп погиб, ему уже не оставалось ничего иного, как встать на сторону Оттона IV, единственного в то время законного правителя Германии. Вскоре однако Римский папа, обманутый в своих ожиданиях, отлучил Оттона от церкви и объявил в 1212 г. королем Германским Фридриха II из рода Штауфенов. В годы напряженных отношений между империей и папским Римом Вальтер обрушивается на католическую церковь ряд страстных обличительных шпрухов, принадлежащих к числу самых ярких образцов его поэтической публицистики. В дальнейшем помыслы его обращены преимущественно к крестовому походу, провозглашенному Фридрихом II. Он ратует за подвиг, столь необходимый миру, погрязшему в злобе, себялюбии и прочих пороках.

Но, смело вторгаясь в сферу высокой политики, Вальтер не упускал из виду также потребностей повседневной жизни. Для него это прежде всего был мучительный вопрос о хлебе насущном. Ведь за известным миннезингером, чьи песни распевались по всей Германии, неотступно следовала бедность. Не было у него доходных земель. Не было даже постоянной кровли над головой. Он всецело зависел от милостей того или иного могущественного патрона. Поэтому так часто в своих песнях Вальтер превозносит щедрость как высшую добродетель владетельного сеньора, жалуется на скупость власть имущих и напоминает им, и вновь напоминает о своей нужде. Некоторые литературоведы в связи с этим даже го-

ворят о «попрошайничестве» Вальтера²³. Но не будем высокомерны. Вальтер никогда не теряет своего человеческого достоинства, он не раболепствует перед богатыми и знатными. Даже могущественным венценосцам способен он бросить в лицо обвинения в недостойной скардености. Он не строчит униженных просьб, которые властелин может гут же скомкать и бросить. Он беседует с ним на языке поэзии, на звонком языке песен, рассчитанных на многочисленных слушателей. Тем самым его личное дело как бы становится делом всего рыцарского сословия.

Как уже отмечалось выше, Фридрих II около 1230 г. пожаловал поэту земельное владение, вероятно, неподалеку от Вюрцбурга. Согласно одному достоверному свидетельству середины XIV в., вскоре умерший Вальтер был похоронен в притворе Вюрцбургского собора и на гробнице его выбито было латинское четверостишие в гекзаметрах, в котором покойный поэт назывался «кормильцем птичьей стаи»²⁴ и «цветком красноречия».

Со времен Карла Зимрока (1802—1876), поэта и ученого, близкого к романтизму, горячего почитателя немецкой средневековой поэзии, переводчика на современный немецкий язык Вальтера фон дер Фогельвейде и других средневековых поэтов, принято поэтические произведения Вальтера делить на «песни» и «шпрухи». Это деление не лишено веских оснований, хотя в какой-то мере оно все же является услов-

²³ См.: *Becker H. Bausteine zur deutschen Literaturgeschichte: Ältere deutsche Dichtung. Halle (Saale), 1957, S. 132.*

²⁴ Намек на слово: *Vogelweide* — место кормления птиц.

ным. Ведь и шпрухи в то время пелись подобно песням, а в основе своей лирические песни содержали иногда дидактический элемент, характерный для такого рода произведений (spruch — изречение, сентенция, гнома).

К песням, к лирической поэзии Вальтер тяготел с юных лет. Появившись в Вене при дворе австрийского герцога еще совсем молодым, он сразу же соприкоснулся с поэзией миннезанга, доведенной до совершенства Рейнмаром Старым, признанным главой придворных певцов. «Высокий» строй этой поэзии привлек Вальтера. Ему легко давалась любовная риторика. В духе куртуазного миннезанга прославлял он красоту и добродетели прекрасной дамы, а также сетовал на ее холодность и безучастность. В дальнейшем, особенно в годы странствий, когда расширился его кругозор, когда, видимо, приходилось ему соприкасаться и с вагантами, начитанными в Овидии, и с простодушной народной поэзией, далекой от придворного этикета, любовная лирика Вальтера далеко вышла за пределы привычных канонов. Его горячий темперамент требовал простора, ему было тесно в узких пределах великосветской моды. Поэтому, видимо, в 1198 или 1199 г. Вальтер посмел в диалогической песне «Дай бог ей благодатных дней...» поднять свой голос против выставляемой напоказ меланхолии, ставшей в придворных кругах верным признаком хорошего тона. По словам рыцаря, ведущего беседу с дамой, он отвык от веселья, от смеха и осмеливается смеяться только тогда, когда его никто не видит. А ведь было время, когда веселье поощрялось при дворе и люди пребывали в радости (wie rehte frô die liute wâren), когда рыцарь мог, не прикры-

ваясь личиной меланхолии, ликующим сердцем приветствовать весну.

Если принять во внимание, что при Венском дворе господствовала меланхолическая поэзия Рейнмара Старого и его сподвижников, приглашавшая на мир смотреть сквозь призму неизбывной печали («si alle trûgent sô»), то станет ясной полемическая направленность стихотворения Вальтера. При этом стрелы Вальтера поражали не только модную поэтическую школу, к которой он и сам в той или иной мере принадлежал, но и более широкий круг представлений, вырвавшихся из традиционной средневековой доктрины, согласно которой скорбь облагораживает человека, в то время как земная радость его понижает. Возникшее на рубеже XII—XIII вв. стихотворение Вальтера стало заметной вехой на пути его творческого развития. Оно утверждало право человека на земную радость, естественное право, принадлежащее ему.

Апологию земной радости содержит также превосходное стихотворение «Одно скажи: „Благодарю!“»²⁵, перекликающееся с творениями провансальских трубадуров и вагантов. Создавая его, Вальтер, вероятно, соревновался с Рейнмаром, но только на свой лад, далеко отходя от привычных воззрений маститого придворного певца. Стихотворение посвящено восторженному описанию женской красоты. И Рейнмар высоко ценил красоту знатных дам. Только героини его песен, суровые и непреклонные, витали где-то в холодных заоблачных сферах или напоминали искусные

²⁵ «Si wunder wolgemâchet wib».

каменные изваяния, под готическим убранством которых не ощущалось живое тепло человеческого тела.

От песни Вальтера веет земным теплом. Обнаженная женщина выходит из ручья. Ее зримая красота восхищает поэта. У неба и земли заимствует он краски, чтобы достойно описать ее чарующую прелесть. Как две звезды сияют ее глаза. Лучшие краски — «чистую алую» и «чистую белую» (*sô reine gôt, so reine wîr*) — употребил создатель для украшения ее ланит. Сознывая греховность своих признаний, поэт заявляет, что эти розы и лилии, цветущие на ланитах красавицы, он охотнее созерцает, нежели солнце и небесный свод. Так влекут к себе ее совершенные шея, руки и ноги и то, о чем он должен умолчать. В мечтах он уже проникает в горницу молодой красавицы. Ему хочется завладеть ее ароматной алой подушкой. Прильнув к ней губами, поэт навсегда исцелился бы от всех мук. Следует заметить, что словам об «алой подушке» присущ здесь двойной смысл, поскольку слова «подушка» (*Küssen*) и «поцелуй» в средневерхненемецком языке однозвучны. Как видим, при желании Вальтер мог быть изысканно галантен.

В этом, относящемся к раннему периоду, стихотворении уже отчетливо проявляются черты, характерные для творческой индивидуальности Вальтера фон дер Фогельвейде. Ведь применительно к нему несомненно можно говорить о творческой индивидуальности. С уважением относясь к принципам миннезанга, он в то же время не утрачивает способности по-своему видеть и ощущать мир. Даже общепринятые шаблоны приобретают живость под его пером. Кто не сравнивал ланиты прекрасной дамы с розами

и лилиями? Так поступает и Вальтер. Только у него создатель, творящий земную красоту, превращается во взыскательного мастера, который не удовлетворяется просто алой и просто белой краской, но находит краску самую «чистую», звонкую, ничем не замутненную. Это тяготение к поэтической конкретности помогает Вальтеру преодолевать бледный схематизм, присущий миннезангу. Его мир богат красками и живописными деталями. Ему тесно за каменными стенами феодального замка. Ведь не случайно изобразил он нагую красавицу не в укромном будуаре, а на зеленом лугу, выходящей из ручья. Подобно нарядному цветку, украшает она землю.

Цветущая природа то и дело возникала в песнях Вальтера. Особенно дорога ему весна, творящая чудеса, оживляющая клириков и мирян, звенящая смехом и песней, несущаяся в пляске, расстилающая наряды лесов и полей («В роще, в поле, на поляне...»). Весной поэту снятся самые заманчивые сны. То это сон о разделенной любви среди полевых цветов («Вам, госпожа, венок!»). То неожиданный сон под деревом возле говорливого ручья. Поэт становится королем, которому подвластны все радости жизни. Правда, сон этот длится недолго. Хрипкое карканье ворона рассеивает сказочные грезы («В майский день, порой чудес...»).

Впрочем, весна была в почете и у других миннезингеров. «Весенний зачин» принадлежал к числу достаточно распространенных мотивов куртуазной лирики. Но Вальтер и в данном случае не останавливается на шаблоне. Он вводит в пейзаж жанровые элементы (клирики и миряне), шире развертывает картину ожившей природы. Это уже не привычная

литературная схема, это сама жизнь, многообразная и яркая. При этом цветущая природа в песнях Вальтера не только зрелище, радующее глаз, но одновременно и душевное состояние поэта, олицетворение его сердечного порыва. Вальтер не был баловнем судьбы. Жизнь неоднократно вливала горечь в его кубок. Но поэзия его от этого не стала сумрачной и заунывной. И хотя жалобы и пени неоднократно звучали в ней, оставалась она в основе своей светлой и жизнелюбивой. Вслед за Рейнмаром Старым не мог Вальтер заявить, что ни красота цветов, ни пение птиц не способны утешить его сердца, скованного вечной зимой²⁶.

Зима устрашает Вальтера. Она не для него. В песне «Земля зеленая цвела...» он предъявляет ей ряд обвинений. Он обвиняет ее в том, что она лишила природу ее радостного многоцветного убранства. Все стало бледным и серым. Вороньи крики сменили пенье птичек. А там, где люди свивали венки, простирается иней и снег. Только глупцы радуются приходу зимы. Зато как трудна она для бедняков. Поэт сочувствует их беде. По себе он знает, как она жестока. Так, начав со слов о красоте природы, Вальтер прикасается к горестной судьбе простых людей. Традиции придворного миннезанга вовсе не требовали подобного оборота. А дальше — больше. Укоряя зиму за то, что она лишает человека подвижности, загоняет его на солому, Вальтер сравнивает себя с библейским Исавом (Esau), удрученным невзгодами, или, согласно другому прочтению, — с боровом (sau), ле-

²⁶ MF, 249.

ниво лежащим в хлеву²⁷. Уж лучше стать монахом в Тоберлу²⁸, чем влачить такую несуразную жизнь. Только приход весны может коренным образом исправить положение. Написанная около 1210 г., вероятно, в Мейсене, где находился упомянутый монастырь, песня Вальтера свидетельствует о творческой смелости автора, о его способности выходить за узаконенные пределы.

При всем том Вальтер оставался миннезингером. Певец цветущей природы и весны, он всем радостям майских дней готов предпочесть красивую женщину. В песне «Когда солнцу, от росы блестящи...» он торжественно заявляет об этом. Торжественно, потому что речь идет о знатной даме, в которой Вальтер ценит не только телесную красоту, но и такие ее куртуазные достоинства, как благородство, вежество, чистоту (*edelin schoene vrouwe geine*), умение одеваться, вести непринужденную беседу. Такая дама достойна поклонения. Но, конечно, любовь к такой даме может быть только «высокой» любовью, основанной на самоотверженном рыцарском «служении».

Вальтер не отвергает высокой любви, награждающей поэта мимолетным приветом или иным знаком внимания. Эта любовь даже льстит его рыцарскому сознанию, поскольку делает его полноправным участником некоей феодальной мистерии, доступной только для избранных. Есть у высокой придворной любви свой ритуал, есть свои требования. Постоянство и

²⁷ См.: Kraus C. von. Walther von der Vogelweide: Untersuchungen. Berlin; Leipzig, 1935, S. 308 f.

²⁸ Цистерцианский монастырь в Мейсене близ Франкфурта-на-Одере.

правственное совершенство должны украшать как певца, так и прекрасную даму, ведь, по словам Вальтера, «при красоте важна и душа» (schoener lîr en-tonc niht afe sin) («О, госпожа, сердиться не надо»). Однако жизнь вносила свои коррективы в эту великосветскую игру, нередко перераставшую в подлинное чувство. Куртуазный идеал часто оставался всего лишь литературным идеалом. Придворные нравы отнюдь не являлись безупречными. А прекрасные дамы, которым верой и правдой «служили» миннезингеры, то и дело оказывались всего лишь нарядными куклами, вовсе лишенными сердечного, человеческого тепла. Вдохновенным поэтам они предпочитали грубых, неотесанных солдафонов из числа придворных лизоблюдов.

А Вальтер тянулся к сердечному теплу. В конце концов человеческое было для него дороже сословного. Ведь подлинная любовь, ведущая человека к радости, это всегда «блаженство двух сердец» (Minne ist zweier herzen Wünne), а не пустая великосветская забава, подчас унижительная для певца («Любовь — что значит это слово?»). В связи с этим простое, теплое слово «женщина» (wîp) Вальтер предпочитает заносчивому холодному слову «госпожа» (frouwe) и даже позволяет себе подшучивать над госпожами, лишенными женской привлекательности. Он достаточно горд для того, чтобы ублажать своими песнями спесивых и капризных дам. Уж лучше он повернется к ним спиной или боком («Я в двух отношениях отзывчив, хоть в общем не знаю пощады...»). И героиней его песен подчас выступает не знатная надменная дама, но простая девушка, сердечно отвечающая на чувства поэта. За ее стеклянное колечко

поэт готов отдать «все золото придворных дам» («Любимая, пусть бог...»).

Так поэзия Вальтера входит в сферу «низкой любви», на которую куртуазные поэты поглядывали свысока. Не подчиненная придворному этикету, нарушающая сословную иерархию, любовь эта почиталась вульгарной, а следовательно, «низкой». Ей разрешалось быть грубоватой, плотской. Ведь от девушек простого звания рыцарские круги не требовали да и не желали требовать тонких чувств. Вальтер и в данном случае проявил творческую смелость.

В упомянутой песне «Любимая, пусть бог...» поэт не только признается в искренней любви к низкородившейся девушке, но и отстаивает свое право на эту любовь, право воспевать простолюдинку, обладающую достоинствами, которых часто лишены знатные дамы. А как хороша широко известная песня Вальтера «Под липой свежей...» («Under der linden») с веселым припевом «тандарадай», написанная в духе народной «женской» песни, такая милая и наивная, поднимающая «низкую любовь» на огромную высоту подлинного человеческого чувства!

И нет никакой вульгарности, никакого рыцарского высокомерия в этих песнях Вальтера. «Низкая» любовь в них чудесным образом преображалась в высокую человеческую любовь, наделенную здоровой чувственностью, благородной сердечностью и искренностью.

И еще в одном Вальтер нарушил привычный канон куртуазной лирики: он ввел в поэтический обиход миннезанга тему счастливой супружеской любви. В песне «Одна мечта во мне жила...» поэт не скрывает своей радости по поводу того, что встретил до-

стойную спутницу жизни. Не следует думать, что многочисленные миннезингеры, воспевавшие красоту знатных дам, были обречены на унылое одинокое существование. Можно не сомневаться в том, что многие из них были женагы. Однако жене поэта не отводилось места на поэтической картине миннезанга. Нарушая этот негласный канон, Вальтер не только прославляет счастливый брак, но и вкладывает в уста супруги тираду о верности и любви. От свидения к радостной правде жизни движется эта песня.

Что же касается до вульгарности, нарушающей нравственную и эстетическую «меру», то Вальтер всегда ей был глубоко чужд. На этом основании он решительно отвергал так называемый «деревенский миннезанг» (Höfische Dorfpoesi) Нейдхарта фон Рейенталя (ок. 1180—ок. 1250) и его последователей, имевший в начале XIII в. шумный успех в феодальных кругах. Поэты новой школы сознательно снижали высокий строй куртуазного миннезанга, вводя в любовную поэзию натуралистические сценки из деревенской жизни с перебранками, потасовками, захватскими плясками. При этом на поселян они поглядывали свысока, осмеивая их обычаи и нравы, их деревенскую неотесанность.

Вальтера раздражала эта поэзия. Она представлялась ему пошлой, рассчитанной на вульгарный вкус. Правда, и он от любви «высокой» переходил к «низкой» любви, но не для того, чтобы позабавить высокогородных слушателей, отвлечь их на время от монотонности придворного ритуала. Ему нужно было излить свою душу, погрузиться в мир естественных человеческих чувств. А этот мир всегда «высок» и поэтому неотделим от «высокой» поэзии.

В успехе «деревенского миннезанга» Вальтер видел опасный симптом. На смену красоте приходило уродство. Неуклюжие, грубые звуки (*ungefüege doene*) вытесняли благородные песни. Все меньше становилось людей, понимавших подлинное искусство. Словно лягушки в болоте, громко квакают модные поэты, заглушая пение соловья («Горе песням благородным...»).

Выступая на защиту миннезанга, Вальтер прежде всего видит в нем выражение нравственного и эстетического совершенства. Поэт требователен к людям. Ему ненавистны пошлость, лицемерие, своекорыстие, непостоянство. Он хочет, чтобы не по внешности судили о человеке, а по его душевным, нравственным свойствам («За красоту хвалите женщин, им по нутру такая дань...»). Тем острее воспринимал Вальтер начавшийся упадок кургуазной культуры, связанный с деградацией рыцарства, все более утрачивавшего свое историческое значение. С грустью видел он, как оскудевает придворное вежество, порождавшее «высокие» песни («Я в двух отношениях отзывчив, хоть в общем не знаю пощады...»), как «нравы доброй старины» «кажутся и глупы и смешны» («День за днем страдать, друзья...»). И, конечно, дело не только в том, что тонкой артистической натуре Вальтера прегляла возраставшая грубость придворных нравов. Ведь его кругозор отнюдь не был ограничен массивными стенами феодального замка. С годами он становился все более и более широким. Умножался жизненный опыт поэта, содержащий немало горечи. Наряду с прекрасной дамой появился в творчестве Вальтера трагический образ отчизны, обреченной на тяжкие испытания. Все

зорче всматривался Вальтер в просторы окружающего мира, и в поэзии его все чаще звучали скорбные ноты. В одном из своих шпрухов поэт даже бросает миру обвинение в том, что он потерял всякий стыд (*gar âne scham*), творя свои черные дела (*wie übel dû stêst*). Никто не помышляет о чести и щедрости, исчезла радость, поруганы верность и правда («Плох ты, мир, ты совсем оголтел...»).

Поэзия Вальтера, привлекавшая своей тонкой «камерностью», становилась громогласной, энергично вторгавшейся в бурный поток событий. Для своих обличений, сетований и наставлений, посланий, просьб и размышлений Вальтер широко использует жанр дидактического шпруха, с давних пор привлекавшего к себе внимание немецких поэтов демократического склада. Еще в 60—70-х годах XII в. под именем поэта Сперфогеля увидело свет собрание однострофных шпрухов, связанных парными рифмами и содержащих моральные поучения и назидательные басни²⁹.

Гибкая динамичная форма шпруха приобрела под пером Вальтера новую силу. Вальтер живо откликнулся на злобу дня. В его поэзии тогдашняя действительность выразительно представала как в малом, так и в большом. То это анекдотический случай из жизни самого автора, то события, имевшие историческое значение.

Вместе с автором мы странствуем по немецкой земле. Бедного певца то и дело настигают разочарования и неудачи. Так, однажды вопреки своему ожиданию он был очень холодно встречен в Баварском

²⁹ См.: БВЛ, с. 195—196.

монастыре Тегернзее, который славился своими культурными интересами («Мне Тегернзее хвалил знакомый люд...», между 1209—1212 гг.). А несколькими годами раньше в Тюрингии (в 1201—1203 или в 1207 г.) некий рыцарь Атце, приближенный ландграфа Германа, застрелил кобылу, принадлежавшую Вальтеру, на том основании, что жеребец, состоявший в кровном родстве с этой кобылой, когда-то откусил палец названного рыцаря. Ущерб этот, несмотря на хлопоты Вальтера, так и не был возмещен («Злой Герхард Атце, чья вина...»). История с кобылой кажется в настоящее время каким-то мрачным анекдотом, но она вполне соответствовала обычаям и правам XIII в. Если бы Вальтер был человеком знатным и влиятельным, ни монахи, ни приближенные герцога не посмели бы так с ним обойтись.

В шпрухах Вальтера все время мелькают имена владетельных особ, государей и их сподвижников. Одних он хвалит, других порицает, главным образом за скарედность. Например, язвительно пишет он об Оттоне IV, который не оправдал надежд поэта. Измеряя его достоинства и недостатки, он приходит к выводам, для Оттона неутешительным («У господина Отто щедрость измеряя...»). Зато об архиепископе Кельнском Энгельбрехте, которого в 1220 г. Фридрих II сделал правителем империи, Вальтер в ряде шпрухов отзывается весьма одобрительно. Известно, что Энгельбрехт начал энергично искоренять феодальное своеволие, царившее в Германии. Сторонники «имперского мира» его за это приветствовали, в то время как буйные феодалы — злобно осуждали. Когда же Энгельбрехт в 1225 г. пал от руки своего племянника, за которым, вероятно, стояла феодальная

вольница, Вальтер обрушивает на убийцу негодующий шпрух, в котором призывает ад живьем поглотить преступника («Правитель Кельна, песнею прославленный моею...»).

Понятно, что Вальтеру было не по пути с рыцарями, разбойничавшими на больших дорогах, вносящими смуту в жизнь страны и помышлявшими только о своих мелких интересах. Вальтер научился мыслить масштабами отчизны. На его глазах Германская империя переживала глубокий кризис. Шла напряженная борьба за престол. Деградиrowало рыцарство. Папский Рим не уставал вмешиваться в жизнь страны. Тут было над чем размышлять. И несомненно очень удачно в Большой Гейдельбергской рукописи изобразил художник Вальтера фон дер Фогельвейде погруженным в размышления. В соответствии со шпрухом Вальтера «Ich saz ûf eime steine» («Сидел я, брови сдвинув...») поэт изображен сидящим на камне. Закинув ногу на ногу и подперев рукой подбородок и щеку, он размышляет о превратном ходе мирских дел, о том, что в Германии гяжело ранены покой и право (frid unde reht). Судьбы отчизны глубоко волнуют поэта. Он готов служить ей своим поэтическим дарованием. Прославленный миннезингер становится влиятельным политическим поэтом, сатириком и публицистом, беспощадно обличающим врагов отчизны и горячо поддерживающим тех, кто заслуживает, по его мнению, доверие страны. Задолго до Франконского рыцаря Ульриха фон Гуттена, сподвижника М. Лютера, он увидел коварного и опасного врага Германии в папском Риме и обрушил на него острые стрелы своих обличительных шпрухов.

Он обвиняет католический мир в вероломстве, в нарушении заповедей господних, в развращении и обмане немецкого народа. Вопреки евангельскому учению князья церкви поощряют симонию и опутывают дьявольскими сетями введенных в заблуждение миряв («Епископы, церкви князья, и вы, все монахи на свете...»). Они подают дурной пример верующим («Не совратиться сердце в этот век не может...»), творят мерзкие дела. Но особое негодование Вальтера вызывает прямое вмешательство Римской курии в дела Германской империи. Ради своих корыстных целей папа стремится к ослаблению немецкого государства, к разрушению его политического единства. Поэт переносит своих слушателей в Рим. Они видят папу. Смеясь, сообщает святой отец окружающим его итальянцам, что ловко устроил дела Германии, короновав одновременно двух алеманов: «Пускай доводят страну скорей до разрухи и смуты, Мы будем ларцы набивать, не упустив ни минуты» («Как набожно папа смеется, как свято каждое слово...»). Другим выдающимся образцом антипапской поэзии Вальтера является шпрух 1213 г. («Скажите, кружка, мне, вас папа посылает...»). В нем поэт призывает своих соотечественников не доверять коварному папе (Иннокентию III), который под предлогом подготовки крестового похода намерен опустошить карманы немцев. В одном из шпрухов 1227 или 1228 г. он даже советует императору часть церковных владений секуляризовать в пользу рыцарей («Гонец, ты государю мой передай совет...»).

По свидетельству современников (Томазин Циркларийский), антипапские стихи Вальтера имели огромный успех. Тысячи людей испытали на себе их влия-

ше. Никто еще из немецких постов до Вальтера не осмеливался так разговаривать с главой католической церкви. Впрочем, это не означает, что Вальтер являлся провозвестником реформации. Пусть даже, как полагают исследователи, в его творениях и слышатся иногда отзвуки еретического учения Арнольда Брешианского³⁰.

Время реформации в Германии еще не пришло. И хотя выпады Вальтера против папского Рима в чем-то прямо совпадают с обличительными тирадами Гуттена и даже самого Лютера, Вальтер в отличие от них не посягал на устои католической церкви. Не занимали его также вопросы церковной догматики (ср. «О боже всемогущий, ты неизмерим...»).

Зато близки ему были вопросы о судьбах человека в здешнем превратном мире, о нравственном долге человека, о его истинной ценности. Ведь истинную ценность человека Вальтер прежде всего видел в его нравственных достоинствах, соответствующих, разумеется, божественным предначертаниям. Ни высокое положение, ни богатство не делают сами по себе человека достойным. Не раз осмеливался Вальтер весьма непочтительно отзываться о венценосцах, если они не выполняли, как ему представлялось, своего естественного долга. Богатства, которого волей судьбы он был лишен, Вальтер не отрицал, хотя и полагал, что оно часто порождает греховное высокомерие, а чрезмерное богатство, как, впрочем, и чрезмерная бедность, губительно для человеческой души («Богат-

³⁰ См.: *Gloger B. Kaiser, Gott und Teufel: Friedrich II. von Hohenstaufen in Geschichte und Sage*. В., 1975, S. 209.

ством с толку сбит богач...»). По мнению Вальтера, достойного бедняка следует предпочесть богачу, живущему бесчестно³¹ («Людей различно одарил...»). Ведь душу и честь теряют те, кто богатство сделал своим кумиром («Я видел Травемунде, видел По и Сену...»). И Вальтер обращается к мысли о равенстве всех людей перед богом; многократно, на протяжении веков привлекавшей к себе представителей еретического вольномыслия. В шпрухе «Господь! Кто набожен на вид...» он не только осуждает святош, кичащихся своим внешним благочестием, однако не выполняющих заветов господних, но и утверждает, что все люди, будучи детьми одного небесного отца, связаны между собой узами кровного братства. Кто при виде скелетов на кладбище, объединенных червями, отличит господина от слуги? И разве не одному богу, дарующему жизнь, служат христиане, язычники и евреи? А в другом шпрухе, возвращаясь к своей любимой мысли о «внешнем» и «внутреннем» человеке, Вальтер пальму первенства отдает чернокожему мавру со светлой душой и отвергает белое сердце, черное изнутри («За красоту хвалите женщин, им по нутру такая дань...»). Так в творениях Вальтера фон дер Фогельвейде проступают черты, которые можно было бы назвать чертами «готического гуманизма».

С годами Вальтер все более и более разочаровывался в окружающем мире. С грустью и осуждением взирал он на рыцарскую молодежь, которая предавалась грубым забавам, забыв о воспитанности и

³¹ Armen man mit guoten sinnen Sol man für den rîchen mînnen, Ob er êren nicht engert.

чести. Он видел, как угасал миннезанг, переживший пору своего самого яркого расцвета. Стареющий поэт, некогда с такой горячностью воспевавший земную радость, уже не ждет от жизни ничего утешительного. Творения его окрашиваются в элегические тона. Заметно усиливаются религиозные настроения. На склоне лет поэт пытается свести свои счеы с окружающим миром. Происходит откровенная беседа между Вальтером и сударыней Землей (Frô Welt — мир, земной мир — по-немецки женского рода). Собеседнице поэта придано обличие податливой служанки алчного трактирщика (грех, дьявол?). Вальтер не скрывает того, что был ею сильно увлечен, что любовался красотой ее лица. Но вот он увидел наконец ее обратную сторону, поразившую его своим безобразием и мерзостью, и решил навсегда расстаться с нею («Земля, хозяину скажи ты...»).

Глубоким лиризмом пронизана написанная в 1227 г. песнь «Увы, промчались годы, сгорели все дотла!..», которую историки литературы охотно называют «Элегией» или «Палинодией» и которая несомненно принадлежит к числу самых замечательных созданий великого немецкого поэта. Вновь твердит Вальтер о том, что мир прекрасен только снаружи, а изнутри он черен и зловещ. Позднее Конрад Вюрцбургский (ок. 1220—1287) подхватил и развил эту тему, характерную для средних веков, в своей поэме «Награда Мира». Вальтеру кажется, что вся его жизнь — это только сон. И он, обращаясь к рыцарям, еще не утратившим мужества и чести, призывает их совершить подвиг во славу бога, приняв участие в крестовом походе, который готовил Фридрих II. Мысль о крестовом походе в то время сильно занимала

Вальтера, и он в связи с этим написал ряд крестовых песен.

Мирское неустройство так удручало поэта, что ему начинало казаться, что близок Сграшный суд, предсказанный в Священном писании. Повсюду торжествует насилие, гибнет право³² и духовенство, которое должно указывать путь к небу, погрязло во лжи («Проснитесь, близок день Суда!..»). Вальтер обращается к духовным песням, среди которых выделяется пространый лейх «Всевышний, осиянный..», написанный с замечательным мастерством. Впрочем, и в этом благочестивом стихотворении Вальтер наносит удары симонии.

Но, разумеется, не только в этом произведении, стоящем особняком в творчестве Вальтера, проявляет он себя взыскательным мастером поэзии.

По словам немецкого литературоведа И. Виганда, отличительными признаками поэтического искусства Вальтера являются «разнообразие, живость, стремление к сильному воздействию, наглядность или предметность, ясность и мера»³³. Это действительно так. Поэтический мир Вальтера отличается большим разнообразием. «Высокая» любовь существует в нем наряду с любовью «низкой», проникновенная лирика перемежается резкой сагирой и публицистикой. Разнообразны поэтические формы, создаваемые Вальтером, — это и монолог, и диалог, и прямое обращение к кому-либо, и лирическое излияние, и черты эпические и драматические. Эффект большой живости уси-

³² Gewalt gêt ûf, reht vor gerichte swindet.

³³ Wiegand J. Zur lyrischen Kunst Walthers, Klopstock und Goethe. Tübingen, 1956, S. 40.

ливается введением в песню или шпрух прямой речи. Из сплошного непринужденного разговора состоит, например, песня о сударыне Земле («Земля, хозяину скажи ты...»). Нередко поэт как бы вовлекает своих слушателей в поэтический круг, непосредственно обращаясь к ним. Так, песню, прославляющую радости мая («В роще, в поле, на поляне...»), он начинает словами: «Muget ir schouwen waz dem meigen» («Посмотрите, как Май...»), тем самым слушатели становятся соучастниками поэтических восторгов, и падает стена, отделяющая их от певца.

Различны средства усиления поэтической экспрессии, к которым прибегает Вальтер. С восклицания «Увы!» (Owê) начиная свою взволнованную «элегия», Вальтер влечет за собой слушателя по ступеням горестных медитаций. Если первая строфа почти не выходит за пределы личной судьбы поэта, то в последующих строках все шире разворачивается трагическая картина мира. Уже не об одном человеке идет здесь речь, но о множестве людей, точнее, о судьбах всего рыцарского сословия. И каждая строфа завершается восклицанием «увы!», которое звучит, как удар погребального колокола. Есть у Вальтера склонность к неожиданному повороту темы, как бы застающему слушателя врасплох и таким образом усиливающему его внимание. Например, в песне «Вам, госпожа, венок!...» счастье поэта неожиданно для слушателей оказывается сном, а в песне «В майский день, порой чудес...» блаженное состояние поэта внезапно разрушает мерзкий крик ворона. Неожиданным является также финал этой песни, содержащий шутивную разгадку высокопарного сна поэта. Для Вальтера вообще характерны «крепкие» окончания, как бы

подводящие отчетливую черту: с таким окончанием мы встречаемся в песнях «О, госпожа, сердиться не надо», «Как набожно папа смеется, как свято каждое слово...» и многих других.

«Крепкому» таланту Вальтера соответствует также его склонность к предметности, к поэтической конкретности, помогавшая ему преодолевать зыбкую куртуазную схему. Все необычайно зримо и конкретно в песенке «Под липой свежей...» — и помятая трава, и ложе из цветов, и губы девушки, покрасневшие от поцелуев. Порой в центре песни оказывается обывденный предмет, не имеющий никакого отношения к придворному этикету. Такова песня, в которой поэт гадает о своем счастье по соломинке, как это было принято в то время среди детей («Не в силах долее тужить...»). А в другой песне приметой весны для поэта становится появление на дороге девочек, играющих в мяч («Зиме суровой мой горестный упрек...»). С шумом мельничного жернова, со скрипом мельничного колеса сравнивает Вальтер новую вульгарную поэзию, обосновавшуюся при феодальных дворах. Королевскую власть уподобляет он жаркому, которое повара (советники) кромсают по своему усмотрению («Мне, повара, внемлите...»). Сравнение и метафоры Вальтера выразительны в своей зримой конкретности. Папскую алчность олицетворяет у него кружка для сбора пожертвований. Поэт разговаривает с ней, как с живым существом («Скажите, кружка, мне вас папа посылает...»). Персонализации, к которым охотно прибегает Вальтер, отнюдь не уводят слушателя в мир абстракций. Папская кружка, с которой непосредственно соприкасалось население Германии, давала о папских вымогательствах гораздо

более ясное представление, чем красноречивые рассуждения о них. В произведениях Вальтера появляются госпожа Любовь, господин Май, сударыня Земля, господин Венский двор и др. Вступая в беседу с поэтом, Венский двор с похвальной откровенностью сообщает об упадке рыцарской культуры при Леопольде VI («Сказал мне славный Венский двор...»). Все очень четко и ясно, с убедительными примерами. Весьма наглядно и ясно охарактеризована сударыня Земля, одновременно и чарующая и отвратительная.

Куртуазный принцип «меры» несомненно определял эстетический строй Вальтера, избегавшего всего аффектированного и чрезмерного. Его строфы легко обозримы и завершены. Поэт не тяготеет к вычурности и усложненности, хотя изредка и позволяет себе блеснуть изысканным мастерством версификации. Такова песня «Diu welt was gelf, rôt unde blâ» («Зиме суровой мой горестный упрек...»), пять строф которой связаны пятью рифмующимися гласными (â, ê, î, ô, û), или песня «Ich minne, sinne, lange zît: versinne minne sich» («Влюблен давно. любви служу...»), содержащая почти барочные звуковые эффекты.

В истории немецкой литературы Вальтер фон дер Фогельвейде занимает выдающееся место. Он несомненно самый талантливый и самобытный миннезингер. Не проходя мимо достижений немецкой поэзии средних веков, он в то же время прокладывает новые литературные пути, расширявшие возможности и горизонты миннезанга. Его лучшие творения и по сей день сохраняют свою свежесть и привлекательность. А это и есть верный признак подлинного гения.

Д. Л. Чавчанидзе

КУРТУАЗНЫЙ ПОЭТ НА ИСХОДЕ РЫЦАРСКОЙ ЭПОХИ

Когда речь идет о поэте XII—XIII вв., приходится задумываться над вопросами, гораздо более ясными в связи с поэтическим творчеством позднейших времен. И, пожалуй, главный среди них — вопрос о соотношении традиционного, характерного для эпохи и собственно авторского видения мира, представляющего индивидуальность автора.

Лирика средневековая, в особенности куртуазная, постоянно побуждает читателя искать за строками стихов собственные переживания поэта, так как чаще всего он выступает от первого лица. «Мы соотносим творчество трубадура с его любовной биографией и тем самым вносим в него не присущее ему биографически личное содержание»¹, — пишет В. Жирмунский, справедливо замечая, что сама эта биография строится «на домыслах, подсказанных смутными намеками в тексте песен»². Вальтер фон дер Фогельвейде ведет разговор от первого лица более настойчиво и выразительно, чем кто-либо из его современников, давая повод произвольно воссоздавать вокруг его песен события, которые могут составить сюжет романа³.

¹ Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Л., 1979, с. 171.

² Там же.

³ Именно так написан, например, роман писателя ГДР Э. Хильшера о Вальтере: *Hilscher E. Der Mor-*

Между тем «субъективный элемент» (выражение К. Бурдаха) в его наследии неравномерен: здесь можно различить личные реакции и, как определяет А. Гуревич, «коллективные психологические установки»⁴, а среди личных реакций — преходящие, провозируемые извне, и глубинные, огражающие особенность таланта Вальтера. Лирика нового времени не дает примера столь неоднозначного авторского самопроявления, так же как сама по себе часто вовсе не предполагает отражения фактов из жизни автора.

Исследователи замечают, что Вальтер выступает перед публикой в разных ролях. «Маски скрывают его и в то же время выдают ту или иную часть его существа. Но, ни в одном из случаев не переставая быть самим собой, он из каждой роли снова и снова возвращается к своему непосредственному „Я“ — к величайшей из своих ролей»⁵, — пишет издатель и интерпретатор Вальтера в ГДР Х. Вит.

Миннезингер прежде всего олицетворяет собой выражение любви, но именно эта «роль» меньше всего выдает личное. В процитированной выше статье «Средневековые литературы как предмет сравнительного литературоведения» В. Жирмунский подчеркивает, что как раз в самой «личностной» лирике, любовной, — лишь «фикция личного любовного чувства»⁶. В. Дынник подтверждает это на материале

genstern, oder die vier Verwandlungen eines Mannes, Walther von der Vogelweide genannt. В., 1976.

⁴ Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981, с. 12.

⁵ Vogelweide W. von der. Frau Welt, ich hab von dir getrunken. В., 1979, S. VI.

⁶ Жирмунский В. М. Указ. соч., с. 171.

песен Бернарта де Вентадорна, где мотивы любви «условны» и относятся «к специфическому поэтическому языку, знакомому... многим его современникам»⁷.

Если в лирической поэзии нового времени тема любви (пусть не подкрепленная никакими конкретными признаниями) всегда вырастает из непосредственного опыта эмоциональной жизни автора, то в поэзии рыцарской она призвана отразить особенности духовной атмосферы рыцарского общества. Отсюда — необходимый трафарет миннезанга, который налицо и в любовных песнях Вальтера. Исследователи пытаются определять среди них наиболее автобиографичные, но гораздо важнее проследить здесь один из законов лирического творчества: «целостность человеческой жизни предстает в виде глубоко личного переживания»⁸. Поэт постигает всю полноту окружающего мира, и прежде всего душу своего современника. Это и есть то личное чувство, которое отличает его от человека, лишенного поэтического дарования.

В сетованиях и восторгах, вопросах и сомнениях относительно любви, которыми наполнены песни Вальтера, выражается не его собственная, а куртуазная личность. Его лирический герой остается куртуазной натурой, даже когда любит простую крестьянку: возлюбленная для него — «госпожа» («Вам, госпожа, венок!..»); в подлиннике: *frou we*), и особой ее прелестью он считает подлинное вежество, хотя она

⁷ *Вентадорн Б. де.* Песни. М., 1979, с. 230.

⁸ *Гиришман М. М.* Анализ поэтических произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева. М., 1981, с. 38—39.

и не знатная дама. Даже «в роще под липкой» пылкий любовник соблюдает органичный рыцарский ритуал поклонения женщине, когда осыпает ложе любви «розами без числа». Куртуазное представление о любовных отношениях будет разрушено только в «деревенском миннезанге» Нейдхарта фон Рейенталя. В любовных песнях Вальтера о любви-служении более, чем в других его стихотворениях, выражена одна из сторон общей психологии рыцарства, мироощущения коллективного. Но личное мироощущение поэта складывается из реакции на разнородные явления времени. Интимные переживания (достоверные или недостоверные) раскрываются в его творчестве наряду с переживаниями другого характера. Многогранностью переживаний обусловлено у Вальтера и разнообразие мотива любви: любовь-страдание, любовь-радость.

Меняющийся лад, то минорный, то мажорный, — в известной степени тоже дань поэтической традиции. А. Блок прекрасно передал окраску чувства, свойственную рыцарской поэзии, в драме «Роза и крест»: «Сердцу закон непреложный // Радость-страданье». Однако у Вальтера эти два понятия не остаются на традиционном уровне, а расширяются и вырастают в свете других тем его лирики, выявляющих личность автора гораздо отчетливее.

В. Жирмунский называет Вальтера среди немногочисленных поэтов, на примере которых можно наблюдать, как оформляется авторская индивидуальность в средние века: «...индивидуальный образ автора, воплощенный в художественном слове, начинает все более вырисовываться на фоне социальнотипического — в стороне от генеральной линии разви-

тия куртуазной лирики, от жанра любовной канцонны»⁹. Можно добавить, что у Вальтера генеральная линия то усиливается «социально-типическим», то сама становится лишь фоном для последнего.

Так, например, тема многих шпрухов Вальтера — глубоко личная для него тема щедрости сильных мира. Он часто прямо просит милости (надо бы сказать точнее — милостыни), щедрых подачек, намекая, что мог бы служить еще преданнее (заметим, служить именно своим искусством), если бы ему лучше платили. Он сверх меры благодарит и славословит своих благодетелей и откровенно сводит счеты с теми, кто недостаточно добр или уважителен к нему.

Вальтер далеко не устойчив в своих политических симпатиях, хотя всегда остается приверженцем императора и противником папы. В сложной игре, разыгрываемой германской феодальной верхушкой, поэт, красноречиво восхваляющий верность, нередко сам выглядит «переметной сумой». Он явно лавирует в интересах собственной выгоды, и смысл его политических шпрухов весьма часто зависит от того, к чьей свите он принадлежит в данный момент. Он старается зарекомендовать своих покровителей перед императором как преданных вассалов, что редко соответствует правде — и об этом он по меньшей мере догадывается («Ах, государь, простите!..»). Его вдохновенные песни порой открыто служат целям какой-либо княжеской группировки, не случайно комментаторы предполагают, что многие из них были сочинены по специальному поручению. Получается парадокс: Вальтер почти не скрывает, что продает свое

⁹ *Жирмунский В. М.* Указ. соч., с. 173.

искусство, как товар, хотя неустанно громит своекорыстие и беспринципность.

Но именно в таких произведениях, пусть даже выполненных как заказ, заявляет о себе глубоко личное в средние века начало — ощущение спаянности со своим кланом (а масштабы последнего раздвигаются от сословных до общечеловеческих), то начало, которое позднее, по мере приближения буржуазной эпохи, сменяется растущим «атомистичным» сознанием личности. Чувство вассальной зависимости, органическое и сильное у человека феодальной среды, оправдывает многое из того, что выглядит недостойным вне кодекса отношений вассала и сюзерена. А в этом кодексе — свои добродетели, и одна из главных среди них — щедрость, о чем не раз напоминает вся рыцарская литература. Другая — преданность сюзерену (при условии, что тот исполняет свои обязательства), и она сама по себе, даже в неправом деле, исключает бесчестность. Отсюда у Вальтера в стихотворениях политического и общественно-назидательного содержания та сила и глубина, какая создается лишь непосредственным авторским переживанием: в них гнев, боль, влая ирония. Здесь поэтическая экспрессия, субъективный элемент, гораздо очевиднее, чем в любовных песнях. Об одном из них К. Х. Хальбах говорит как о «вершине» проявления «великолепной способности чувствовать», обусловившей «уход из сферы стиля Рейнмара»¹⁰.

Бряд ли есть надобность «приукрашивать» Вальтера, доказывая, что его творчество питают более

¹⁰ *Halbach K. H. Walther von der Vogelweide. Stuttgart, 1965, S. 65.*

возвышенные источники, чем собственные беды или удачи. Попытки соотносить удельный вес приватно-личного и общественно значимого в подходе средневекового автора к действительности мало объясняют его сущность. Поэты того времени, как подчеркивает впоследствии Л. Тик, «не пренебрегали изображением событий из собственной жизни, воспеванием комических случайностей...»¹¹. Добавим: это и было тем жизненным материалом, на котором строились самые серьезные их представления о жизни. То, о чем говорит Вальтер, часто кажется само по себе невозможно мелочным для лирического произведения, однако оно приобретает особую поэтичность благодаря тому, что в мелочах, наполняющих его жизнь, Вальтеру дано было почувствовать характер своего времени. Так, обращенная к императору просьба о пожаловании лена выражает не только заветную мечту бедного министрала, но и одно из земных страданий, которые ощущает поэт: страдание бездомных. Кстати, Вальтер должен был знать, как часто встречалась тогда у странствующих певцов просьба о жилище. И когда в другой песне он с наивным восторгом рассказывает, что получил наконец ленное поместье, в его словах ликует сам закон справедливости и добра.

Для средневекового поэта все это — темы экзистенциальные. Тут собирательный образ «достоинства, что просит подаянье», а в нем — неоспоримый признак трагического неблагополучия мира или, наоборот, глубокое удовлетворение от того, что восста-

¹¹ *Tieck L. Ausgewählte Werke: In 4 Bd. Leipzig, s. a., Bd. 4, S. 10.*

новлена одна из основ человеческих отношений — страдание сильного слабому. «Большие темы лирики не всегда вечные, но всегда экзистенциальные в том смысле, что они касаются коренных аспектов бытия человека и его основных ценностей»¹², — пишет Л. Гинзбург и обращает внимание на то, что «уже на ранних стадиях развития литературы возникает движение от частного к обобщенной теме»¹³. Столь мелкое частное, служившее Вальтеру естественным материалом художественного обобщения, уже не появляется в лирической поэзии более поздних времен, когда автор-лирик соприкасается с общечеловеческим лишь вне бытовой проблематики. В средние века ситуации самого «низменного» и «насушного» характера могли выводить поэта к слиянию со всеобщим. Это было связано с особенностью мировоззрения человека той эпохи, для которой, по словам одного из исследователей искусства средневековья, «микрокосм и макрокосм аналогичны. Человек тождествен миру в целом, но и мир в целом повторяется в каждой своей составляющей. И все свои представления о себе самом средневековый человек переносил на все вокруг себя»¹⁴.

Поэтическое сознание Вальтера являет изначальную целостность индивидуума и всей системы, в которую он вписан, — в общественном, бытовом, психологическом отношении. В своих разнообразных лири-

¹² Гинзбург Л. О старом и новом. Л., 1982, с. 17.

¹³ Там же, с. 22.

¹⁴ Харитонович Д. Э. Средневековый мастер и его представления о вещи. — В кн.: Художественный язык средневековья. М., 1982, с. 37.

ческих сюжетах он, по сути дела, передает это единство, но в специфической плоскости миннезанга.

Медиевисты отмечают, что «одной из добродетелей куртуазного общества была любовь, считавшаяся стимулом всех остальных добродетелей»¹⁵. Это — одна из «коллективных психологических установок», и, исходя из нее, Вальгер ведет разговор о подлинной нравственности. Не случайно в его творчестве более, чем у кого-либо другого, размыта граница между двумя жанрами — любовной песней и шпрухом. Традиционно куртуазное содержание часто сводится к проблемам, не имеющим прямого отношения к любви, и соответственно к авторскому назиданию на другие темы.

Как и все в той мировой упорядоченности, к которой тяготеет Вальгер, любовь имеет свои законы. Для него, противника любовной меланхолии (вспомним его расхождение с Рейнмаром), любовь всегда соседствует с радостью. Но понятие «радость» (*fröide*) в его песнях расширяется до значения нравственного и становится противопоставлением скупости, грубости, гшеславию, всему мелочному, недостойному человека и небес. потому что любовь, какие бы чувственные формы она ни принимала, в куртуазной литературе неизменно остается началом духовным, что, по понятиям той глубоко религиозной эпохи, означает начало небесное. Любовь-радость — это узел, связывающий небесное и земное.

Характеризуя дух «швабского» средневековья (как раз той поры, когда живет Вальгер), Новалис, один

¹⁵ Фридман Р. А. Любовная лирика трубадуров и ее истолкование. М., 1966, с. 382.

из романтиков, наиболее болезненно ощущавший «атомизм», изначально отщепенство человека в буржуазном мире, с восхищением писал в романе «Генрих фон Офтердинген»: «Женщинам разрешается украшать общество своим присутствием... Суровая угрюмость и дикая необузданность мужчин уступает место мягкой живости и скромной тихой веселости, любовь в тысяче воплощений одушевляет радостные собрания. И это нисколько не порождает вольности нравов и непристойности правил, — напротив, все злое как бы бежит от столь чистой прелести»¹⁶. Такова была действительно идеальная (не идеализированная!) духовная сфера времени, реальная суть которого давно получила приговор истории.

Способность любить, радость духа не сочетаются с меркантильной озабоченностью. Хотя вполне обоснованна одна из точек зрения на куртуазное служение даме как на проявление корыстной заинтересованности неимущих рыцарей, первый признак чувства рыцаря, как и натуры рыцаря, есть бескорыстие (а обратная сторона бескорыстия — щедрость).

Однако в тот исторический момент, с которым связано творчество Вальтера, дух средневекового общества несколько трансформируется. Именно тогда начинают заявлять о себе «скупые богачи» — так именует поэт состоятельных людей, не принадлежащих к феодальному классу. Вассальные отношения постепенно перестают быть единственной формой личной зависимости, соответственно претерпевает ломку и

¹⁶ Избранная проза немецких романтиков. М., 1979, т. 1, с. 218.

рыцарский моральный кодекс. Вальтер едва ли не первым заговорил о власти денег как о мировом зле и наивысшее проявление его увидел в упадке куртуазного вежества, в том, что «радость» стала чужда не только «купцам и толстосумам», но и новому поколению рыцарей, пренебрегающих любовью — своей традиционной нравственной обязанностью.

С исчезновением «любви-радости», по понятиям Вальтера, начинается разрыв между земным и небесным. Окончательное распадение этих начал он видит в том, что основы божественного мироздания оказываются незащищенными и попранными со стороны тех, кто призван охранять их. Нарушение христианских заповедей духовенством и папой становится для Вальтера фактом нарушения всего мирового порядка. Поэтому особенно значителен субъективный элемент в его антипапских и религиозных шпрухах. Конечно, в них отражается (не говоря уже о том, что в XX в. называют «ангажированность») и общее настроение немцев, страдающих от произвола «наместника бога», и зарождавшиеся тогда в религиозном сознании сомнения в неоспоримости авторитета церкви. Но все это приобретает такую глубину поэтического осмысления, что выходит за рамки критики конкретных явлений и разрастается до вселенских масштабов. В политических перипетиях, в меняющихся жизненных принципах перед Вальтером встает картина перевернутого мира.

Ведь ясно: он чернокнижью учился у сатаны.

Теперь вы чертову мудрость нести всем людям
должны.

Но ваши хоры — под кровлей, от снега защищены,

А наш алтарь под дождем, и души полны смущеньем.

У средневекового поэта такое обращение к папскому клиру — не метафора, так же как у человека того времени понятие «сатана» — не аллегорическое. Это непосредственное выражение предчувствия «конца мира», периодически возникающее на протяжении творческого пути Вальтера, — он нередко грозит своим слушателям то чумой, то божьей карой, то Страшным судом. Более чем где-либо он передает здесь свое собственное трагическое мировосприятие. Оно — следствие противоречия между глубоким доверием ко всему, что создано богом, и познанием богопротивной действительности.

Стремление восстановить «божественные» нормы людского бытия выражает у Вальтера образ «затворника», «схимника» (kloenege) подлинного христианина, чья душа широко открыта мирским бедам и обращена к мирским делам. Его миссия — настоятельно напоминать людям в их повседневной жизни о святых заветах — далека от канонического праведничества. В его скорбных высказываниях о состоянии обезбоженного мира мы слышим голос автора. Но иногда поэт, не надевая маски «затворника», говорит от своего лица, что ему открылась вся боль и вся скверна земли. Это источник глубокой личной печали, его самого и его «схимника», истинного праведника.

Праведничество в том смысле, какой придает ему Вальтер, вместе с «любовью-радостью» составляет почву, на которой поднимается идеальная личность куртуазного века: рыцарь-христианин, устремляющийся душой к божественному в своем земном, но очищающем назначении — в любви.

Этот органический средневековый синтез высшей человеческой нравственности, сложившийся, разумеется, вопреки официально-христианскому противопоставлению того и другого, уловила интуиция поэтов спустя столетия. Отблеск его — в лермонтовских строках:

Иль, божьей рати лучший воин,
Он был с безоблачным челом,
Как ты, всегда небес достоин
Перед людьми и божеством.

Более рельефно у Пушкина образ «христовой вины», «рыцаря бедного» — прежде всего образ пламенной любви. И совершенно сознательно дана его реминисценция у Достоевского, который сделал пробным камнем для своего новоявленного Христа, князя Мышкина, любовь к женщине. В драме Блока «Роза и крест» доблесть рыцаря, высшая форма нравственного благородства, идет рука об руку с любовью и верой, и роза — символ любви, — как крест, защищает в бою его грудь.

По такому нерасчленимому единству земного и небесного тоскует в XIX в. романлизм, когда хочет видеть человека, по словам В. Гюго, «точкой пересечения», «общим звеном обеих цепей тех существ, которые обнимают собой все сущее, существ материальных и существ бестелесных, из которых первые идут от камня, чтобы прийти к человеку, вторые — от человека, чтобы закончиться в боге»¹⁷. Хочет видеть, но уже не может. Попытка соединить в человеке идеальное и чувственное неизбежно приводила

¹⁷ Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980, с. 447.

романтиков к выводу, что человеческая природа изначально трагична. Для художественного мышления, сложившегося к XIII в. (если говорить о светском искусстве), невозможно сомнение в том, что плотская любовь сама по себе священна. Выразительно подтверждает это одна из миниатюр, помещенных в Большой Гейдельбергской рукописи: сидящая в постели женщина с обнаженной грудью благословляет коленопреклоненного рыцаря, который, как можно судить по некоторым деталям, должен отправиться в крестовый поход.

Любовь — дар небес человеку и долг человека перед небесами; именно таков ее смысл и во многих песнях Вальтера. Эти песни наиболее экспрессивны по сравнению с воспеванием любви-служения. Но и здесь индивидуально-поэтический взгляд сливается с «коллективной психологической установкой», которую впоследствии исчерпывающе охарактеризовал Л. Уланд: «Религия и любовь как раз и есть то, за что борется и к чему устремляется героическая энергия. Религиозность, любовь и храбрость составляют дух рыцарского мира»¹⁸.

Еще более рельефно индивидуально-авторское видение мира проявляется в образе «любовь-страдание». Его смысл у Вальтера далек от традиции Рейнмара. Исследователи без труда выделяют его произведение ученического периода, где холодность и жестокость дамы несколько не мешают «любви без упрека». Но наступает момент, когда Вальтер начи-

¹⁸ *Uhland L. Über das Romantische.* — In: *Werke.* Leipzig; Wien, s. a., Bd. 2, S. 350.

нает горячо говорить о равнодушии, неотзывчивости и неразборчивости женщин. Для него это один из симптомов несовершенства нравственного уклада: женщины выбирают недостойных, а истинная рыцарственность уже теряет цену в их глазах. Отсюда у певца любви появляется интонация враждебности к «женскому сословию» («Я в двух отношениях отзывчив, хоть в общем не знаю пощады») — в нарушение всех правил куртуазной поэзии. Впрочем, за резкими выпадами против тех, кто недостойно прекрасного чувства, заметно понимание сложности отношений женщины и мужчины, опять же не укладывающихся в «куртуазную» схему, — у Вальтера это часто подтверждают песни в традиционной форме «обмена». Авторская экспрессия, окрашивающая тему «любви-страдания», вырастает как итог переживания всей окружающей обстановки, в которой несправедная сила подчинила себе и человеческое сердце.

Так отражается в творчестве Вальтера начинающийся кризис мировоззрения рыцарской эпохи, смещение ее важнейших духовных устоев. Это пока еще достояние отдельного поэтического таланта, проникнутого обостренным вниманием к своему времени. В целом немецкий миннезанг и после Вальтера сохраняется в своей первоначальной тональности, не усложненный ощущением болезненных явлений общества, правда, уже не как большое искусство. С Вальтером закончилась «весна» рыцарской лирики, в ней появились зрелость, возмужалость и одновременно — первые признаки умирания.

Этот «раскол» между средневековьем и крупнейшим представителем его поэзии не ускользнул от

внимания немецких романтиков¹⁹. Довольно насто-
роженно отнесся к Вальтеру Тик, записавший в
1803 г. обстоятельную статью «Старонемецкие любов-
ные песни» («Die altdeutsche Minnelieder»). Хотя там
есть фраза о «благородной» и «мужественной» фи-
гуре Вальтера фон дер Фогельвейде²⁰, тем не менее,
как справедливо отметил Г. Витковски, «Тик отдаст
предпочтение его предшественникам, в особенности
Генриху фон Фельдеке, и последователям, прелестной
мягкости Ульриха фон Лихтенштейна и играющему
формой, подобно закату солнца, искусству Хадла-
уба»²¹. Культ женщины и женственного начала, воз-
никший в раннем немецком романтизме, вынуждал
признать куртуазную любовь особенно привлекатель-
ной, как основу, цементирующую личность и связу-
ющую ее с миром. В изображении же Вальтера лю-
бовь нередко оказывается обратным — началом и за-
вершением общей душевной неудовлетворенности че-
ловека.

В творчестве Вальтера романтиков могло насто-
раживать и другое. Европейская мысль после Великой
французской революции, отказавшись следовать за
Просвещением, металась в поисках некоей силы, спо-
собной сплотить человечество и изменить мир на
иных, не просветительских принципах. Возникла
среди прочих иллюзия, что такой силой может стать
католическая церковь, которая казалась противоре-
ком нигилистическому буржуазному духу. Даже «ве-

¹⁹ Не случайно К. Лахман не включил в свое изве-
стное издание «Des Minnesangs Frühling» песни
Вальтера, завершив его творчеством Рейнмара.

²⁰ *Tieck L. Op. cit.*, S. 22.

²¹ *Ibid.*, S. LVII—LVIII.

ликий язычник» Гете, всегда чуждавшийся католического вероучения, считал, что некоторые католические традиции могут приучить человека «к восприимчивости внутренней религии сердца и внешней религии церкви как неделимого целого, как единого великого таинства, которое членится на множество таинств, сообщая каждому из них свою извечную святость, нерушимость и вечность»²². Романтизм, восставший в защиту «религии сердца», искал корни подорвавшего ее зла. Новалис увидел их в первом проявлении самостоятельности средневековой буржуазии. В трактате «Христианство или Европа» он заявил, что протестантство было первым ударом по всякому человеческому «энтузиазму»: «воображению и чувству, нравственности и любви к искусству, прошлому и будущему»²³.

Новалис — свидетель победы буржуазного духа, Вальтер стоит у его истоков. Правда, от возникновения протестантства поэт отделен большой исторической дистанцией²⁴. Но он, как уже было сказано, очевидец самого первого вторжения власти денег в

²² Гете И. В. Из моей жизни. Поэзия и правда. М., 1969, с. 226.

²³ *Novalis. Dichtungen und Prosa.* Leipzig, 1975, S. 452—453.

²⁴ Любопытное, хотя, конечно, случайное совпадение: высмеивая «деревенский миннезанг», Вальтер говорит, что в нем арфу заменило мельничное колесо. Новалис использует тот же образ для определения роли протестантства, которое «превратило бесконечную созидательную музыку мироздания в монотонный стук чудовищной мельницы, приводимой в движение потоком случайного и плавающей в нем...» (*Novalis. Op. cit.*, S. 453).

общественные отношения, значит, первого нарушения устоев феодального мира. В отличие от романтиков, которым средневековые видятся «издалека», Вальтер не может признать церковь силой созидания общечеловеческой целостности; в его глазах она сама не является цельным органом. Церковь — это и папа, и «затворник», притом последний может лишь клеймить или оплакивать то, в чем повинен первый. Так или иначе он отказывает церкви в той роли «миротворца», которую она, по мнению Новалиса, утрачивает лишь с Реформацией²⁵. Парадоксальным образом Вальтер оказался сопричастен тому, что исподволь разрушало средневековую религиозную психологию; это именно парадокс, потому что в то же время в его лирике можно наблюдать и высшую степень христианского энтузиазма.

Вальтер не раз поднимает тему крестового похода, выражая настроение своего сословия, которое практически должно было осуществлять «освобождение гроба господня». Но здесь находит выражение еще и глубоко личная мечта поэта: восстановить нравственные основы мира, явив ему христианский подвиг. Такой смысл приобретает призыв к крестовому походу в самом экспрессивном из стихотворений — «Увы, промчались годы, сгорели все дотла!..» Уланд отмечает Вальтера как глубоко религиозного поэта, в этом смысле подлинно поэта средних веков²⁶. Но примечательно, что несовершенство земного бытия не

²⁵ Ibid., S. 448.

²⁶ Walther von der Vogelweide, ein altdeutscher Dichter. — In: *Uhland L. Gesammelte Werke*: In 6 Bd. Stuttgart, s. a., Bd. 6, S. 28—33.

имеет у Вальтера христианской альтернативы — жизни потусторонней. В его религиозных стихотворениях нет просветленного умиротворения; вера становится для него скорее источником тревоги, так как именно через нее раскрывается ему степень падения мира.

Это весьма противоречило идеальным установкам раннего немецкого романтизма, который хотел видеть искусство способным подняться над всем конечным, игнорировать конечное, как ничтожно малую часть пространства, отведенного человеку. Поздний же романтизм должен был увидеть в мировоззрении Вальтера далекий прообраз собственного смятения, первую тень поэтической рефлексии на ясном небосклоне средневековой поэзии. В этой поэзии романтики искали гармонию, впрочем, так же, как в какой-либо иной они могли искать дисгармонию, ибо только то и другое вместе составляло их «космос». Ф. Шлегель прямо сказал об этом: «Я нахожу романтическое у старших современников, у Шекспира, Сервантеса, в итальянской поэзии, в тех веках рыцарей, любви и сказок, откуда произошли сами слово и дело»²⁷.

В известной статье «Вальтер фон дер Фогельвейде, старонемецкий поэт» Уланд старательно пытается свести напряженную по проблематике, доходящую порой до поистине романтической резкости вальтеровскую лирику к позитивному тону. Он исчерпывает ее содержание провозглашением любви к отечеству, национального самосознания немцев (что отве-

²⁷ Литературные манифесты западноевропейских романтиков, с. 64.

чает идею единства Германии, которой увлечен сам Уланд), внесловных человеческих достоинств. И это, в сущности, все, что оценила романтическая критика в замечательном мастере той поры, от которой требовала для своего искусства образцов умирогворенности и цельности — требовала в соответствии со своим мифом о средневековье как о добуржуазной действительности.

«Поэтическое искусство ни за что не боролось, ничего не доказывало, ничего не оспаривало, в своем прекрасном неведении оно предполагало то, что хотело воспеть»²⁸, — пишет Тик. В этой оценке, как нетрудно догадаться, подчеркнута самоценность художественного творчества вопреки просветительскому пониманию его пропагандистского смысла. Тик, сожалеющий о том, что впоследствии поэзия сделалась орудием политики, конечно, не мог отдать Вальтеру заслуженного предпочтения перед другими миннезингерами: в его поэзии можно было почувствовать начало того, что стало свойственно уже более поздним поколениям художников, утратившим «прекрасное неведение».

Прежде всего, у Вальтера — обостренное чувство изменения мира, которое возникает в переломные исторические моменты. Отсюда проистекает его тоска по уходящему рыцарскому веку. В куртуазной поэзии нечто подобное встречается, например, у Бертраана де Борна. Но за сетованиями Вальтера по поводу сегодняшнего дня возникает образ прошлого, и в прошлое получает проекцию его мечта о лучшем завтра, приблизить которое дано только рыцарству.

²⁸ *Tieck L. Op. cit., S. 9.*

Победоносный крестовый поход, по мнению поэта, означал бы не только исполнение христианского долга, но в первую очередь торжество высшей, рыцарской морали. Однако наряду с этой мечтой в его страстных строфах прорывается чувство реальности, которое подсказывает ему, что прежний мир невосстановим. Идеал несбыточен, он принадлежит прошлому. Не раз повторяющееся в стихотворениях Вальтера восклицание «увы!» подчеркивает его личное ощущение драматизма жизни, еще не воспринимаемое общим сознанием эпохи, точнее, рыцарской среды, где «тонкость чувств, радость, веселость, песни и музыка... вообще все прекрасное оказывается мериллом истинного»²⁹.

Образ прошлого — в утверждении неоспоримого достоинства куртуазного духа. Любовные песни позднего периода, наиболее элегического в творчестве Вальтера, славят снова именно рыцарскую любовь-служение и ее предмет — благородную даму. Традиции такой любви непременно сопутствует куртуазное искусство. Тема искусства не ограничивается противопоставлением «деревенскому миннезангу» «высокого» как поэзии душевной красоты. Она переходит в разговор об общественной судьбе поэта. И опять Вальтер не вписывается в идиллию, которую рисует Тик: «Верующие пели о вере, любящие — о любви; рыцари описывали рыцарские занятия и сражения, а любящие, верующие рыцари были отличными их слушателями»³⁰. У Вальтера и его аудитории, на-

²⁹ Михайлов А. Д. Французский рыцарский роман. М., 1976, с. 241.

³⁰ Tiesck L. Op. cit., S. 9.

сколько можно судить, — постоянная взаимная неудовлетворенность. Вальтер молодой слишком непосредствен для придворного круга, Вальтер старый — слишком «куртуазный» для огрубевшего века. Между его искусством и теми, к кому оно обращено, как бы изначально отсутствует контакт.

Было бы несправедливо считать, что такой контакт существовал только в воображении Тика или других романтиков («Жили ли в ваших местах поэты? Дала ли вам судьба такое счастье?»³¹ — читаем мы в романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген»). Вальтер явно составляет исключение среди куртуазных лириков, когда подчеркивает перед слушателями свою исключительную осведомленность во всех людских делах, свое право судить их. Он почти всегда в состоянии потенциальной полемики со своим окружением, всегда готов провозглашать то, что еще недоступно массовой психологии, учить, наставлять. Тем самым он отводит поэту особую роль в жизни человечества, намечая, хотя еще едва заметно, такое понимание искусства, которому впоследствии даст долгую жизнь немецкий романтизм: искусство, призма, раскрывающая многогранность мира, — в вечном антагонизме с действительностью. При этом он изъявляет личную обиду за свою непопулярность и неудобность публике с такой экспрессией, что заставляет нынешнего читателя вспомнить романтиков, скорбевших о судьбе искусства в обывательской среде. С одной лишь разницей: как каждый средневековый поэт, он, пользуясь словами Тика, «остается во всем своем артистизме столь простодушным и на-

³¹ Избранная проза немецких романтиков, т. 1, с. 268.

ивным»³², что вовсе не страдает, получая денежную плату за свои создания, и, более того, в размере этой платы иногда усматривает меру своего признания.

Черты лирики нового времени, которые просматриваются в творчестве Вальтера, убеждают в его бесспорной поэтической индивидуальности, выраженной несколько сильнее, чем это допускала самая природа куртуазной литературы в целом. Не будем путать это с художественным своеобразием куртуазных авторов. Само собой разумеется, почти каждый из них наряду с традиционными изобразительными средствами располагал оригинальными, отличавшими его от других. Но никто в немецком миннезанге (пожалуй, и во всей куртуазной лирике) не обнаруживает той субъективности мировосприятия, которая делает поэта, как станут выражаться позднее, пророком, миссионером, глашатаем. Разностороннее знание о своем времени и способность ощущать закономерности движения общества, предчувствовать его повороты ставят Вальтера на особое место.

³² *Tieck L. Op. cit., S. 15.*

ПРИМЕЧАНИЯ

ОБОСНОВАНИЕ ТЕКСТА

Как и все наследие немецкого миннезанга, поэзия Вальтера фон дер Фогельвейде дошла до нас из разного рода рукописных документов. Среди них — три большие рукописи. В Малой Гейдельбергской рукописи XIII в. (№ 357) приводится 151 строфа под именем Вальтера; в так называемой Констанцской начала XIV в. (рукопись монастыря Вейнгартен в Констанце, ныне находится в Вюртембергской библиотеке в Штутгарте) — 112 строф; наконец, в Большой Гейдельбергской рукописи XIV в. Вальтеру принадлежит 447 строф, а кроме того, лейх (стихотворное произведение со сложным строфическим построением). В нашем издании рукописи последовательно обозначены: МГ, К, БГ.

В меньшем объеме содержат стихотворения Вальтера другие рукописи XIII—XIV вв.: еще одна Гейдельбергская рукопись (№ 350), предположительно, XIII в., — 18 строф без имени автора; Вюрцбургская (ныне Мюнхенская) середины XIV в. — любовные песни Вальтера (одна из них дана в приложении к песням Рейнмара фон Хагенау). Кроме того, отдельные сочинения прославленного миннезингера попадают в самых неожиданных местах, иногда вперемежку с чужими текстами. Так, например, одна строфа оказалась в юридическом документе начала XIV в. «Швабское зеркало», одна — в приложении к записи «Парцифалья» Вольфрама фон Эшенбаха, отрывки из двух строф — в «Песне о благородном Морингере» (XVI в.), шесть строф и начало седьмой были обнаружены на предпоследнем листе латинской псалтыри в монастырской библиотеке в Кремсмюнстере (№ 127), три строфы — в Бернской рукописи

XIV в., три — в Кольмарской рукописи (Мюнхен, № 4997).

Стихотворения Вальтера сохранились и в рукописных сборниках, присоединенных позднее к большим рукописям: 12 строф (10 последовательно связанных и 2 среди чужого текста) — к Малой Гейдельбергской, сборник песен религиозного и назидательного характера — к Гейдельбергской рукописи № 350; три строфы — к рукописи XIII в., сохранившейся в Мюнхене. Поэзию Вальтера донесли до потомков отдельные листы пергамента¹ (некоторые из них в разорванном виде), где строфы, полные и неполные, иногда даны анонимно, иногда приписаны другим лицам. Неясность усугублялась подчас совпадением имени: так, например, на двух двойных листах 2-й половины XIII в. из 44 строф 5 помечены именем Вальтера (фон дер Фогельвейде), автором же остальных назван Вальтер фон Метце.

В нашем издании источник каждого текста указывается в комментарии к нему.

Множественность источников создала варианты стихотворений: различную последовательность строф, разночтения в стихах — в этом наследие Вальтера разделило судьбу других поэтических созданий средневековья, не знавшего книгопечатания. Варианты различаются по лексике, больше — по орфографии. Однако в настоящее время издатели Вальтера сводят разночтения в основном к двум вариантам.

Впервые напечатал несколько стихотворений юрист и историк права Мельхиор Гольдаст в 1601 г., взяв их из Большой Гейдельбергской рукописи, которая тогда находилась в Германии (после Тридцатилетней

¹ Это свидетельствует о высоком уважении средневековых переписчиков к поэтическому тексту: пергаментам, более дорогим, чем бумага, пользовались для записи важных текстов, которые боялись доверить менее прочной бумаге; Фридрих II в 1231 г. даже распорядился для официальных документов использовать только пергамент.

войны она была обнаружена в Париже, и только в 1888 г. германское правительство приобрело ее в собственность). Но значительно шире представил произведения Вальтера И. Я. Бодмер (совместно с И. Я. Брейтингером), получивший возможность перепечатать Большую Гейдельбергскую рукопись. В 1748 г. в частичной ее публикации² заняли место 35 стихотворений Вальтера, в 1758 г. в двухтомном издании рукописи³ — 41 стихотворение.

Первое комментированное Собрание сочинений Вальтера выпустил в 1827 г. К. Лахман, второе, дополненное его издание, вышедшее в 1843 г.⁴, стало основополагающим для всех последующих издателей. Сличая варианты, К. Лахман упорядочил написание стихов (лексику и орфографию) и размещение строф. Новый этап подготовки текстов связан с деятельностью К. фон Крауса. При переизданиях труда Лахмана он, учитывая исследования филологов-медиевистов (в первую очередь К. Барча⁵), пересмотрел варианты и в ряде случаев внес изменения в тексты. Наиболее полно усилия К. фон Крауса отражены в 10-м издании Лахмана⁶. Новейшие разработки в изучении литературы XII—XIII вв. были использованы

² *Bodmer J. J., Breitinger J. J.* Proben der alten schwäbischen Poesie des dreizehnten Jahrhunderts. Zürich, 1748.

³ *Bodmer J. J., Breitinger J. J.* Sammlung von Minnesingern aus dem schwäbischen Zeitpunkte CXL Dichter enthaltend. Zürich, 1758—1759.

⁴ *Die Gedichte Walthers von der Vogelweide.* Hrsg. von K. Lachmann. B., 1843.

⁵ *Bartsch K.* Deutsche Lieder des zwölften bis vierzehnten Jahrhunderts. Leipzig, 1864; *Idem.* Zu Walthers Liedern. Germania 6. Bd. I., 1861, S. 187—214; *Walter von der Vogelweide: Schul-Ausgabe mit einem Wörterbuche.* Leipzig, 1875.

⁶ *Die Gedichte Walthers von der Vogelweide.* Mit Bezeichnung der Abweichungen von K. Lachmann, neu hrsg. von Karl von Kraus. B., 1936.

для последней редакции издания К. фон Крауса, осуществленной Г. Куном⁷.

Не был бесспорным вопрос об авторстве Вальтера; полностью решенным нельзя считать его и на сегодняшний день. Рукописи в этом отношении давали простор догадкам издателей. Так, Л. Тик предполагал, что Вальтер фон дер Фогельвейде мог выступать под именем Раумсланд⁸: налицо сходство стихотворений этих двух поэтов — известного и неизвестного; именем Раумсланда, в частности, подписано одно стихотворение в Иенской рукописи, которое в Большой Гейдельбергской дано под именем Вальтера. В некоторых стихотворениях не достоверно вальтеровскими представлялись отдельные строфы (мы указываем это в комментариях к тексту). К. Лахманом был установлен основной корпус произведений — около 190, среди них несколько, авторство которых до сих пор вызывает сомнение — из-за лексики или художественного уровня их. Современные полные собрания, составленные в соответствии с объемом К. Лахмана, иногда исключают некоторые даваемые им стихотворения, считая их на основании более поздних исследований спорными.

Для настоящей книги тексты были отобраны с учетом последнего издания ГДР: *Vogelweide W. von der Frau Welt, ich hab von dir getrunken*. В., 1979.

Мы не сочли, однако, нужным следовать данному издателем разделению на циклы. Тексты, не вошедшие в это издание в силу того, что их до сих пор не считают безусловно принадлежащими Вальтеру, взяты

⁷ Die Gedichte Walthers von der Vogelweide. Auf Grund der 10. von Carl von Kraus bearb. Ausg. neu hrsg. von Hugo Kuhn. В., 1965.

⁸ Приблизительный перевод этого имени по смыслу: «Моя земля — все пространство». По мнению Л. Тика, «так вполне мог назвать себя Вальтер, который часто жалуется, что он должен постоянно менять место жительства и скитаться по разным землям» (*Tiek L. Ausgewählte Werke: In 4 Bd. Leipzig, s. a., Bd. 4, S. 2*).

из К. Лахмана и выделены нами под рубрикой: *Dubia*. Они представляют интерес как произведения вальтеровской эпохи, отражающие с большей или меньшей степенью художественности мысль и настроение позднего средневековья. Если полностью принять точку зрения исследователей, отрицающих авторство Вальтера, тем более любопытно окажется идейное сближение его с другими, не великими или безымянными поэтами, может быть, даже испытавшими на себе его влияние.

Нашу нумерацию стихотворений мы сопровождаем для справки указанием страницы и начального стиха в названном втором издании Лахмана: первая цифра — номер страницы, вторая — стиха, с которого начинается то или иное стихотворение.

Комментирование текста ставит целью пояснить (в тех случаях, когда это возможно) повод его возникновения, реалии, а также некоторые художественные особенности, в частности новаторство Вальтера или его связь с предшественниками.

На русском языке два стихотворения Вальтера появились впервые в переводе Д. Минаева в кн.: *Гербель Н. В.* Немецкие поэты в биографиях и образцах. СПб., 1877. В начале XX в. К. Ивановым было сделано десять переводов — среди них два стихотворения, которые в настоящее время не считают принадлежащими Вальтеру (см.: *Иванов К. А.* Трубадуры, труверы и миннезингеры. Пг., 1915). В ряде случаев это переводы скорее вольные. Несколько стихотворений были переведены О. Румером и И. Ивановым (см.: *Зарубежная литература средних веков.* Сост. Б. И. Пуришев. 2-е изд. М., 1975). Впервые творчество Вальтера во всем его художественном многообразии было представлено русскому читателю в кн.: *Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов.* М., 1974. (БВЛ; т. 23). Все переводы в этом издании, кроме одного, принадлежащего А. Штейнбергу, выполнены В. Левиком. Те же переводы напечатаны в кн.: *Прекрасная дама. Из средневековой лирики.* «Московский рабочий», 1984. Новые тексты Вальтера, переведенные В. Левиком, были опублико-

ваны в журнале «Иностранная литература» (1982, № 11). В разделе «Дополнения» переводы, выбранные нами из опубликованных ранее, обозначены номерами, соответствующими нумерации в основном тексте.

Вальтер фон дер Фогельвейде

СТИХОТВОРЕНИЯ

I. «БЕСЕДУЯ, ЛЕЖАЛ...»

(Frúntliche lag...)

МГ, БГ. У Лахмана № 88, 9.

Характерная для куртуазной лирики форма «обмена» — беседы между дамой и рыцарем. Пример жанра «песни рассвета» (Tagelied, в провансальской поэзии — альба), изображающей прощание влюбленных на рассвете. Первым мастером немецкой «песни рассвета» был Вольфрам фон Эшенбах. При всей традиционности песня Вальтера отличается своеобразной рифмой: 1-й стих рифмуется с 6-м, 2-й — с 8-м, 3-й — с 7-м, 4-й — с 5-м.

⁸¹ ...*Коль вновь без колебаний придешь ты, мне служба.* — В рыцарской поэзии любовь непременно подразумевает служение даме — эти два понятия неразрывно связаны.

II. «О, ГОСПОЖА, СЕРДИТЬСЯ НЕ НАДО»

(Frowe lant úch niht verdriessen...)

МГ, БГ, Вюрцбургская (Мюнхенская) рукопись. У Лахмана № 85, 34.

В песне, также в форме «обмена», говорится о достоинствах женщины в куртуазном понимании; при этом подразумеваются и нормы поведения мужчины-рыцаря. У Вальтера легкий юмор придает беседе некоторый оттенок игры.

III. «ПОСЛУШАЙТЕ, ДАМА, ВО ИМЯ ХРИСТОВО...»

(Frowe vernemt dur got mir dis mere...)

БГ. У Лахмана № 112, 35.

Песня-«обмен», в которой беседа происходит между дамой и гонцом влюбленного рыцаря, заверяющим ее в преданности того, кто его послал. Не отличающаяся оригинальностью, песня долго числилась среди спорных, не соответствующих художественному уровню Вальтера. Впервые утверждает авторство Вальтера Краус (*Kraus C. von. Walther von der Vogelweide: Untersuchungen, Berlin; Leipzig, 1935. S. 405—406*).

IV. «ВЗДУМАЛ Я НАДОЛГО ЗАМОЛЧАТЬ...»

(Lange swigen des hat ich gedaht...)

МГ, БГ, Вюрцбургская рукопись, отрывки из 2-х строф в «Песне о благородном Морингере». У Лахмана № 72, 31.

По-видимому, одна из ранних песен. Тема безнадежной любви и выражение меланхолической грусти явно свидетельствуют о влиянии Рейнмара фон Хагенау.

³³⁻³⁵ *Друг! Помоги тебе господь // Старуху сморщенную эту // Гибкой розгой пороть!* — Перекличка с одной из песен Бернарта де Вентадорна (в русском переводе см.: «Дням пасхи каждый рад...» — В кн.: *Вентадорн Б. де. Песни. М., 1979, с. 42*).

V. «ЭТО ЧУВСТВО И СЛАДКО И НОВО...»

(Mir tvt einer slahte wille...)

БГ, Вюрцбургская рукопись, двойной л. пергамента 2-й половины XIII в. (Берлинская гос. б-ка). У Лахмана № 113, 31.

«Женская» песня — жанр, распространенный в миннезанге, в частности в лирике Рейнмара. О любви рассказывается от лица дамы, которая пытается, следуя куртуазным правилам, оставаться неприступной. Однако в ней побеждает живое чувство, и она готова уступить настояниям рыцаря.

VI. «В ЭТОМ ВЗОРЕ, ГЛУБОКО РАЗЯЩЕМ...»

(Ir vil minneklichen ögen blike...)

БГ. У Лахмана № 112, 17.

VII. «НЕТ, НЕ ЗНАЛ Я ДО СИХ ПОР
ТАКОЙ ОТРАДЫ...»

(Ganzer froiden wart mir nie so wol ze m^ette...)

БГ. У Лахмана № 109, 1.

VIII. «И СТРАХ И МУКА В ПОСТОЯНСТВЕ...»

(Stete ist ein angest vnd ein not...)

БГ. У Лахмана № 96, 29.

IX. «АХ, Я, БЕЗРАДОСТНЫЙ ПОЭТ!...»

(Ich froidehelfeloser mann...)

МГ, БГ, Веймарская рукопись (Центральная б-ка немецкой классики в Веймаре). У Лахмана № 54, 37.

X. «ЕСЛИ КТО-ТО УКОРЯЕТ...»

(Maniger fraget was ich klage...)

БГ. У Лахмана № 13, 33.

XI. «ГОСПОДИ, РАЗВЕЙ МОИ ЗАБОТЫ...»

(Herre got gesegen mich vor sorgen...)

БГ, Вюрцбургская рукопись. У Лахмана № 115, 6.

XII. «ЖЕНСКОЕ ЛИЦО ДЛЯ НАС...»

(Was hat d^v welt zegebenne...)

МГ, К, БГ. У Лахмана № 93, 19.

Песни VI—XII соответствуют всем правилам «высокого миннезанга» и вряд ли выражают личные чувства автора. Созданы, вероятно, до 1198 г., в период жизни Вальтера при венском дворе. Возможно также, что они появились во время пребывания поэта в Тюрингии (там он лично познакомился, в частности, с Вольфрамом фон Эшенбахом).

XIII. «ЛЮБОВЬ — ЧТО ЗНАЧИТ ЭТО СЛОВО?..»

(Saget mir ieman was ist minne..)

МГ, БГ, Вюрцбургская и Веймарская рукописи. У Лахмана № 69, 1.

Песня, сочиненная, скорее всего, в традициях Генриха фон Морунгена, могла появиться, по отдельным предположениям, в 1201 г. в Вартбурге, в одном из замков ландграфа Германа Тюрингского, который прославился своим интересом к поэзии и широко покровительствовал поэтам. С Вартбургом связано легендарное состязание миннезингеров, в котором принимал участие и Вальтер.

XIV. «ОДНА МЕЧТА ВО МНЕ ЖИЛА...»

(Mich hat ein wunneklicher wan..)

МГ, БГ. У Лахмана № 71, 35.

Как можно предполагать, — еще одно из сочинений раннего Вальтера, по форме «обмена» и лексике характерное для «высокого миннезанга». Однако в отличие от наиболее распространенной темы — любви между рыцарем и дамой, которая является женой другого, — здесь воспевается супружеская верность и семейное счастье.

XV. «ДАЙ БОГ ЕЙ БЛАГОДАТНЫХ ДНЕЙ...»

(Got gebe ir iemer gŕten tag..)

БГ, Вюрцбургская рукопись. У Лахмана № 119, 17.

Противоречивое содержание песни дало основание некоторым исследователям, в частности Краусу (*Kraus C. von. Op. cit., S. 434—435*), считать, что она составлена из двух разных песен. Начало — сетование на безнадежную любовь — характерно для Рейнмара. Следующий затем «обмен», напротив, как бы оспаривает меланхолический тон Рейнмара, повествуя о любви счастливой.

²⁵⁻²⁶ Прикидываюсь я страдальцем, // Чтоб не показывали пальцем... — Намек на введенную Рейнмаром моду изображать любовь источником страдания.

XVI. «ПРОШУ, ВНЕМЛИТЕ, ГОСПОЖА...»

(Dir hat enbotten frowe güt...)

МГ, БГ, Вюрцбургская рукопись. У Лахмана № 120, 16.

МГ и БГ приписывают авторство первых трех строф Гартману фон Ауэ. Однако Краус настаивает на цельности содержания и композиции песни (Kraus C. von. Op. cit., S. 437—438) и считает Вальтера единственным автором.

XVII. «Я ВОСПЕВАЛ ЕЕ НЕРЕДКО...»

(Ich han ir so wol gesprochen...)

МГ, К, БГ, Вюрцбургская рукопись. У Лахмана № 40, 19.

Песня, как и предыдущая, не отличается художественным своеобразием. И здесь наиболее заметно влияние Генриха фон Морунгена. Сочинена, по-видимому, в первые годы странствований Вальтера, после разрыва с венским двором.

17—18 *Спешу, Любовь, в твоём колчане // Стрела осталась не одна.* — Стрелы любви — образ, распространенный в поэзии вагантов. Ср., напр., «Прение Флоры и Филлиды»: А на троне восседал отпрыск Кифереи // Меткий лук со стрелами при себе имея... (Пер. М. Гаспарова. В кн.: Поэзия вагантов. М., 1975, с. 250).

XVIII. «ОНА ЖЕСТОКОСЕРДНА И ЧЕРСТВА...»

(Min frowe ist ein vngenedic wib...)

БГ, Вюрцбургская рукопись, двойной л. пергамента конца XIII в. (Вольфенбюттельская б-ка). У Лахмана № 44, 11.

Относится, видимо, также ко времени странствований поэта и также тяготеет к манере Морунгена по изысканности метафор. В подлиннике начальные стихи I и II строф варьируются соответственно в начале IV и V (в переводе эта особенность не сохранилась).

⁸³⁻³⁴ *И ей не жаль, что я в мечтах бесплодных // Блуждал по многим городам...* — Упрек даме — в то же время (в традициях средневековой любовной песни) самооправдание поэта-рыцаря, извинение за то, что он, странствуя, служит и другим дамам.

XIX. «НАШЕ ВЛЕЧЕНИЕ...»

(Es wer vns allen...)

БГ. У Лахмана № 97, 34.

Яркое изображение достоинств женщины вновь напоминает о традиции Морунгена. Налицо и влияние провансальской лирики — прежде всего жизнерадостный тон разговора о любви.

²¹ *Враг-соглядатай...* — Жалоба на соглядатаев и завистников, мешающих влюбленным, весьма распространена как в провансальской песне (ср. у Бернарта де Вентадорна «Меж деревьев зазвенели»: В кн.: *Вентадорн Б. де. Песни*, с. 59), так и в миннезанге (напр., у Фельдеке: «Пусть завистникам досадно»: В кн.: *Поэзия трубадуров, поэзия миннезингеров, поэзия вагантов*. М., 1974, с. 225. (БВЛ; Т. 23).

XX. «НЕ В СИЛАХ ДОЛЕЕ ТУЖИТЬ...»

(In einem zwifellichen wan...)

БГ, Веймарская рукопись, пергаментный л. (Берлинская гос. б-ка). У Лахмана № 65, 33.

В песне также очевидны следы влияния довальтеровского миннезанга, в частности тема соперничества.

⁹ *Я на соломинке гадал...* — Народный обычай, аналогичный гаданию на ромашке.

XXI. «ТЕБЕ Я, ГОСПОЖА, ВВЕРЯЮСЬ

НЕПРЕЛОЖНО...»

(Genade frowe also bescheidenliche...)

МГ, БГ. У Лахмана № 70, 22.

Одна из оригинальных любовных песен Вальтера в форме «обмена». Взаимная неудовлетворенность

дамы и рыцаря своими отношениями подчеркивается своеобразной формой их беседы: каждый говорит о другом в третьем лице, только две первые и две последние строфы содержат прямое обращение.

XXII. «НЕЛЮВИМ Я, ВИДНО...»

(Bin ich dir vnnere...)

К, БГ, Вюрцбургская рукопись. У Лахмана № 50, 19. Песня выдержана в куртуазной манере, однако здесь почти не звучит мотив служения: речь идет просто о чувстве к женщине.

XXIII. «МУЖУ ПРАВДЫ РАДОСТНА ВЕСНА...»

(Svmer vnde winter beide sint...)

БГ. У Лахмана № 99, 6.

Хотя песню относят к «ученическому» периоду Вальтера, в ней, как и в предыдущей, заметно стремление передать непосредственное чувство, вытесняющее рыцарское служение.

²⁶⁻²⁷ *Будьте вы хранителями ей, // Чувства...* — В рыцарской поэзии чувство любви — надежная защита для того, к кому оно обращено; именно в этом смысле рыцарь — постоянный защитник дамы (всегда готовый доказать это при помощи меча), так же как она — его заступница перед небесами.

XXIV. «ВЛЮБЛЕН ДАВНО, ЛЮБВИ СЛУЖУ...»

(Ich minne si nv lange zit...)

МГ, К, БГ. У Лахмана № 47, 16.

XXV. «НИКОГДА НЕ СЛАВИЛ ЖЕН ПРЕКРАСНЫХ...»

(Ich gesprach nie wöl von gŕten wiben...)

БГ. У Лахмана № 100, 3.

XXVI. «РАЗВЕ ЭТО ОСКОРБЛЕНЬЕ...»

(Das ich dich so selten grŕsse...)

БГ, Вюрцбургская рукопись, пергаментный л. (Вольфенбуттельская б-ка). У Лахмана № 70, 1.

Разные оттенки любовных переживаний в песнях XXIV—XXVI позволяют предполагать, что песни имеют в значительной степени личный характер. Художественное мастерство (например, короткий, построенный на внутренних созвучиях стих в первой из них) напоминает об образцах Рейнмара.

XXVII. «О ЧЕСТИ ЖЕНЩИН СЛЫША МНОГО...»

(Ich horte iv so vil tvgende iehen...)

К, БГ, Гейдельбергская рукопись № 350, Вюрцбургская и Веймарская рукописи. У Лахмана № 43, 9.

Песня-«обмен» передает беседу дамы и поэта в интонациях, напоминающих провансальскую лирику; изысканность лексики призвана подчеркнуть глубокое почтение рыцаря к даме и ее вежество по отношению к нему. Однако куртуазные представления о достоинствах дамы и рыцаря заменены понятиями о достоинствах чисто человеческих. Примечательно, что каждый из «беседующих» стремится проникнуть в психологию другого.

XXVIII. «КАК ХОРОША...»

(Selb var ein wib...)

МГ, БГ. У Лахмана № 111, 12.

Одна из песен, полностью свободных от штампа куртуазной лирики и воспевающих женщину вне словного положения.

³ *Без шерстяной косынки...* — Вероятно, имеется в виду женский головной убор, который закрывал лоб и нижнюю часть подбородка; эта деталь появляется, например, в женских фигурах Наумбургского собора Петра и Павла, известного памятника готической архитектуры, строительство которого началось вскоре после смерти Вальтера.

XXIX. «В СВОЕЙ ИГРЕ ПОНАТОРЕВ...»

(Ein man verbütet ane pfliht...)

БГ. У Лахмана № 111, 22.

Первые две строфы — явный выпад против Рейнмара, любимца венского двора, снискавшего большую

популярность у женщин благодаря особому умению передавать женское чувство. Две вторые строфы пародируют, по-видимому, песни Рейнмара «Людей послушать я готова...» или «Что мне за дело до рассвета...» (см. раздел «Дополнения»). Правда, Вальтер весьма неточно цитирует их в своей песне или умышленно придает речи женщины игривый оттенок, не свойственный Рейнмару.

XXX. «ОДНО СКАЖИ: «БЛАГОДАРИЮ!»...»

(Si wunder wol gemachet wib...)

МГ, БГ, Гейдельбергская рукопись № 350, латинская псалтырь (Кремсмюнстерский монастырь). У Лахмана № 53, 25.

Описание телесной женской красоты было распространено в средневековой поэзии — у вагантов, отчасти у трубадуров — благодаря популярности Овидия, возросшей в XII в. На фоне подчеркнуто целомудренных в показе женщины песен Рейнмара изображение обнаженной у Вальтера — довольно смелое для миннезанга.

¹ *Одно скажи: «Благодарю!»* — Просьба о благодарности обращена к даме, по-видимому призванной судить певцов на придворном выступлении.

⁹⁻¹⁰ *Язык наш тот же: я пою // Свою красавицу, пусть он поет свою.* — Как можно предполагать, песня была исполнена во время состязания с Рейнмаром при венском дворе.

XXXI. «И ЛЕТО ВНОВЬ, И ПТИЧИЙ ХОР...»

(Ein núwer svmer ein núwe zit...)

БГ. У Лахмана № 92, 9.

Своеобразный шпрук, содержащий наставление относительно любви. Вопреки куртуазному правилу считать одной из высших добродетелей дамы холодность и неприступность, здесь как высшее достоинство женщины провозглашается ее способность любить.

XXXII. «КОГДА ПРЕКРАСНАЯ ПОРА...»

(Was ich doch gegen der schonen zit...)

БГ. У Лахмана № 95, 17.

Эта песня также назидательного характера. Эмоциональный, взволнованный тон дает основание предполагать, что она создана на почве личных переживаний поэта. Относится или к раннему периоду, или ко времени второго спора с Рейнмаром (около 1203 г.), когда Вальтер вновь посетил Вену.

XXXIII. «ВАМ, ГОСПОЖА, ВЕНОК!...»

(Nemet frowe disen kranz...)

МГ, БГ, Вюрцбургская рукопись. У Лахмана № 74, 20.

Песня, возможно, танцевальная — пример обращения к «низкой любви»: место высокородной дамы занимает сельская девушка. При этом сравнение ее со знатными — не в пользу последних, что нарушает важнейший принцип куртуазной любовной песни.

¹⁰ ... *Воспитанной девицей она не зря слыла.* — Воспевая селянку, Вальтер тем не менее находит важное достоинство в ее благонравии и умении себя вести в противоположность «деревенскому миннезангу», где подчеркивается грубость и распушенность крестьянской женщины.

XXXIV. «ПОД ЛИПОЙ СВЕЖЕЙ...»

(Vnder der linden...)

К, БГ. У Лахмана № 39, 11.

Одна из самых ярких, художественно совершенных песен поэта, о чем свидетельствует ее популярность у немецкого народа на протяжении столетий, возможно, тоже танцевальная. Также относится к циклу «низкой любви».

XXXV. «СЛАВЛЮ ТОТ ДЕНЬ,

КОГДА ВСТРЕТИЛСЯ С НЕЮ...»

(Wol mich der stunde das ich sie erkande...)

БГ. У Лахмана № 110, 13.

Песня из цикла «низкой любви» возникла, вероятно, в послевоенский период жизни поэта. Своеобразное рифмование (рифмуется стих 5 в I и II строфах) и повторяющийся рефрен (что не характерно для Вальтера) создают особую музыкальность.

XXXVI. «ЛЮБИМАЯ, ПУСТЬ БОГ...»
(Herzeliebes frowelin...)

МГ, БГ, Вюрцбургская рукопись, рукопись безымянных песен середины XIV в., пергаментный л. (Берлинская гос. б-ка). У Лахмана № 49, 25.

По-видимому, одна из самых «личных» песен Вальтера, как и предыдущая. В духе воспевания «низкой любви» здесь утверждается нравственное превосходство простой женщины перед высокородной.

XXXVII. «В РОЩЕ, В ПОЛЕ, НА ПОЛЯНЕ...»
(Mvget ir schöwen was dem meigen...)

МГ, БГ. У Лахмана № 51, 13.

«Майская» песня, долгое время считавшаяся анонимной; окончательное авторство Вальтера установил Краус (*Kraus C. von. Op. cit., S. 182—183*). Очевидно, создана под влиянием песен вагантов (ср. в кн. «Поэзия вагантов»: «Вторая весенняя песня» или Вальтер Шатильонский. «Юная песня»). В духе миннезанга только V и VI строфы, но и в них — нетрадиционный тон шутки и задора.

XXXVIII. «В БЕЗНАДЕЖНОМ РАЗОЧАРОВАНЬЕ...»
(Die verzagten aller güter dinge...)

К, БГ. У Лахмана № 63, 8.

Относится предположительно к 1198—1203 гг., когда поэт отказывается от чисто куртуазного понимания любви как служения.

XXXIX. «КТО ЗИМОЙ МЕНЯ ЧЕРНИЛ
СВОИМ НАВЕТОМ...»

(Die mir in dem winter fröide hant benomen...)

МГ, БГ, Вюрцбургская рукопись. У Лахмана № 73, 23.

⁴¹ ...Хильдегунду вечно призывая. — Исследователи справедливо сходятся во мнении, что женское имя здесь должно означать собирательный образ, а не конкретное лицо. Поэт заимствует его из древне-немецкой героической саги о Вальтере Аквитанском, у которого была возлюбленная по имени Хильдегунда (сага дошла до нас в латинском переложении X в.: «Вальтарий, мощный дланью»).

XI. «Я ВИЖУ БЛАГОСКЛОННОСТЬ В ТОМ...»

(Min frowe ist vnder wilent hie...)

БГ, Вюрцбургская рукопись, пергаментный л. (Вольфенбютельская б-ка). У Лахмана № 52, 23.

Одно из сложных в жанровом отношении стихотворений Вальтера: по содержанию больше напоминает назидательный шпрук, чем любовную песню. Переход от разговора о любви к рассуждениям о недостойном поведении и упадке нравов свойствен Вальтеру. Возникло, по-видимому, в период жизни при дворе ландграфа Германа Тюрингского или маркграфа Дитриха Мейсенского.

XLI. «ВНОВЬ ЗАПЕЛ Я СГОРЯЧА...»

(Nv singe ich als ich e sanc...)

МГ. У Лахмана № 117, 29.

Включение размышлений в любовную песню заставляет предполагать, что это произведение зрелого Вальтера. Зима символизирует неуютную для певца нравственную атмосферу, которую может скрасить только любовь. При всей традиционности образа — любовь, побеждающая зиму, — заимствованного из провансальской поэзии (ср., напр.: Азалаида де Поркайраргес. «Вот и зимняя пора...» (БВЛ, т. 23, с. 79), песня отличается экспрессивностью и проникновенностью.

XLII. «ЮНОША, БУДЬ РАДОСТЕН ПОД СЕНЬЮ...»

(Ivnger man wis hohes m̄tes...)

БГ. У Лахмана № 91, 17.

Судя по дидактическому тону, стихотворение также должно относиться к позднему периоду творчества.

XLIII. «ВСЮ ЗЕМЛЮ ВЫ МОЖЕТЕ СДЕЛАТЬ
ДОСТОЙНОЙ...»

(*Aller werdekeit ein fûgerinne...*)

МГ, К, БГ, Вюрцбургская и Веймарская рукописи.
У Лахмана № 46, 32.

Одна из песен, в которых Вальтер вновь склоняется к воспеванию «высокой любви», поскольку «низкая любовь» все более ассоциируется у него с «деревенским миннезангом». Относится к позднему периоду.

² ...*Вы мера всех мер, госпожа Соразмерность.* — Понятие «соразмерность», «мера» (*mære*) было впервые обыграно в литературе современником Вальтера поэтом Томазином Циркларийским. В стихотворном произведении «Итальянский гость» Томазин представил свод нравственных наставлений, в частности рассуждения о том, что *mære* может превратить порок в добродетель, а ее противоположность — *unmære*, наоборот, способна сделать из добродетели порок. Принимая принцип «меры», Вальтер, всегда недружелюбно относившийся к Томазину, в данном случае соглашается с ним.

XLIV. «КАК РАД Я В ЧАЯНЬЕ ГРЯДУЩИХ БЛАГ...»

(*Ich wil nu mer vf ir genade wesen fro...*)

К, БГ, Вюрцбургская рукопись. У Лахмана № 61, 32.

Можно предполагать что песня создана в поздний период, так как в ней явно выступает дух «высокого миннезанга». Любовная жалоба, напоминающая о традиции Рейнмара, сочетается с типичными для позднего Вальтера сетованиями по поводу упадка нравов.

³⁵⁻³⁶ *Пусть кое-кто весьма сердит // На песнь мою, я буду петь...* — Поэт намекает на свою непопулярность у приверженцев «деревенского миннезанга», которых было немало среди молодого поколения придворных.

XLV. «КОГДА СОЛНЦУ, ОТ РОСЫ БЛЕСТЯЩИ...»

(So die blümen vs dem grase dringent...)

МГ, К, БГ, Вюрцбургская рукопись, латинская псалтырь (Кремсмюнстерский монастырь). У Лахмана № 45, 37.

XLVI. «НЕТ, В ЭТОМ ВО ВСЕ НЕ МОЯ ВИНА...»

(Mich nimet iemer wnder was ein wir...)

БГ, Вюрцбургская рукопись, пергаментный л. (Берлинская гос. б-ка). У Лахмана № 115, 30.

Песни XLV—XLVI — в традициях куртуазной поэзии, к которым возвращается Вальтер, вновь воспевающая благородную даму.

XLVII. «ПОИСТИНЕ Я РАД...»

(Ich bin so rehte vro...)

БГ, Вюрцбургская и Веймарская рукописи. У Лахмана № 118, 24.

²⁷⁻²⁸ ... И прекраснее она, // Чем Елена и Диана. — Согласно античному мифу, красота Елены, жены спартанского царя Менелая, явилась причиной Троянской войны. Диана (у греков Артемида) — богиня охоты, покровительница юности и девственности; возможно, искаженное Диона (богиня любви и красоты Афродита произошла от Зевса и Дионы).

XLVIII. «У ЛЮБВИ ОБЫЧАЙ СТРАННЫЙ...»

(Minne dú hat einen sitte...)

БГ, Вюрцбургская рукопись. У Лахмана № 57, 23.

Вариация одной из песен Фельдеке (в русском переводе: «Давно твердят...» — БВЛ, т. 23, с. 226). Сетования на то, что женщины отдают предпочтение молодым, Вальтер заключает несколько юмористически — отказом воспевать безответную любовь изо дня в день. Относится к позднему творчеству.

XLIX. «КАК ЗВАТЬ ВЛАДЫЧИЦУ ТВОЮ, СКАЖИ!...»

(Si vragent vnde vragent aber ze vil...)

К, БГ. У Лахмана № 63, 32.

L. «КОГДА Я САМ СЕБЯ ХВАЛЮ...»

(Ob ich mich selben rûmen sol...)

К, БГ. У Лахмана № 62, 6.

LI. «ВСЕ В МИРЕ ТЛЕН», —

ДОКАЗЫВАЮТ ВОРЧУНЫ...»

(Die zwiuelere sprechent es si alles tot...)

МГ, БГ, Вюрцбургская и Веймарская рукописи.
У Лахмана № 58, 21.

LII. «ЧТО ЖЕ РАДОСТЬ — НАДОЕЛА ВСЕМ?..»

(Wil aber iemen wesen froh...)

К, Вюрцбургская рукопись, пергаментный л. XIV в.
(Вольфенбюттельская б-ка), пергаментный л. (Мюн-
стерский гос. архив). У Лахмана № 42, 31.

Песни XLIX—LII, в которых мотив любви часто является лишь дополнением или поводом к размышлениям о жизни, созданы в поздний период творчества. Воспевание женщины выдержано в куртуазной манере, а куртуазное благонравие провозглашается как опора нравственности. Нарушение порядка и гармонии в человеческих — не только любовных — отношениях подчеркивается введением образа природы.

LIII. «Я В ДВУХ ОТНОШЕНИЯХ ОТЗЫВЧИВ,

ХОТЬ В ОБЩЕМ НЕ ЗНАЮ ПОЩАДЫ»

(Zwo fûge han ich doch swie vngefûge ich si)

БГ. У Лахмана № 47, 36.

Шпрук, по содержанию примыкающий к предыдущим, но затрагивающий и тему искусства, которое Вальтер ставит в прямую зависимость от нравов общества.

LIV. «ДЕНЬ ЗА ДНЕМ СТРАДАТЬ, ДРУЗЬЯ...»

(Ane lieb so manig leit...)

БГ. У Лахмана № 90, 15.

Lv. «МУЖЧИНЫ ГОВОРЯТ: ВО ВСЕМ...»

(Die herren iehent wan svl den frowen...)

МГ, БГ, Вюрцбургская и Веймарская рукописи. У Лахмана № 44, 35.

Lvi. «ДЕЛЮ — УЖЕ ПОДХОДИТ СРОК...»

(Ich wil nu teilen e ich var...)

К, БГ, Вюрцбургская и Веймарская рукописи. У Лахмана № 60, 34.

В шпрухах LIV—LVI — дальнейшее развитие темы: вырождение нравов сказывается и на поведении женщин. Сохраняя приемы и лексику миннезанга, поэт, по сути дела, не воспекает, а порицает современную женщину.

Lvii. «ЛЮБОВЬ ПРЕСЛЕДУЕТ СЕРДЦА...»

(Du minne lat sich nennē da...)

БГ, приложение к МГ. У Лахмана № 102, 1.

Lviii. «ИНОЙ В ЮДОЛИ СЕЙ СКУДЕЛЬНОЙ...»

(Es ist in vnsern kurzen tagen...)

БГ. У Лахмана № 32, 3.

В шпрухе — то представление о любви, которое разделяет со своим веком куртуазная поэзия: в его основе лежит религиозный смысл любви как слияния человеческой души с божественным началом.

Lix. «ЛЮБОВЬ — НЕ МУЖ И НЕ ЖЕНА...»

(Dú minne ist weder man noch wib...)

БГ. У Лахмана № 81, 31.

Частые для средневековой поэзии размышления о роде любви. В латинской поэзии любовь изображается то в виде Амура, то в виде Венеры. Вопрос о том, женского или мужского рода любовь, можно найти в «Титуреле» Вольфрама фон Эшенбаха: «Ты чересчур многолика, любовь, а кто ни писал (о тебе), не описал ни образа твоего, ни существа». И далее: «Любовь — это Он? Ты можешь описать любовь? Или

это — Она? Если любовь придет ко мне, как мне вести себя с ней?» (*Eschenbach W. von. Parzival und Titurel. Stuttgart, 1876, S. 313—315*).

LX. «ОБЕТОВАННЫХ ЖДУ ЩЕДРОТ...»

(*Mir ist verspert der selten tor...*)

БГ, Гейдельбергская рукопись № 350. У Лахмана № 20, 31.

Шпрух создан в 1198 г., после смерти австрийского герцога Фридриха, кровавогоспировавшего поэту, и обращен к его брату и преемнику Леопольду VI, который отнесся к Вальтеру без особой благосклонности.

* ...*Словно ливень по весне...* Сравнение щедрости владык с дождем, питающим землю, было распространено в немецкой средневековой поэзии до Вальтера, например у странствующего поэта Сперффеля (середина XII в.).

LXI. «СКАЗАЛ МНЕ СЛАВНЫЙ ВЕНСКИЙ ДВОР...»

(*Der hof zewiene z sprach zemir...*)

БГ, Гейдельбергская рукопись № 350. У Лахмана № 24, 33.

В песне иронически дан собирательный образ венского двора, осмеивающего собственные оскудение. Время создания, вероятнее всего, — 1198 г., когда поэт порывает с Венгой после прихода к власти Леопольда VI. Некоторые исследователи, в том числе Краус (*Kraus C. von. Op. cit., S. 73*), считают, что песня могла возникнуть около 1217 г., когда поэт вновь посетил Вену, после того как Леопольд выступил в крестовый поход; последнее обстоятельство вынуждало двор к экономии, и миннезингер не мог найти там желаемой щедрости.

⁶⁻⁸ ...*Так мог бы разве что цвести // У короля Артура я в фаворе.* — В средневековых романах бретонского цикла, созданных на темы кельтских легенд Крегьеном де Труа, старшим современником

Вальтера, двор короля Артура — идеальный мир подлинной куртуазности, благородства и утонченного вкуса.

LXII. «АВСТРИЙСКИЙ ГЕРЦОГ ФРИДРИХ
ПРЕУСПЕЛ...»

(Do friderich vs österrich also gewarp..)

К. У Лахмана № 19, 29.

Песня создана в 1198 г., когда после разрыва с венским двором поэт, переживший впервые скитания, поступает на службу к Филиппу Штауфену.

³ *Я, как журавль, завяз... — Сравнение с журавлем должно символизировать достоинство, которого исполнен был поэт под покровительством покойного Фридриха.*

⁴⁻⁵ *С павлином схож, я ковылял едва-едва, // И до колен моя склонялась голова... — Образ передает униженность Вальтера при герцоге Леопольде.*

LXIII. «КОРОЛЬ ФИЛИПП НЕ СТАР,
КОРОНА ПОДРЕВНЕЙ...»

(Dú krone ist elter danne der kúnig philippes si..)

К, БГ. У Лахмана № 18, 29.

Песня появилась в честь коронации Филиппа Штауфена, состоявшейся летом 1198 г. Страстное восхваление Филиппа, законного наследника короны, связано с политической ситуацией в империи, когда после смерти Генриха VI Штауфена на престол стал претендовать Отто Брауншвейгский из рода Вельфов. По инициативе влиятельного архиепископа Кельнского Адольфа он был также коронован, что привело к двоевластию. Вальтер выступает как яркий приверженец Филиппа.

² *... Нельзя не подивиться, сколько блеску в ней... — Подлинность императорской короны, которую унаследовал Филипп от своего брата Генриха VI, удостоверял прикрепленный сзади драгоценный камень (mhd. der Weisen); слово должно было означать уникальность камня, впрочем скорее мнимую.*

LXIV. «СИДЕЛ Я, БРОВИ СДВИНУВ...»

(Ich sas vf eime steine...)

МГ, К, БГ. У Лахмана № 8, 4.

Шпрук относится, очевидно, к 1198 г. и представляет замечательный образец гражданской лирики Вальтера. В нем тревога поэта по поводу борьбы между Штауфенами и Вельфами. Словесный автопортрет Вальтера, который дается в первых двух стихах, послужил основой для миниатюры в Большой Гейдельбергской рукописи, изобразившей его сидящим на камне в позе, описанной им самим (в подлиннике: Ich saz uf eime Steine). В средневековой немецкой литературе образ сидящего на камне символически выражает печаль (на камне, например, сидит три дня и три ночи легендарный «король Ротер», герой одноименной поэмы неизвестного шпильмана середины XII в.)

²¹ *Забыли мы о праве и покое.* — «Право» и «покой» — слова из присяги, которую приносил король во время коронации. Употребляя их, Вальтер тем самым напоминает королям об их ответственности за нормальную жизнь немецких земель.

LXV. «В РУЧЬЕ СРЕДИ ЛУЖАЙКИ...»

(Ich horte dú wasser diessen...)

МГ, К, БГ. У Лахмана № 8, 28.

Шпрук, выражающий явную поддержку Вальтера династии Штауфенов, является продолжением предыдущего.

²² *Хотяг князьки чужие...* — Речь идет об инземных феодалах, которые, будучи вассалами германского императора, всячески стремились ослабить его власть и провоцировали междоусобицы в немецких землях. Так, например, британский король Ричард Львиное Сердце, несмотря на то что присягнул Филиппу, поддерживал претендовавшего на императорский престол Отто Брауншвейгского, своего племянника.

LXVI. «Я ПОДСМОТРЕЛ СЕКРЕТЫ...»

(Ich sach mit minen ögen. . .)

МГ, К, БГ, У Лахмана № 9, 16.

Шпрух отражает события 1201 г. Вероятно, Вальтер исполнил его в Бамберге, где в том же году Филипп, отлученный от церкви, собрал своих приверженцев, чтобы продемонстрировать свою силу Оттону, которого поддерживал папа.

⁷ *И вышел спор двух королей...* — По предположениям некоторых исследователей (см.: *Vogelweide W. von der Sprüche und Lieder/Hrsg. von Helmut Protze. Halle (Saale), 1963, S. 46*), намек на ссору Филиппа с 14-летним племянником Фридрихом, сыном Генриха VI, прямым наследником по линии Штауфенов.

¹⁰ *... Церковник и мирянин...* — Подразумевается вооруженное столкновение Оттона IV с Филиппом, окончившееся победой последнего.

¹⁶ *... Надели столы вместо лат. // Но церкви разрушали...* — Стола — часть облачения католического духовенства. Вальтер имеет в виду средства, которыми воевала папская партия с Филиппом: в тех церквях, где появлялся отлученный, запрещалось богослужение.

¹⁸ *... Кого хотели — гнали...* — Вероятно, речь идет о священнослужителях, не признававших папского отлучения и сохранивших верность Филиппу.

²² *... Взывал один затворник...* — Монахи-отшельники имели славу врачей и советчиков в разных, в том числе политических, делах. О смысле этого образа у Вальтера см. статью Д. Л. Чавчанидзе.

²³ *... «Он молод, наш святой отец...* — Иннокентий III был моложе всех кардиналов (37 лет). Вальтер пока еще пытается объяснить возмущавшую немцев политику Рима молодостью папы.

LXVII. «В ТОТ ДЕНЬ,
КОГДА СПАСИТЕЛЬ БЫЛ РОЖДЕН...»
(Es gieng eines tages
als vnser herre wart geborn...)

К, БГ. У Лахмана № 19, 5.

К рождеству 1199 г. Филипп II приурочил съезд своих вассалов (*der Hoftag*) в Магдебурге, чтобы запугать северонемецких князей, поддерживавших Оттона IV. Вальтер прибыл туда среди многочисленной свиты Филиппа. Есть предположение, что шпрук был сочинен по поручению князей, желавших выразить Филиппу свою преданность. Исследователи отмечают высокий художественный уровень песни среди всех остальных, касающихся темы короля и политики. К. Х. Хальбах находит в ней «монументальность изображения, свойственную фрескам» (*Halbach K. H. Walther von der Vogelweide. Stuttgart, 1965, S. 65*).

⁴ ...*Брат кесаря, сын кесаря родной...* — Филипп был сыном Фридриха Барбароссы и братом Генриха VI.

⁵ ...*В едином образе, хоть сан его тройной...* — Отождествление с троицей (Филипп — король, сын кесаря, брат кесаря — в одном лице).

⁸ ...*Высокородная супруга шла за ним...* — Жена короля Ирина была дочерью византийского императора Исаака Ангела.

⁹ ...*О роза без шипов, о голубица!* — Постоянные эпитеты богоматери. Ирину, нареченную в Германии Марией, Вальтер сравнивает по ее добродетелям с богоматерью.

¹¹ *С тюрингцами саксонцы были заодно...* — Подчеркивается преданность ландграфа Германа Тюрингского, незадолго до того перешедшего от Оттона на сторону Филиппа. Герцог Бернгард Саксонский нес впереди торжественной процессии королевский меч.

LXVIII. «НЕ ПОСКУПИЛСЯ КОНСТАНТИН...»
(König constantin der gab so vil...)

БГ. У Лахмана № 25, 11.

Шпрух относят к 1201 г., когда Иннокентий III усиленно разжигал борьбу между Филиппом и Оттоном. По другим предположениям, он мог возникнуть в 1213 г., когда папа, задетый попыткой Оттона присоединить Сицилию, отлучил своего подопечного от церкви и в 1212 г. короновал Фридриха II.

- ¹ *He не попустился Константин...* — В начале IV в. римский император Константин объявил христианство официальной религией Рима.
- ³ *...Вверяя Риму крест, копые, корону...* — Крест и копые — атрибуты мученичества Христа, корона — символ власти, якобы предоставленной римским императором христианской церкви.
- ¹⁴ *Попы мирян смиренных соврацают...* — Отлучение от церкви означало и утрату власти над вассалами (так было и с Филиппом, и с Оттоном); это вызвало смуту среди феодалов.
- ¹⁵ *...Нам правду ангел возвестил.* — Ангел, оплакивающий христианский мир — образ из Апокалипсиса: «И видел я, и слышал я одного ангела, летящего посреди неба и говорящего громким голосом: горе, горе живущим на земле...» (VIII, 13).

LXIX. «КОРОЛЬ ФИЛИПП,
НЕДАРОМ ЛЮДИ ГОВОРЯТ...»

(Philippe kúnig die nahe spehenden
zihent dich...)

К, БГ. У Лахмана № 19, 17.

Предполагают, что шпрух мог быть создан по поручению Германа Тюрингского, не раз изменявшего до тех пор каждому из королей. Здесь явно выступает и характерная для средневековых поэтов тема щедрости как основной добродетели сильных мира сего.

- ⁷ *Сказал премудрый Саладин...* — Подобное изречение арабского халифа Саладина нигде не зафиксировано, однако его щедрость и великодушие вошли в поговорку.

- ¹⁰ ... *Король английский выкупился, не скупясь...* — Ричард Львиное Сердце по возвращении из крестового похода оказался на территории Австрии, был взят в плен австрийским герцогом и затем отпущен за большой выкуп.

LXX. «ФИЛИПП, КОРОЛЬ ПРЕСЛАВНЫЙ! ..»
(Philippe kúnig here...)

БГ. У Лахмана № 16, 36.

Песня сочинена в 1204—1207 гг. Возможно, Вальтер исполнял ее во время рейхстага 1206 г. по поручению князей, рассчитывавших склонить короля к щедрым подачкам. Не в последнюю очередь был заинтересован в этом покровитель поэта Герман Тюрингский, у которого король конфисковал владения за его постоянные измены.

⁴ ... *Когда, самодержавный, // Ты стоишь властелинов двух...* — К тому времени Филипп стал как бы «дважды король», так как в 1205 г. его вторично короновал архиепископ Кельнский Адольф, которого Иннокентий III лишил за это должности.

¹³ ... *Так Александр умел царить...* — Александр Македонский в сюжетах средневековых романов изображается как идеальный рыцарь. Наряду с доблестями подчеркивается и необыкновенная его щедрость (например, «Роман об Александре», XII в.).

LXXI. «МНЕ, ПОВАРА, ВНЕМЛИТЕ...»
(Wir svln den kochen raten...)

МГ, БГ. У Лахмана № 17, 11.

Шпрух в комически-аллегорической форме; относится к тому же периоду, что и два предыдущих. Под видом поваров Вальтер выводит советников Филиппа, призывавших короля к экономии. Скрытый за шуткой запальчивый тон автора мог быть связан с тем, что Филипп отказался вернуть владения ландграфу Тюрингскому; в ответ на это ландграф вновь изменил королю, к которому, как можно почувствовать, охладевает и Вальгер. Песня была в свое время популярна в Тюрингии и других землях. Совет Фо-

гельвейде относительно «жаркого» цитирует Вольфрама фон Эшенбах в поэме «Виллехальм» (286, 19. См.: *Eschenbach W. von.* Hrsg. von Albert Leitzmann. 5. Heft. Halle (Saale), 1926, S. 14).

⁸⁻⁹ ... *Что, мясо нарезаю скудно, // Грек промахнулся безрассудно...* — Намек на тестя Филиппа, византийского императора Исаака Ангела, который в 1204 г. был изгнан из своих владений крестоносцами.

¹¹⁻¹² ... *А если в гости захотел // Князь, промотавший свой удел...* — Исаак с сыном нашел приют у Филиппа, пока благодаря его же помощи не получил снова свой престол.

LXXII. «ВСТРЕТИТЕ МЕНЯ ПРИВЕТОМ...»

(*Ir svlt sprechen willekomen...*)

МГ, БГ, Вюрцбургская рукопись. У Лахмана № 56, 14.

Впервые песня была исполнена при венском дворе, куда Вальтер прибыл в свите архиепископа Аквилейского Вольфгера по случаю свадьбы Леопольда VI. Вскоре она стала настолько популярной, что Ульрих фон Лихтенштейн в «Служении даме» вложил в уста одного из персонажей ее строки, что заметил Ф. Пфейфер (*Vogelweide W. von der /* Hrsg. von Franz Pfeiffer. Leipzig, 1864). По выпренному выражению патристических чувств песня ассоциировалась у критиков XIX в. со стихотворением Гофмана фон Фаллерслебена «Германия превыше всего» — под таким названием поместил ее Пфейфер в указанном издании (№ 39). Краус склонен видеть в ее содержании своего рода защиту от «романского духа» (*Kraus C. von.* Op. cit., S. 226). Хальбах оспаривает это мнение, считая, что по своему нравственному содержанию песня Вальтера скорее предваряет такие стихотворения, как «Немецкое величие» Шяллера или «Германия» Гельдерлина (*Halbach K. X.* Op. cit., S. 67). Новую трактовку дает Х. Витт. находя в песне иронию по отношению к типично куртуазному воспеванию дамы и прославление, вопреки последнему, очарования не-

мецкой женщины без упора на ее сословную принадлежность (см.: *Vogelweide W. von der Frau Welt, ich hab von dir getrunken*. В., 1979, S. XXXI). Последние две строфы — характерное для Вальтера вpletенные мотива любви (служения) в песню нелюбовного содержания.

- ¹⁷ *Немец блещет воспитаньем*. . . — Возможно, ответ на поношения Пейре Видаля, которые, безусловно, были известны Вальтеру: «Немцы неизысканны и грубы, и если кто-либо из них претендует на куртуазность, — это смертельная тоска и печаль» (№ 14 в издании: *Grundriss zur Geschichte der provenzalischen Literatur / Hrsg. von Karl Bartsch*. Elberfeld, 1872). Такая враждебность к немцам могла быть отражением настроений французской верхушки, интересы которой сталкивались постоянно с интересами немецких королей в Италии.

LXXIII. «ВЛАДЫКА КЕСАРЬ, ПОСМОТРИТЕ. . .»

(Herre keiser ir sit willekomen. . .)

МГ, К, БГ. У Лахмана № 11, 30.

В 1208 г. Вальтер поступает на службу к Оттону IV, который вскоре после коронации в 1209 г. вызвал неудовольствие Рима, в 1210 г. был отлучен от церкви и особенно нуждался в поддержке князей. В марте 1212 г. он собрал своих вассалов во Франкфурте; по-видимому, там Вальгер, прибывший в свите маркграфа Дитриха Мейсенского, исполнил свой приветственный шпрук.

- ⁷⁻⁸ *Союзник непритворный // Верней других служить горазд*. . . — На самом деле против Оттона был составлен заговор князей, которые высказывались на съездах в Наумбурге, Бамберге и Нюрнберге в пользу юного Фридриха Штауфена, чтобы ослабить императорскую власть.

- ¹⁰⁻¹¹ *Нет, мейсенец покорный // Вовеки государя не предаст*. . . — Вряд ли преданность Дитриха Мейсенского тогда была столь бесспорной, так как уже через год он изменил Оттону.

LXXIV. «ВЛАДЫКА ПАПА, В ВАШЕЙ ВЛАСТИ...»

(Herre babest ich mac wol genesen...)

К, БГ. У Лахмана № 11, 6.

В 1211 г. отлучение Оттона стало известно немецким князьям и освободило их от присяги. В то же время оно вызвало у многих недовольство папой, поскольку его акция против императора была явно своекорыстной; именно об этом говорит и Вальтер.

**LXXV. «БОГ СТАВИТ КОРОЛЕМ,
КОГО ЗАХОЧЕТ ОН...»**

(Got git zekúnige swen er wil...)

МГ, БГ. У Лахмана № 12, 30.

Относится, как в предыдущий шпрух, к 1212 г.

LXXVI. «КОГДА СКИТАЛСЯ ПО МИРУ ХРИСТОС...»

(Do gotes svn hie in erde gie...)

МГ, К, БГ. У Лахмана № 11, 18.

Пересказ притчи о динарии кесаря (Ев. от Матфея, XXII, 17—21) — своеобразная форма протеста против ущемления полноты власти короля со стороны папы.

LXXVII. «РАСПРОСТРАНИТЕ, КЕСАРЬ, ШИРЕ...»

(Her keiser swenne ir tútschen vride...)

МГ, БГ. У Лахмана № 12, 18.

По мнению большинства исследователей, шпрух обращен к императору Оттону, одив только Уланд связывает его с Фридрихом II (см.: *Uhländ. Gesammelte Werke: In 6 Bd. Stuttgart, S. a. Bd. 6*). С самого начала своего правления Оттон IV благодаря особой строгости сумел добиться мира между немецкими феодалами, который не нарушался даже в его отсутствие, во время его похода в Италию. Это весьма одобрял Вальтер, противник феодального партикуляризма.

⁶ ...Язычникам являя божью славу. — Речь идет о крестовом походе.

⁸⁻⁹ ... *Орлиным духом, силой льва; // Двойным гербом ваш добрый щит украшен.* — Во время коронации Оттон нес щит с изображением орла и трех львов. Вальтер истолковывает это как символ силы (лев) и щедрости (орел всегда оставляет часть своей добычи малым птицам).

LXXVIII. «С ВЕЛЕНЬЕМ БОЖЬИМ, КАК ПОСОЛ...»
(Her keiser ich bin vrone botte...)

МГ, БГ. У Лахмана № 12, 6.

Шпрух был приурочен к съезду, собранному Оттоном IV в 1212 г. во Франкфурте. В нем выражен призыв к крестовому походу, который Оттон еще до отлучения обещал папе. Вальтер, однако, вовсе не упоминает о папе, считая мир поделенным между богом (небеса) и императором (земля).

LXXIX. «НЕЛЬЗЯ НЕ ЖАЛОВАТЬСЯ НАМ:
БЕДА БЕДУ ПРОРОЧИТ»
(Uvir clagen alle vnd wissen doch niht
was vns wierret)

К. У Лахмана № 33, 11.

¹⁰ *Иуды старого Иуда стоит новый.* — С Иудой, предавшим Христа, поэт сравнивает папу, нарушающего христианские заповеди.

LXXX. «ПРЕСТОЛ СВЯТЕЙШИЙ В РИМЕ
УПОДОБИТЬ СМЕЮ...»
(Der stûl ze rome ist nv berihtet rehte...)

К, БГ. У Лахмана № 33, 21.

Сравнение Иннокентия III с папой Сильвестром II (999—1003), носившим в миру имя Герберт. Сильвестр II, отличавшийся большими для своего времени естественнонаучными интересами и познаниями, прослыл колдуном и безбожником.

⁴ ... *Так Рим на верующих навлекает кары.* — Подразумевается, что папа, навязывая христианам свою волю, обрекает их на грех.

- ⁶ ... «*О господи, проснись в небесном вертограде!* — Вариация одного из псалмов Ветхого завета: «Встань, что спишь, Господи! пробудись, не отринь навсегда» (XLIII, 24).
- ⁸ ... *Твою сокровищницу грабит произвол...* — Вальтер имеет в виду, что пожертвования верующих папа гратит на собственные нужды.
- ¹⁰ ... *Твой пастырь — хищный волк в твоём овечьем стаде!* — Обвинение папе в надругательстве над долгом, возложенным на духовенство, согласно Евангелию: «Я посылаю вас, как овец среди волков...» (Ев. от Матфея, X, 16).

LXXXI. «КАК НАБОЖНО ПАПА СМЕЕТСЯ,
КАК СВЯТО КАЖДОЕ СЛОВО...»

(Ahi wie kristenliche nv der babest lachet...)

МГ, БГ. У Лахмана № 34, 4.

- ² ... *Когда своим чужеземцам...* — Подразумевается: своему окружению (итальянцам). римскому духовенству.
- ⁴ ... *«Теперь у меня два немца под одной короной сидят.* — Когда папа короновал в 1212 г. Фридриха II, в Германии снова наряду с Оттоном IV появился второй король.
- ⁶ *Мы будем ларцы набивать, не упустив ни минуты.* — Ларцы для сбора пожертвований, которые Иннокентий III ввел на пасху 1213 г.

LXXXII. «СКАЖИТЕ, КРУЖКА, МНЕ,
ВАС ПАПА ПОСЫЛАЕТ...»

(Saget an her stoc hat úch
der babest har gesendet...)

БГ. У Лахмана № 34, 14.

Шпрух на ту же тему, что и предыдущий, нашел большой отклик. Однако обличения Вальтера попытался оспорить Томазия Циркларийский, отличавшийся устойчивыми папскими симпатиями: он был каноником и в то же время вассалом архиепископа Аквилея Вольфгера, сторонника Фридриха II, под-

держиваемого папой. В своем стихотворении «Итальянский гость» Томазин, отдавая должное Вальтеру как певцу любви, упрекает его в несправедливости к папе.

¹ Скажите, кружка, мне... — Церковная кружка для пожертвований.

³ ... Чтобы сокровища стекались в Латеран? — Латеран — папский дворец в Риме.

⁷ ... Но до Святой земли дойдет не много серебра. — Введение дополнительных поборов папа объяснял необходимостью накопить средства для крестового похода; Вальтер склонен считать, что эти средства большей частью будут присвоены римским духовенством.

LXXXIII. «ЕПИСКОПЫ, ЦЕРКВИ КНЯЗЬЯ,
И ВЫ, ВСЕ МОНАХИ НА СВЕТЕ...»

(Ir bischofe vnd ir edelen pfaffen
ir sit verleitet...)

МГ, БГ. У Лахмана № 33, 1.

Предостережение немецкому духовенству, которое с благословения папы богатеет на симонии (продаже церковных должностей). Слово происходит от имени Симона Волхва, который просил апостола Петра продать ему дар чудотворца (Деяния святых апостолов, VIII, 18—20).

³ Ключи святого Петра ему достались от бога... — По католической версии, папа — преемник апостола Петра, который считается первосвященником Рима.

LXXXIV. «КОГДА КОРЫСТНАЯ ПОПОВСКАЯ РУКА...»

(Solte ich den pfaffen raten
an den trúwen min...)

К, БГ. У Лахмана № 10, 25.

Шпрух содержит в скрытой форме совет императору, по-видимому Оттону IV, конфисковать владения церкви, чтобы ослабить ее оппозицию.

LXXXV. «НЕ СОВРАТИТЬСЯ СЕРДЦЕ
В ЭТОТ ВЕК НЕ МОЖЕТ...»
(Swelh herze sich bi disen ziten
niht verkeret..)

МГ, БГ. У Лахмана № 34, 24.
Относится, вероятно, к 1213 г.

¹⁰ ... *И остается только плакать схимнику святому.* —
См. песня LXVI, ст. 22.

LXXXVI. «ВОСПЕТЫЙ МНОЮ СХИМНИК СТАРЫЙ
ВНОВЬ СКОРБИТ...»
(Min alter klosenere von dem ich so sanc..)

К, БГ. У Лахмана № 10, 33.
Еще одно обращение к Оттону IV с призывом
сломить экономическую силу церкви.

LXXXVII. «ВЕСЬ ХРИСТИАНСКИЙ МИР В РАЗБРОДЕ,
БОГ — СВИДЕТЕЛЬ...»
(Dv cristenhait gelept nie
so gar nach wane..)

К. У Лахмана № 33, 31.

¹⁰ *Какая книга духовенству служит сводней?* — Вальтер стремится уличить священников в полном пренебрежении к заповедям Библии.

LXXXVIII. «МНЕ ТЕГЕРНЗЕЕ ХВАЛИЛ
ЗНАКОМЫЙ ЛЮД...»
(Man seit mir ie von tegerse..)

БГ. У Лахмана № 104, 23.

Шпрух сочинен между 1209 и 1211 гг. В бенедиктинском монастыре Тегернзее Вальтер встретил холодный прием (см. статью Б. И. Пуришева). Это могло быть выражением антипатии настоятеля монастыря (вероятно, им был аббат Бертольд, человек уважаемый и влиятельный) к кому-либо из феодалов, с которыми тогда был связан поэт.

⁸⁻⁹ *Поставили мне воду, // И, мокрый, дал я ходу...* — За общим столом, где кормили странни-

ков, подавали воду для омовения рук после еды (так как жирные блюда в то время за отсутствием вилок ели руками), но не предлагали полотенца.

LXXXIX «ЛАНДГРАФУ Я СЛУЖУ,
МОЙ ВЫБОР НЕ НАПРАСЕН...»

(Ich bin des milten lantgrauen ingesinde...)

МГ, БГ. У Лахмана № 35, 7.

Восхваление ландграфа Германа Тюрингского, человека образованного и щедрого. Благодаря его славе мецената возникло предание о состязании миннезингеров в Вартбургском замке (одна из иллюстраций в БГ изображает ландграфа и его супругу во время этого состязания). В политическом отношении ландграф был человеком беспринципным и вовсе не жаждал политического единства страны в отличие от Вальтера. Песня относится к 1213—1217 гг.

XS. «ЗЛОЙ ГЕРХАРД АТЦЕ, ЧЬЯ ВИНА...»

(Mir hat her gerhart azze ein pfert...)

БГ. У Лахмана № 104, 7.

Относится ко времени второго пребывания Вальтера при тюрингском дворе (к 1207 г.), по другим предположениям — к 1201—1203 гг., когда поэт впервые покидает Тюрингию. Герхард Атце одновременно с Вальтером состоял на службе у ландграфа Германа. Комически-драматическая ситуация в стихотворении раскрывает униженность Вальтера-министра по сравнению с теми, кого посвящали в рыцари ударом меча; в частности, ему не обязательно было иметь коня.

⁹ *Мол, без перста бедняга...* — В средние века это считалось позором, так как палец отрубали вора и клятвопреступникам.

¹¹⁻¹² ...*Перст откусил коняга, // Лошадки той родня.* — См. статью Б. И. Пуришева.

ХСІ. «ТЫ ХОЧЕШЬ, ДИТРИХ, КО ДВОРУ?..»
(Rit ze hove dietrich..)

БГ. У Лахмана № 82, 11.

Насмешка над Герхардом Атце — отголосок истории, рассказываемой в предыдущей песне. Дитрих, по-видимому, кнехт Вальтера (возможно, именно он ездил на лошади, которая была застрелена).

⁷ На кошку золотую сядь, счастливый! — Наиболее вероятным из всех предположений исследователей стоит считать объяснение со ссылкой на словарь Гримма: золотая кошка — маленькая буланая лошадь (см., напр.: *Vogelweide W. von der. Lieder und Sprüche / Mit Erläuterungen von Richard Schaeffer. Leipzig, s. a., S. 36*).

⁸ А Герхард Атце чем не конь ретивый? — Atze — диалектное звучание (в Эйзенахе) esel (осел).

ХСІІ. «ТОМУ, КТО НЕМОЩЕН,
А ТО И ПРОСТО ХВОР...»
(Der in den oren siech von vngesvhte si..)

К. У Лахмана № 20, 4.

Воздавая должное щедрости ландграфа Тюрингского, Вальтер в то же время укоряет его за постоянную готовность покровительствовать кому попало. При его дворе часто подвизались забияки типа Герхарда Атце, которые провоцировали поединки между рыцарями и развлекались, нападая на странствующих артистов.

ХСІІІ. «НАС ВЫТЕСНЯЕТ НАГЛЫЙ СВРОД...»
(Vns irret einer hande diet..)

БГ. У Лахмана № 103, 29.

Шпрух, по-видимому, составляет продолжение предыдущего и также связан с атмосферой тюрингского двора. Но содержание его, по сути дела, шире — оно сводится к осуждению некуртуазного поведения в среде рыцарства.

XCIV. «ВАМ, ФОЛЬКНАНТ, НЕ ПРИСТАЛО...»

(Her volcnant habt irs ere...)

МГ, БГ. У Лахмана № 18, 1.

¹ *Фолькнант* — В БГ Викман — неизвестное лицо, может быть, при том же тюрингском или мейсенском дворе.

⁹ ...*Петь больше вас ему дано...* — Можно заключить, что адресат песни, обидевший Вальтера своей критикой, сам был певцом.

XCV. «ГОРЕ ПЕСНЯМ БЛАГОРОДНЫМ...»

(Owe houeliches singen...)

БГ. У Лахмана № 64, 31.

Песня, содержащая сегования на упадок придворного искусства, направлена против Нейдхарта фон Рейенталя (1180—1245). Хоть сам Вальтер в свои песни на тему «низкой любви» вводил реалии простонародного быта, в «деревенском миннезанге» его раздражала грубая прямота изображения любовных отношений, всегда столь изысканно оформленных в поэзии кургуазной.

³⁹⁻⁴⁰ *Пусть в хоромы мужичья идет, // Для него там благодать.* — «Деревенский миннезанг», хотя это был, так сказать, антимииннезанг, в сущности не был крестьянским искусством. Более того, отношение крестьянства к Нейдхарту было столь недоброжелательным, что он стал отрицательным персонажем народного творчества («Игра о Нейдхарте», XIV в., цикл шванков «Нейдхарт Лис», XV в.)

XCVI. «АХ, ГОСУДАРЬ, ПРОСТИТЕ!..»

(Nv söl der keiser here...)

МГ, БГ. У Лахмана № 105, 13.

В 1212 г. Отгон осадил войско ландграфа Тюрингского, возглавившего заговор князей. Вальтер пытается защитить его перед императором.

¹⁰⁻¹¹ ...*Сперва друг друга обкрадут, // Потом друг друга предадут...* — Вальтер подразумевает преда-

тельство заговорщиков, которые сдались императору и пытались снять с себя вину, — герцога Людвига Баварского и маркграфа Дитриха Мейсенского.

ХСVII. «ПРИВЕТ ХОЗЯИНУ!»
В ОТВЕТ ПОМАЛКИВАТЬ МНЕ НУЖНО...»

(Sit willekomen herre wirt
dem grüsse mîs ich swigen...)

МГ, К, БГ. У Лахмана № 31, 23.

Песня содержит распространенную у средневековых певцов просьбу о пожаловании жилища. Обращена, по-видимому, к Оттону IV и относится к 1213 г. Это последнее из стихотворений, восхваляющих Оттона.

¹⁰ ...*Гостеприимный заживет в довольстве новом.* — К тому времени средства Оттона были истощены. Именно на это намекает Вальтер, уверяя, что император обретет новое благополучие, если облагодетельствует бездомного поэта.

ХСVIII. «БОГАТСТВО МНЕ СУЛИЛ
ВЫСОКОРОДНЫЙ ОТТО...»

(Ich han hern otten trûwe
er welle mich noch richen...)

МГ, БГ. У Лахмана № 26, 23.

Песня относится к 1213—1214 гг., когда в немецких землях все более связывают надежды с Фридрихом II.

⁸ *Вы, господин мой Отто, человек дурной...* — Для Вальтера Оттон — уже не король, а просто некий «господин», от которого нельзя ожидать королевской щедрости.

¹⁰ ...*Вознаградит меня король, никто иной.* — Речь идет о Фридрихе как о единственном настоящем короле.

ХСІХ. «У ГОСПОДИНА ОТТО
ЩЕДРОСТЬ ИЗМЕРЯЯ...»

(Ich wolte hern otten milte
nach der lenge messen...)

БГ. У Лахмана № 26, 33.

В этом шпрухе, как и в предыдущем, дается сравнение двух королей — Оттона и Фридриха — опять же в пользу последнего.

³ ...*Берет он ростом, в добродетели теряя.* — Оттон IV отличался высоким ростом.

С. «ОТ ЛЮДВИГА С ПРИВЕТОМ...»

(Mir hat ein liet von franken...)

МГ, БГ, пергаментный л. (Мюнстерский гос. архив).
У Лахмана № 18, 15.

Людвиг Баварский, почитатель таланта Вальтера, прислал ему с Дитрихом Мейсенским, у которого одно время жил поэт, франкфуртскую песню. Князья, очевидно, встречались в 1211 г в Бамберге, где впервые шла речь о короновании Фридриха, которого оба они тогда поддерживали. Стихотворение может относиться к 1212 г.

СІ. «ПУСТЬ МЕЙСЕНЕЦ МНЕ ПЛАТИТ...»

(Der missenere solde...)

МГ, БГ. У Лахмана № 105, 27.

Разрыв с Дитрихом Мейсенским происходит в 1213 г., когда, как предполагают, Вальтер окончательно потерял надежду стать придворным поэтом маркграфа.

⁷ *Мне за хвалу хвала нужна.* — Придворным поэтом Дитриха, который (в отличие от ландграфа Тюрингского, поощрявшего всякое искусство без разбора) оставался приверженцем строго куртуазной поэзии, был Генрих фон Морунген. Зимой 1210—1211 гг. Вальтеру пришлось состязаться с ним при дворе маркграфа, где предпочтение, по-видимому, было отдано Морунгену.

СII. «БЫЛ МЕЙСЕНЦУ Я ВЕРЕН...»

(Ich han dem missenere...)

МГ, БГ. У Лахмана № 106, 3.

Вальтер намекает на то, что не раз преувеличивал верность Дитриха в глазах императора Оттона.
⁵⁻⁶ ...*Моя была бы воля, // Его бы я короновал.* — Возможно, подразумеваются связи Дитриха с богемским престолом. Сестра Дитриха Адела была женой богемского короля Отокара, который порвал с ней и выслал ее из своих владений. После этого Дитрих ходатайствовал перед Оттоном о возведении на богемский престол своего племянника, старшего сына Аделы.

СIII. «БЫЛ КАРИНТИЕЦ ЩЕДР,
ДАРИЛ ОН ТОРОВАТО...»

(Ich han des kernders gabe dike enfangen...)

МГ, БГ. У Лахмана № 32, 17.

Герцог Бернгард Каринтийский, неоднократно оказывавший поддержку Вальтеру, однажды, как явствует из шпруха, не подарил ему обещанного платья. В шпрухе, помимо личной обиды, скрывается мораль: лучше быть бедным, но честным.

СIV. «С ПРИДВОРНЫМИ ГОТОВ СРАВНИТЬ Я
НАГЛЕЦАМИ...»

(Ich en weis wem ich gelichen
m^vs die hovebellen...)

МГ, К, БГ. У Лахмана № 32, 27.

Предыдущее стихотворение, видимо, было использовано придворными герцога Каринтийского для того, чтобы очернить перед ним поэта, якобы обвинившего его в нарушении слова. Это недоразумение (относится примерно к 1214 г.), как можно заключить, глубоко расстроило Вальтера.

² ...*Мышей, назойливо снующих с бубенцами...* — Пойманной мыши привязывали бубенчик и снова отпускали, чтобы она звоном отгоняла других мышей; так представляет Вальтер льстецов-придворных, готовых разогнать всех вокруг своего господина.

CV. «Я ПЛАЧУ, РЕЙНМАР, О ТЕБЕ...»
(Dest war Reimar dv rúwest mich...)

БГ, приложение к МГ. У Лахмана № 83, 1.

Венский миннезингер Рейнмар фон Хагенау умер между 1207—1210 гг. Возможно, песни на смерть Рейнмара Вальтер исполнял перед австрийским герцогом.

¹⁰⁻¹¹ ... Чудесных песен больше нет! // Увы, я жив, но их уже не стало. — В пору, когда умирает Рейнмар, Вальтер вновь тяготее к куртуазному искусству. Это было в значительной степени следствием его глубокого раздражения против «деревенского миннезанга».

CVI. «НИ МУДРОСТЬ, ЧЕСТЬ, НИ СИЛА СЛОВА...»
(O we daz wisheit vnde jugint...)

Приложение к МГ. У Лахмана № 82, 84.

¹⁰⁻¹¹ Когда б ты спел одно лишь это: // «Восславься, женцинал!..» — Вальтер цитирует одну из песен Рейнмара — «Поют не от хорошей жизни...» (см. раздел «Дополнения»). В свое время эта песня была сочинена Рейнмаром в ответ на нападки Вальтера.

CVII. «ТРИ СЛАВЯТСЯ ДВОРА,
ТРИ ДОБРЫХ ВЛАСТЕЛИНА...»

(Die wile ich drie hove weis
so lobelicher manne...)

МГ, БГ. У Лахмана № 34, 34.

Стихотворение создано около 1217 г., незадолго до смерти архиепископа Вольфгера.

³ ... Почтенный патриарх принять меня готов... — Вольфгер не раз помогал Вальтеру в нужде (см. статью Б. И. Пуришева). Кроме того, именно благодаря ему поэт смог в 1203 г. появиться в Австрии после ссоры с венским двором.

⁵ А Леопольд Австрийский, князь благословенный... — В эти годы Вальтер снова посещает Австрию и

пытается наладить отношения с Леопольдом VI.

⁸⁻⁹ ... Лишь дядюшка его сравниться может с ним, //
Как добрый Вельф... — Дядя Леопольда VI Генрих
фон Медлинг. Вальтер сравнивает его с Вельфом VI
Баварским, который любил роскошную жизнь и
промотал огромное состояние.

¹⁰ ... Зачем скитаться мне, здесь мой приют бесцен-
ный! — После смерти Рейнмара фон Хагенау Валь-
тер неоднократно предпринимал попытки посе-
литься в Австрии.

CVIII. «ПРИУМЕНЬШАТЬ НАМ НЕТ ОХОТЫ...»

(Ob ieman spreche der nv lebe...)

БГ. У Лахмана № 25, 26.

Песня восхваляет щедрость Леопольда VI во время
одного из праздников — по поводу его бракосочетания
в 1203 г. или позднее, в честь посвящения в рыцари
его сына, Леопольда VII.

¹⁴ ... Для виноватых государево прощенье... — Ви-
димо, австрийский герцог не вспоминал о разрыве,
происшедшем некогда между Вальтером и его при-
дворными, и поэт был благодарен ему за это.

СIX. «АВСТРИЙСКИЙ ГЕРЦОГ,
ВЫ НЕДАРОМ ОТЛУЧИЛИСЬ...»

(Herzoge vs ðsterriche
es ist iv wol ergangen...)

БГ. У Лахмана № 28, 11.

СX. «В ТОТ ГОД, КОГДА В ПОХОД НАШ ЛЕОПОЛЬД
СОБРАЛСЯ...»

(Do lúpolt spart vf gotes vart
vf kúnftige ere...)

МГ, БГ. У Лахмана № 36, 1.

Оба шпруха относятся ко времени возвращения
герцога Австрийского из крестового похода в 1219 г.

СXI. «ВСЕ ТРИ ЗАБОТЫ ДВИЖУТ МНОЮ...»

(Drie sorge hab ich mir genommen...)

БГ. У Лахмана № 84, 1.

В песне звучит тоска Вальтера по Вене, куда он всегда стремился, особенно после смерти Рейнмара, надеясь занять место придворного поэта.

СXII. «ОТНЫНЕ Я ГОРАЗДО РЕЗЧЕ ЗАПЕВАЮ...»

(Nv wil ich mich des scharfen sanges
ðch genieten...)

МГ, БГ. У Лахмана № 32, 7.

Шпрух того же периода, что и предыдущий; в нем также выражено желание поэта добиться признания у венского двора.

⁵ *Невежами в изысканности уличенный...* — Основоположник «деревенского миннезанга» Нейдхарт фон Рейенталь не раз высмеивал и пародировал чересчур куртуазный для него стиль Вальтера.

⁸ *...Здесь в Австрии учился я напевам...* — См. статью Б. И. Пуришева.

¹⁰ *...Утешит Леопольд меня, и я воспряну, излеченный.* — Вальтер рассчитывает найти своих ценителей в Вене, среди почитателей искусства, воспитанных на поэзии Рейнмара.

СXIII. «ЛЕОПОЛЬД АВСТРИЙСКИЙ,
ПОЗВОЛЬ С ЛЮДЬМИ ОСТАТЬСЯ...»

(Lýpolt vs ðsterriche la mich bi den lúten...)

МГ, БГ. У Лахмана № 35, 17.

В стихотворении, сочиненном в 1219 г., содержится просьба к герцогу, выраженная, однако, в довольно резком тоне. Исследователи предполагают, что Леопольд, отказывая Вальтеру, обыгрывал его имя: человеку из «птичьего выгона» (Vogelweide — птичий выгон) не место при дворе.

² *...Пошли меня хоть в поле...* — Возможно, ответ Вальтера на обидный намек относительно его имени.

- ³ *Меня ты в дебри гонишь...* — В средние века приговорить к одинокой жизни в лесу было одной из строгих мер наказания преступника. «In den Wald wünschen» соответствовало выражению «послать к черту».

СХIV. «ВО ИМЯ ГОСПОДА АМИНЬ;
НАЧАТЬ НАСТАЛО ВРЕМЯ...»

(In nomine domini ich wil beginnen
sprechent amen...)

МГ, К, БГ. У Лахмана № 31, 33.

- ¹ *Во имя господ аминь...* — Лат. in nomine domini — постоянный в средние века оборот для начала речи особо важного содержания.
- ² ... *Произрастает пышно дьявольское семя...* — Прощетание грубости поэт рассматривает как один из тяжелых грехов современного мира.
- ⁶ ... *Пою изысканней, теснят меня тем паче...* — Вальтера глубоко огорчало, что его традиция «высокого миннезанга» не принесла ему славы и при венском дворе, куда после Рейнмара, вероятно, тоже проникла мода на «деревенский миннезанг».

СХV. «Я ПРЕДАН БОГЕНУ ВПОЛНЕ...»

(Ich bin dem bogenere holt...)

БГ. У Лахмана № 80, 27.

Шпрух относится ко времени пребывания Вальтера в Вюрцбурге. Речь идет о графе Дитрихе II Катценелленбогене, вассале епископа Вюрцбургского, друге Германа Тюрингского.

- ⁴ ... *Он русских и поляков приветует...* — Оба эти народа были известны в Западной Европе. Русь, например, упоминается в Саге о Ньяле (конец XIII в.). Однако Вальтер, по-видимому, подразумевает просто иноземных артистов, которых принимал Катценелленбоген (чаще чужеземцев в подобных случаях называли греками).

СХVI. «МНЕ РЫЦАРЬ ПОДАРИЛ АЛМАЗ...»

(Den diemant den edelen stein..)

БГ. У Лахмана № 80, 35.

Шпрух посвящен тому же Дитриху II Катценелленбогену.

СХVII. «НУЖДАЕТСЯ В СОВЕТЕ
МОЛОДОЙ ЛАНДГРАФ...»

(Swer an des edeln lant grauen rate si..)

БГ. У Лахмана № 85, 17.

Единственный шпрух, обращенный к молодому ландграфу Тюрингскому Людвигу, сыну Германа, с призывом принять участие в крестовом походе. Людвиг, умерший на пуги в Палестину в 1227 г. от эпидемии, был позднее причислен к лику святых.

СХVIII. «ТРИ ЛАДА У МЕНЯ,
И ВСЕХ ВОСПЕТЬ Я РАД...»

(Ich drabe da her vil rehte
drier slahte sanc..)

БГ. У Лахмана № 84, 22.

Можно предполагать, что шпрух адресован архиепископу Энгельбрехту Кельнскому, который намеревался поручить Вальтеру воспитание императорского сына Генриха. Вальтер раздумывает, какой «лад» выбрать в этом ответственном деле, и считает, что только сам король может подсказать ему верный путь. Здесь он еще не называет Фридриха II императором, следовательно, шпрух написан до осени 1220 г.

СХIX. «ЕПИСКОП КЕЛЬНСКИЙ,
РАДОВАТЬСЯ ВАМ ДАНО...»

(Von kölne werder bischof sint
von schulden fro..)

БГ. У Лахмана № 85, 1.

На время своего отсутствия в предполагаемом крестовом походе Фридрих II назначил в 1220 г. правителем архиепископа Кельнского.

- ² ... *Вы государству зерой-правдой служите давно...* — Энгельбрехт Кельнский строгими мерами сдерживал столкновения между князьями, что приносило большую выгоду немецким купцам и способствовало улучшению экономического положения в немецких землях.
- ⁵ ... *Для вас король и князь — питомцы все равно...* — Архиепископ был опекуном и наставником несовершеннолетнего, а уже коронованного тогда Генриха VII.
- ⁶⁻⁸ ... *Трех государей страж...* // ... *Одиннадцати тысяч дев достоинный вы хранитель.* — В кафедральном соборе Кельна хранились, согласно преданию об императоре Карле, мощи трех королей и одиннадцати тысяч девственниц, принявших участие в боях с сарацинами.

СХХ. «ПРАВИТЕЛЬ КЕЛЬНА,
ПЕСНЕЮ ПРОСЛАВЛЕННЫЙ МОЕЮ...»
(Swes leben ich lobe des tot den wil ich
iemer klagen...)

БГ. У Лахмана № 85, 9.

Строгое правление Энгельбрехта закончилось его убийством в ноябре 1225 г. Хотя это было личной местью его племянника, графа Альтона-Изенбургского Фридриха, за убийцей стояла целая группа феодалов, недовольных архиепископом. По его указу в 1224 г. они лишались права на дорожную пошлину. Согласно другому указу, объявлялись недействительными присяги между вассалами императора, что должно было способствовать централизации немецких земель. Шпрух создан до того, как убийца был схвачен.

СХХІ. «О КНЯЗЬ АПУЛИИ,
ХРАНЯЩИЙ ВЕЧНЫЙ ГРАД...»
(Von rome voget von pülle kunic lat
úch erbarmen...)

БГ, пергаментный л. (Мюнстерский гос. архив).
У Лахмана № 28, 1.

Обращение к Фридриху II с просьбой о выделении лена, возможно, во время Франкфуртского рейхстага весной 1220 г. или несколько ранее, опять же судя по тому, что Фридрих еще не именуется императором.

¹ *О князь Апулии, хранящий Вечный град...* — Апулия — область в Южной Италии, принадлежавшая Фридриху II. Вечный град — Рим, к югу от которого были расположены земли Фридриха, считавшегося по своим итальянским владениям вассалом папы.

¹¹ *... И бог спасет вас от невзгод.* — В это время Фридрих II нуждается в деньгах и в людях для крестового похода, а также прилагает усилия, чтобы сделать королем Сицилии своего сына Генриха и тем самым присоединить эту область к империи.

СХХII. «ЕСТЬ У МЕНЯ УДЕЛ,
УДЕЛОМ Я ВЛАДЕЮ...»

(Ich han min lehen al die werlt
ich han min lehen...)

БГ, пергаментный л. (Мюнстерский гос. архив).
У Лахмана № 28, 31.

Благодарственная песня, сочиненная после того, как Фридрих II пожаловал поэту ленное владение, по-видимому, в Вюрцбурге. Вальтер, таким образом, стал вассалом Штауфенов.

СХХIII. «ВЕЛИКИЙ РИМСКИЙ КЕСАРЬ,
МНЕ СТАЛО ТАК СВЕТЛО...»

(Von rome keiser herre ir hant also getan...)

БГ. У Лахмана № 84, 30.

Обращение к Фридриху II уже как к императору позволяет думать, что песня относится к 1221—1222 гг. Образ свечи, вручаемой вассалу и обжигающей ему брови, был символом ленных отношений; Вальтер использует его, чтобы сказать о благодеянии императора, выделившего поэту лен.

СХХIV. «МОЙ ГОСПОДИН КОРОЛЬ
МНЕ ВЫДАЛ ТРИДЦАТЬ МАРОК. . .»

(Der kúnic min herre lech mir gelt
ze drissec marken. . .)

БГ, пергаментный л. (Мюнстерский гос. архив).
У Лахмана № 27, 7.

Имение, которое получал Вальтер, приносило 30 марок годового дохода (для сравнения укажем, что, например, хороший конь стоил 3 марки).

³ *... Иль по морю пустить, еде столько разных барок?* — На свои средства Вальтер мог зафрахтовать суда, которые перевозили из Германии в Англию вино.

⁸ *Попам считать мои сокровища вольно.* . . — Речь идет о церковной десятине, которая могла составлять 1/20 дохода, или о налоге в пользу крестового похода.

СХХV. «ГОНЕЦ, ТЫ ГОСУДАРЮ МОЙ
ПЕРЕДАЙ СОВЕТ. . .»

(Botte sage dem keiser sines armen
mannes rat . .)

К, БГ. У Лахмана № 10, 17.

Шпрух появился в связи с тем, что Фридрих II все время откладывал крестовый поход, намеченный на 1217 г. Когда, наконец отправившись в Палестину, император на пути заболел и вернулся в 1227 г., возмущенный папа Григорий IX отлучил его от церкви. Вальтер хорошо понимал, что отлучение императора весьма усложняет ситуацию в стране.

² *... Хоть беден я, но верен; сомнений в этом нет.* — Вальтер противопоставляет себя крупным феодалам, которые в отличие от него не были сторонниками похода.

⁶ *Достойны верные попы вознагражденья.* . . — Подразумевается часть духовенства, которая игнорировала отлучение Фридриха.

⁸ *... Так что, не лучше ли отнять поповские владенья?* — Как когда-то Оттону IV, Вальтер советует

Фридриху конфисковать церковные земли, видя в этом верное средство сломить силу папы.

СХХVI. «КНЯЗЬЯ, БЕЗ КОРОЛЯ
ВЗЫГРАТЬ ВЫ ВСЕ ГОТОВЫ...»
(Ir fürsten die des kúniges gerne
werent ane...)

БГ. У Лахмана № 29, 15.

Шпрух отражает резко критическое отношение Вальтера к придворным Фридриха II и его вассалам, князьям. Император оттягивал крестовый поход, чтобы успеть короновать своего сына Генриха. Многих из феодалов устраивала эта задержка: они жалели средства, может быть, рассчитывали и на ухудшение отношений между императором и папой.

СХХVII. «МНЕ ЗАДАЮТ ВОПРОСЫ,
ЧТО ВИДЕЛ Я НЕДАВНО...»
(Si fragent mich vil dike
was ich habe gesehen...)

БГ. У Лахмана № 84, 14.

Речь идет о собранном королем Генрихом VII съезде в Нюрнберге, на котором присутствовал Вальтер, в 1224 г., еще при жизни архиепископа Кельнского.

⁴ Судили в Нюрнберге, как водится, отменно... — Именно на этом съезде были приняты судебные указы об отмене дорожных пошлин и вассальных присяг.

⁸ ...Однако Леопольд в гостях был щедрым неизменно. — Вальтер, уже окончательно прекративший попытки наладить отношения с Леопольдом Австрийским, материально независимый после получения лена, язвительно намекает на скардность герцога: щедрый в гостях, он не способен быть щедрым хозяином.

СХХVIII. «УРОДЕЦ, ВЫРОС ТЫ БОЛЬШОЙ...»

(Selb wahren kint dv bist zekrumb...)

БГ. У Лахмана № 101, 23.

Шпрух относится к 1228—1229 гг. и направлен не столько против самого короля, сколько против его окружения. Юный Генрих VII в 1228 г. находился под влиянием двух соперничавших между собой могущественных князей: Леопольда Австрийского и герцога Людвиг Баварского. Он искал советчиков в церковных кругах и вербовал приверженцев среди министериалов. При его дворе были приняты поэты «деревенского миннезанга»: Готфрид фон Нейфен, Буркхарт фон Хоэнфельз. Возможно, Вальтер по рекомендации архиепископа Кельнского еще при императоре Фридрихе какое-то время был наставником Генриха и теперь возмущается своим недостойным воспитанником.

СХХIX. «КОГДА ВЫСШИХ БОЛЬШЕ НЕТ...»

(Swa der hohe nider gat...)

БГ. У Лахмана № 83, 14.

Время возникновения шпруха трудно установить. Наиболее вероятным представляется, что он имеет отношение к Генриху VII (1229—1230), приблизившему к себе лишь вассалов Штауфенов и мелкое дворянство, чтобы вести борьбу с влиятельными князьями.

СХХХ. «Я ВЫШЕЛ В ПОИСКАХ ЧУДЕС...»

(Ich was dvrch wnder vs gevarn...)

БГ. У Лахмана № 102, 15.

Шпрух написан ок. 1228 г. и также выражает активное неприятие политики Генриха VII — его борьбы с крупными феодалами, которую, надо сказать, Вальтер в данном случае недооценивает. Возможно, Генрих не вызывал симпатий поэта из-за своего образа жизни и потому не снискал его уважения как правитель.

- ⁴ ...Где Зрелость, Мудрость, Чистота... — В подл.: adel (благородство). Снова намек на стремление молодого Генриха править самостоятельно, не уважая «зрелой мудрости», и на его пренебрежение к князьям, высокородным.
- ¹¹ *Тройная власть и все три трона богатым заняты юнцом.* — По мнению Вальтера, три названные добродетели, которые должны царить на земле, Генрих VII променял на богатство: подразумевается его сближение с верхушкой городов, доставлявшей королю средства для борьбы с феодалами.

СХХХI. «ЗИМЕ СУРОВОЙ
МОЙ ГОРЕСТНЫЙ УПРЕК...»

(Vns hat der winter geschadet vber al...)

К, БГ, Вюрцбургская рукопись. У Лахмана № 39, 1.

Одна из самых поэтичных песен Вальтера написана по образцу латинского гимна. Смена зимы весной — традиционный мотив трубадуров и миннезингеров.

СХХХII. «ЗЕМЛЯ ЗЕЛЕНАЯ ЦВЕЛА...»

(Dú welt was gelf rot vnde bla...)

МГ, БГ. У Лахмана № 75, 25.

Песня возникла, вероятно, во время странствований вместе с Морунгеном по владениям Дитриха Мейсенского зимой 1210—1211 гг., особенно снегообильной. Обращает на себя внимание своеобразная рифма: гласные в строфах рифмуются в алфавитном порядке — а, е, и, о, у.

- ²⁹ *Я, как Исав, подвержен злу...* — Исав, по библейскому мифу (Кн. бытия, XXV, 34), — один из двух сыновей Исаака, усгупивший за чечевичную похлебку свое право первородства младшему брату Иакову. Имя Esau дает БГ, в МГ: sū (см. статью Б. И. Пуришева).

³⁰⁻³¹ ...*Весь в космах, я пою хвалу // Благословенному теплу...* — Вальтер в шутку уподобляет себя, закутанного в меховую одежду, Исаву, отличавшемуся волосатостью.

СХХХІІІ. «ЛЕГ ИНЕЙ, БЫЛО ВСЕ БЕЛО...»

(Der rife tet den cleinen vogellin we...)

БГ, Вюрцбургская рукопись, пергаментный л. (Вольфенбюттельская б-ка). У Лахмана № 114, 23.

Одна из «майских» песен Вальтера. Тема весны, обновляющей мир, заимствована из провансальской поэзии, возможно через лирику Морунгена и Рудольфа фон Фениса, или из поэзии вагантов.

СХХХІV. «В МАЙСКИЙ ДЕНЬ, ПОРОЙ ЧУДЕС...»

(Do der svmer komen was...)

МГ, БГ, пергаментный л. (Вольфенбюттельская б-ка). У Лахмана № 94, 11.

Еще одна «майская» песня, шутливая по интонации, приближающаяся к народной.

СХХХV. «ФРАУ БОНЕ, НЕТ СПАСЕНЬЯ...»

(Was egen hat fro bone...)

МГ, БГ. У Лахмана № 17, 25.

Шуточная похвала бобам, традиционному народному блюду, связанному с праздником вознесения, — как форма прославления даров природы.

СХХХVІ. «ИСКУСНЫЙ ЗАНЯТ САДОВОД...»

(Swa gÿter hande wurzen sint...)

БГ. У Лахмана № 103, 13.

Как утверждает Краус (*Kraus C. von. Op. cit., S. 376—377*), шпрух в аллегорической форме содержит наставление ландграфу Тюрингскому по поводу воспитания сына Людвига.

¹³⁻¹⁴ *Вояка из вояк — // Безжалостный сорняк...* — Видимо, Вальтер подразумевает раздражавшую его обстановку вокруг Германа, которая могла неблагоприятно повлиять и на юного наследника.

СХХХVІІ. «РОЗГАМИ ДИТЯТИ...»

(Nieman kan mit gerten...)

БГ. У Лахмана № 87, 1.

Написанный в юмористической форме, шпрук выражает серьезные педагогические мысли Вальтера. Относится, вероятно, к 1221—1222 гг., когда архиепископ Кельнский прочил поэта в воспитатели будущему Генриху VII.

SXXXVIII. «ОТЦЫ НЕ ВОВРЕМЯ ОЧНУЛИСЬ...»

(Die vätter hant ir kint erzogen...)

БГ, Гейдельбергская рукопись № 350. У Лахмана № 23, 26.

³ ...А нужно было слушать Соломона... — Имеются в виду притчи библейского царя Соломона, например: «Кто любит наставления, тот любит знание, а кто ненавидит обличение, тот невежда» (XII, 1).

⁴ ...Беспощадны к старику // Юнцы, к почету рвущиеся с жаром... — Можно предполагать, что в шпрухе нашло отражение и недовольство Вальтера правлением молодого Генриха VII.

SXXXIX. «О, ЮНОША, ИЗВОЛЬ МНЕ ВНЯТЫ...»

(Ivng man in swelher aht dv bist...)

К, БГ, Гейдельбергская рукопись № 350. У Лахмана № 22, 33.

Один из шпрукхов, позволяющих судить, как возрастает в средневековом обществе роль денег. Тяга к обогащению и расточительность, по мнению Вальтера, две одинаково пагубные для человека крайности.

SXL. «ЖИЗНЫ О КАК ТЫ МНЕ МИЛА!...»

(Wie sol man gewarten dir...)

МГ, К, БГ, Вюрцбургская рукопись, пергаментный л. (Берлинская гос. б-ка). У Лахмана № 59, 37.

Песня по тональности напоминает о традиции Рейнмара. Однако, судя по ее содержанию, можно предполагать, что она относится к более позднему, «после-рейнмаровскому» периоду Вальтера.

СХLI. «КТО РАДИ ВРЕМЕННЫХ УТЕХ...»

(Swer höbet sünde vnd schande tüt...)

БГ, Гейдельбергская рукопись № 350. У Лахмана № 22, 18.

СХLII. «ПРОСЛАВЛЕН ЩЕДРЫЙ ЧЕЛОВЕК...»

(Das milter man gar warhaft si...)

МГ, БГ. У Лахмана № 104, 33.

В шпрухах СХLI—СХLII — характерная для средневековых поэтов тема: соизмерение благополучия и нравственных достоинств человека.

СХLIII. «БОГАТСТВОМ С ТОЛКУ СВИТ БОГАЧ...»

(Swelh man wirt ane mütz ze rich...)

БГ. У Лахмана № 81, 23.

Возможно, ответ Томазину Циркларийскому, восхвалявшему в «Итальянском госте» богатство, приобретаемое без усилий.

СХLIV. «Я ВИДЕЛ ТРАВЕМУНДЕ,
ВИДЕЛ ПО И СЕНУ...»

(Ich han gemerket von der seine
vnz an die mÿte...)

МГ, К, БГ. У Лахмана № 31, 13.

Шпрух возник в итоге странствований поэта, не ранее 1200 г. По зрелости мыслей, высказанных в нем, можно предполагать, что он относится к 1219—1220 гг.

¹ Я видел Травемунде... — Область близ Любека.

⁸ ...Богатством даже государь заморожен... — От внимания поэта, видимо, не ускользает усиливающийся контакт короля с городами, что составляло главный источник его обогащения.

СХLV. «УРОДСТВО, В МИРЕ ТЫ ЦАРИШЬ...»

(Vm masse nim dich beider an...)

БГ. У Лахмана № 80, 19.

Из шпрухов, направленных против Томазина Циркларийского. «Уродство» (mhd. unthâze — нарушение нормы) — широко развиваемая тема в «Итальянском госте». Относится к позднему творчеству.

⁴ ... В рыцарях попы, в попах вельможи... — Томазин, каноник и рыцарь, постоянно ратовал за единодушие и мир между духовенством и рыцарством.

⁶ ... Младенцы старцами рождаются... — Почти 50-летний Вальтер возмущен тем, что жизненной мудрости поучает автор «Итальянского гостя», которому в то время не было тридцати.

CXLVI. «ПРОДАЖНЫМ ЛЮДЯМ ГРОШ ЦЕНА...»

(Wol veile vnwirdet manigen lib...)

БГ. У Лахмана № 81, 15.

Шпрух, по-видимому, также подразумевает Томазина, и резкость тона Вальтера связана опять же с тем, что Томазин стремился в равной мере служить и папе и императору.

CXLVII. «В МИРУ БЕЗ ДРУГА НЕ ПРОЖИТЬ...»

(Swer sich ze fründe gewinnen lat...)

БГ. У Лахмана № 79, 25.

CXLVIII. «КТО ЭТО СКОЛЬЗКИЙ, СЛОВНО ЛЕД...»

(Swer mir ist slipsig als ein ys...)

БГ. У Лахмана № 79, 33.

Этот и предыдущий шпрух повторяют, как можно понять, вполне личный мотив — разочарование в дружбе. Возможно, поводом для их возникновения была обида на того же Томазина, который, будучи в дружеских отношениях с Вальтером, стал обвинять его в якобы несправедливых нападках на папу.

CXLIX. «БЕЗ ДРУГА ЗНАТНОЕ РОДСТВО...»

(Man hob gemach an fründen kranс...)

БГ. У Лахмана № 79, 17.

Из этого шпруха нам более ясно, что он мог быть адресован Томазину, имевшему довольно знатных

родственников, правда не среди феодалов, а среди купеческой верхушки.

СЛ. «ВЗВЕСИЛАСЬ КАК-ТО ЦИФРА ШЕСТЬ...»
(Sich wolte ein ses gesibent han...)

БГ. У Лахмана № 80, 3.

Выступивший в своем сочинении с разносторонними наставлениями, Томазин дал Вальтеру повод написать эту притчу о мании величия. Под цифрой 6 подразумеваются шесть земных благ человека, которые Томазин с его стремлением все упорядочить и поставить на свои места обосновывает в «Итальянском госте». ² ...*Решив себя семеркой счесть...* — В книге VII «Итальянского гостя» число 7 фигурирует как основа познания добра и зла.

СЛІ. «БОГ ВИДИТ, Я НЕ ПОСТУПАЮСЬ ПРАВОТОЮ...»
(Got weis wol min lob were iemer stete...)

К, БГ, пергаментный л. (Мюнстерский гос. архив).
У Лахмана № 30, 9.

Можно предполагать, что стихотворение относится к периоду разрыва с Оттоном, которого Вальтер не раз упрекал в двоедушии.

СЛІІ. «МЕРЗАВЕЦ ТОТ, КТО ЛЖЕТ;
ЛОЖЬ ДУШУ ОСКВЕРНЯЕТ...»
(Er schalk in welhem leben
er si der dankes triege...)

МГ, БГ, пергаментный л. (Мюнстерский гос. архив).
У Лахмана № 28, 21.

СЛІІІ. «ИНЫЕ ГОСПОДА, ЗАВЗЯТЫЕ ПРОЙДОХИ...»
(Genŕge herren sint gelich den gógeleren...)

МГ, БГ. У Лахмана № 37, 34.

СЛІV. «ДУШОЙ КРИВИТЬ Я НЕ ПРИВЫК...»
(Ich mŕs verdienen swachen has...)

БГ. У Лахмана № 83, 27.

CLV. «МНЕ ВСПОМИНАЕТСЯ ВЕК БЫЛОЙ...»

(Ich sach hie vor eteswenne den tag..)

БГ. У Лахмана № 85, 25.

Шпрухи CLIV—CLV, вероятнее всего, относятся к периоду правления Генриха VII, когда Вальтер еще раз заявляет о себе как политический поэт-обличитель.

² ...Когда не смели сказать о нас худого... — О немцах, о Германской империи, имевшей в Европе особый политический авторитет.

⁶ ...Старый воспитывал молодого... — Постоянный намек Вальтера на то, что молодой Генрих не хочет признавать опыт старшего поколения.

CLVI. «КТО ПРОСЬБЕ НИЧЬИХ НЕ ОТКЛОНЯЕТ...»

(Swelh herre nieman niht versaget..)

БГ. У Лахмана № 80, 11.

CLVII. «КТО ПОВЕЖДАЕТ ИСПОЛИНА...»

(Wer sleht den lewen wer sleht den risen..)

БГ. У Лахмана № 81, 7.

В обоих шпрухах поэт касается двух крайностей поведения. С одной стороны, в рыцарском кругу существовала традиция подчеркнутой галантности и великодушия, с другой стороны, процветал культ силы и кулачное право.

CLVIII. «ЗА КРАСОТУ ХВАЛИТЕ ЖЕНЩИН —

ИМ ПО НУТРУ ТАКАЯ ДАНЬ...»

(An wibe lob stet wol

das man si heize schöne..)

МГ, БГ. У Лахмана № 35, 27.

⁹ Как много в мире чернокожих, в чьем сердце дух прямой и смелый... — Свидетельство характерной для средних веков расовой терпимости, пример которой мы находим и у Вольфрама фон Эшенбаха в «Парцифале», где мавританская королева Белакана и ее сын Фейрефид, сводный брат героя, равны белым по своим достоинствам.

CLIX. «ОТРАВУ, НЕТ, НЕ СЛАВУ...»

(Mir ist dú ere vnpere...)

БГ. У Лахмана № 102, 29.

Песня возникла, по-видимому, в годы первых скитаний. Обращает на себя внимание свойственный поэту уже тогда нравственный максимализм.

CLX. «МИЛОСТЬЮ НЕЖДАННОЙ ВОСКРЕШЕН...»

(Ich bin als vnschedelichen fro...)

К, БГ, Вюрцбургская рукопись. У Лахмана № 41, 13.

CLXI. «Я НЕ ВИДАЛ, ЧТОБ КТО-НИБУДЬ...»

(Bi den lúten nieman hat...)

БГ, Вюрцбургская рукопись. У Лахмана № 116, 33.

CLXII. «ПОЙ ЛЮБОМУ ЗА „СПАСИВО“...»

(Wer kan nv zedanke singen...)

МГ, БГ. У Лахмана № 110, 27.

CLXIII. «ВОЗДАЙТЕ, ЖЕНЫ И МУЖИ...»

(Ir reinú wib ir werden man...)

МГ, К, БГ. У Лахмана № 66, 21.

Пессимистическая тональность песен CLX—CLXIII дает основание считать их весьма «личными» и относить к позднему периоду.

¹³⁻¹⁶ *Позвольте с посохом брести... // ...Как с детства, я бреду весь век.* — Поэт, в действительности странствовавший всегда верхом, использует образ нищего пешего странника, желая сказать, что он всю жизнь как бы ждал от судьбы милостины.

¹⁷ *Что ж, пусть низок я, душою я высок...* — Намек на свое невысокое, хотя и рыцарское, происхождение.

CLXIV. «ЕСЛИ Б Я ТРОПОЙ НЕРАЗДЕЛИМОЙ...»

(Mvste ich noch geleben das ich die rosen...)

БГ. У Лахмана № 112, 3.

Одна из поздних песен, в которых тема любви связана с мыслями о подлинном смысле жизни и о падении нравов общества. Яркий пример вальтеровского понимания любви-радости в одном ряду с куртуазными достоинствами и принципами нравственности.

СLXV. «ЗЕМЛЯ, ХОЗЯИНУ СКАЖИ ТЫ...»
(Fro Welt ir svlt dem wirte sagen...)

МГ, БГ. У Лахмана № 100, 24.

Из стихотворений последних лет. В подлиннике: Сударыня Мир (Fro Welt). Особый драматизм отношений поэта с миром подчеркнут различными взаимными обращениями двух собеседников (в русском переводе эта особенность не сохранена). В первой строфе Вальтер обращается к Земле на «вы», она, отвергая его упреки, отвечает ему на «ты». Поэт, который когда-то любил Землю, взволнован ее ответом и тоже переходит на «ты», а затем снова на «вы» и резко прекращает разговор.

СLXVI. «УЧТИВЫХ НЫНЧЕ НЕТ КАК НЕТ...»
(Wer zieret nv der egen sal...)

БГ. Гейдельбергская рукопись № 350. У Лахмана № 24, 3.

¹⁰ ... *Он женщинам наносит оскорбленья...* — Подразумевается исчезновение традиции «служения».

¹² ... *Когда бы шкурой заплатился...* — В средние века выражение «поплатиться шкурой» (ir hiuten und ir hâgen — дословно: кожей и волосами) означало: быть наказанным чумой за грехи.

СLXVII. «УВЫ, В НЕМЕЦКИХ ЗЕМЛЯХ
ДОВЛЕСТЬ ОСКУДЕЛА...»

(Owe was eren sich ellendet
von tútschen landen...)

К, БГ (кроме последней строфы). У Лахмана № 13, 5.

Один из наиболее драматичных по настроению шпрухов Вальтера. Сочинен, по-видимому, после от-

лучения Фридриха II, которое привело к тяжелым для страны последствиям.

¹² ... *Деревья валит вихрь, твердыни сокрушает...* — Хроники сохранили рассказ о страшной буре в декабре 1227 г. Вальтеру, как и многим его современникам, это могло казаться знаком приближения Страшного суда.

²⁴ ... *Напрасно муравьи пример нам подавали...* — Реминисценция из басни о стрекозе и муравье.

SLXVIII. «ВСЕЙ ДУШОЙ ВОСТОРЖЕСТВУЮ...»

(Alrerst lebe ich mir werde...)

Латинская псалтырь (Кремсмюнстерский монастырь), МГ, К, БГ, Вюрцбургская рукопись. У Лахмана № 14, 38.

Первая из песен, призывающих к крестовому походу.

²⁶ *Триедин, явился там...* — Явление Иисуса Иоанну Крестителю: «И когда выходил из воды, тотчас увидел Иоанн разверзающиеся небеса и Духа, как голубя, сходящего с Неба. — И глас был с небес: Ты Сын Мой...» (Ев. от Марка, I, 10).

²⁸ ... *Бога видел Авраам.* — Бог явился воочию Аврааму, родоначальнику народа Израиль (Кн. бытия, XVII, 1).

SLXIX. «ЛЮБВИ БЛАГАЯ СИЛА...»

(Vil svsse were minne...)

МГ, БГ. У Лахмана № 76, 22.

Вторая песня, содержащая призыв к крестовому походу, особенно популярная среди паломников. Создана, вероятно всего, в 1227 г.

²⁹⁻³⁰ *В женах благословенна, // ты с нами несо-
мненно...* — Характерная для религиозных песен смена обращения к Христу обращением к богоматери.

СЛХХ. «УВЫ, ПРОМЧАЛИСЬ ГОДЫ,
СГОРЕЛИ ВСЕ ДОТЛА!..»

(Owe war sint verswunden alle mine iar...)

БГ, Вюрцбургская рукопись. У Лахмана № 124, 1.

Элегия, сочиненная 50-летним поэтом, как можно заключить, в Австрии; вероятно, последняя его песня.

²⁶ *А тут еще и буллу прислали нам из Рима...* — Булла Григория IX немецким епископам (1227 г.) об отлучении Фридриха II.

⁴¹ *О рыцари, вставайте, настал деяний час!* — Когда в 1228 г. Фридрих вновь предпринял крестовый поход, в нем приняли участие только средние и мелкие рыцари, князья отказались присоединиться.

СЛХХI. «ТОТ, КТО НАЧАЛА НЕ ИМЕЛ...»

(Der aneenge nie gewan...)

БГ. У Лахмана № 78, 24.

Песня связана с крестовым походом 1227—1228 гг.

²¹ *Отмщен ли наконец пречистый Спас?* — Речь идет об освобождении гроба Христа-Спасителя.

²³ *... Что задан мой вопрос напрасно...* — Вальтер хочет сказать, что успех похода не зависит от рвения его участников, а требует заступничества святых. Видимо, это была попытка реабилитировать перед папой Фридриха II, прервавшего поход.

²⁵⁻²⁶ *Ты, Михаил, ты, Гавриил, // Враг духа злого Рафаил...* — «Христово воинство», символизирующее силу, мудрость и самопожертвование.

СЛХХII. «ПЛОХ ТЫ, МИР, ТЫ СОВСЕМ ОГОЛТЕЛ...»

(So we dir welt wie vbel dv stest...)

БГ, Гейдельбергская рукопись № 350. У Лахмана № 21, 10.

СЛХХIII. «ЦАРЬ ВАВИЛОНСКИЙ ВИДЕЛ СОН...»

(Es trönte dest manic iar...)

Оба шпруха изображают нравственный упадок общества как симптом приближающегося конца мира.

- ¹ Царь вавилонский видел сон... — Сон царя Навуходоносора: «Тогда все вместе раздробилось: железо, глина, медь, серебро и золото сделалось как прах на летних гумнах, и ветер унес их, и следа не осталось от них...» (Кн. пророка Даниила, II, 35).

CLXXIV. «ПРОСНИТЕСЬ, БЛИЗОК ДЕНЬ СУДА! ..»

(Nv wachet vns get z'vder tac...)

К, БГ, Гейдельбергская рукопись № 350. У Лахмана № 21, 25.

Шпрус религиозного содержания; точную дату его возникновения определить трудно. Здесь еще более явно выражен апокалипсический мотив конца света как наказания людям за грехи.

- ⁷ Темнеет солнце... — Возможно, подразумевается солнечное затмение 1201 г.

CLXXV. «ГОСПОДЫ КТО НАБОЖЕН НА ВИД...»

(Swer ane vorhte herre got...)

БГ, Гейдельбергская рукопись № 350. У Лахмана № 22, 3.

За религиозными рассуждениями этого шпруха чувствуются размышления поэта о земных отношениях между людьми, не удовлетворяющих его в современном обществе.

CLXXVI. «О БОЖЕ ВСЕМОГУЩИЙ, ТЫ НЕИЗМЕРИМ...»

(Mehtiger got dv bist so lanc
vnd bist so breit...)

К, БГ. У Лахмана № 10, 1.

Один из интереснейших религиозных шпрухов Вальтера, сочиненный, можно предполагать, после получения лена от Фридриха II, что было воспринято поэтом как божья милость.

- ⁸ ... Постигнуть свет вне человеческого слова. — Мысль о постижении бога в его истинной сути, не отраженной в церковно-проповеднических форму-

лах, возможно, отголосок учения Пьера Абеляра и развивавшего его в некоторых пунктах Арнольда Брешианского.

СЛХХVII. «КАК РЕДКО Я ТЕБЯ ПОЮ,
ВЕЛИКИЙ БОЖЕ...»

(Vil wol gelopter got wie selten
ich dich prise...)

МГ, К, БГ. У Лахмана № 26, 3.

³ ... Мне под лозой твоей кощунствовать негоже. — Выражение глубокой покорности божьей воле, ответ на слова из притчи о работниках в винограднике: «Разве я не властен в своем делать, что хочу?» (Ев. от Матфея, XX, 15).

СЛХХVIII. «К ТЕБЕ ВЗЫВАЮ В РАННИЙ ЧАС...»

(Mit seldom mvsse ich hute v̇f sten...)

БГ. Гейдельбергская рукопись № 350. У Лахмана № 24, 18.

Шпрух написан в виде утренней молитвы.

⁷⁻⁸ ... Как под защитой бестелесных // Ты находился в яслях тесных... — Ев. от Луки, II, 7.

¹¹ ... Хранимый добрым Гавриилом... — Архангел Гавриил повелел бежать с младенцем Иисусом в Египет, чтобы спасти его от царя Ирода (Ев. от Матфея, II, 13).

СЛХХIX. «СЫН ДЕВЫ, ТЫ,
КОМУ ПОДВЛАСТЕН РАЙ...»

(Rich herre dich vnd dine ṁter
der megde kint...)

К, БГ. У Лахмана № 10, 9.

Шпрух можно отнести ко времени крестового похода 1227—1228 гг. Характерно, что рядом с язычниками Вальтер ставит и «дурных христиан» как врагов Христа.

СЛХХХ. «ЛЮДЕЙ РАЗЛИЧНО ОДАРИЛ...»

(Was wonders in der werlte vert...)

БГ, Гейдельбергская рукопись № 350. У Лахмана № 20, 16.

Рассуждения о «благонравной бедности» переключаются с одной из притч Библии: «Лучше бедный, ходящий в своей непорочности, нежели тот, кто извращает пути свои, хотя он и богат» (Кн. притчей Соломоновых, XXVIII, 6).

¹⁴ ... Ни здесь ни там нет ему больше воздаянья... — Ни на земле, ни в загробной жизни.

СЛХХХI. «ВСЕВЫШНИЙ, ОСИЯННЫЙ...»

(Got diner Trinitate...)

БГ, Гейдельбергская рукопись № 341. У Лахмана № 3, 1.

Единственное произведение поэта в жанре лейха. По содержанию приближается к гимнам богородице. К богородице же обращена его последняя часть.

²³⁻²⁴ ... того карая строже, // Кто нас грехом тревожит... — Возможно, здесь звучит политическая нота — столь частое у Вальтера обвинение папской курии за ее безбожные дела, в которые втянуто множество христиан.

³⁰ ... Сын стал нам солнцем пламенеть! — Ср. Ев. от Матфея, XVII, 2: «И просияло лицо его, как солнце, одежды же его сделались белыми, как свет».

³² ... цветущий ты жезл Аарона... — Одно из библейских чудес: жезл Аарона, брата пророка Моисея, обладал удивительными свойствами — он мог зеленеть, цвести и плодоносить (Кн. Числа, XVII, 8).

³³ Ныне отверзлись Иезекииля врата... — Иезекииль, один из библейских пророков, по велению бога должен был проломать отверстие в стене дома Израиля, чтобы явить ему божью волю (Кн. пророка Иезекииля, XII, 12).

³⁷⁻³⁸ Неопалена // древле купина... — Явление бога пастуху Моисею в виде тернового куста, который пылал пламенем, но не сгорал (Кн. Исход, III, 2).

- ⁵⁸⁻⁶⁰ *О, сверкание трона // царя Соломона! // Ты на нем повелительницею воссела!* — Сравнение Марии с Суламифью, возлюбленной царя Соломона, который приготовил для нее великолепный «одр» (Песнь песней, III, 9—10).
- ⁶⁴⁻⁶⁵ *...Агнцу, яеняти // стала ты подобьем живого гроба...* — Иоанн Богослов объявил Христа агнцем божьим (Ев. от Иоанна, I, 29).
- ⁸⁶⁻⁸⁷ *...руну ты Гедеона // подобна — и господней росой окроплена!* — Кн. судей, VI, 37.
- ⁸⁸ *Так слово слов влетело...* — Иисус был зачат, когда ангел возвестил Марии волю бога: «И вот зачнешь во чреве и родишь сына...» (Ев. от Луки, I, 31).
- ¹³⁸⁻¹³⁹ *...к словам стремится, // какие древле вещал нам Рим...* — Вальтер подразумевает христианство в его первоначальной сути — как опору слабым.
- ¹⁶⁰ *...Слово-то без дел — мертво...* — Реминисценция из Ев. от Иоанна, I, 14: «И Слово стало плотию и обитало с нами, полное благодати и истины».

ДОПОЛНЕНИЯ

DUBIA

1. «СКРЫВАТЬ ПЕЧАЛЬ МОЮ СТРЕМЛЮСЬ»

(Werd ist ez ûbel, od ist ez guot...)

БГ, Вюрцбургская рукопись, пергаментный л. (Берлинская гос. б-ка). У Лахмана № 120, 25.

Краус, высказывая сомнение в авторстве, сомневается и в принципе расположения строф (*Kraus C. von. Walter von der Vogelweide: Untersuchungen. Berlin; Leipzig, 1935, S. 445—455*).

II. «ХОР СТАРИКОВ УГРЮМЫХ НУДЕН...»

(Die grîsen hant michs ûberkommen...)

БГ, Вюрцбургская рукопись. У Лахмана № 121, 33.

По общей тональности стихотворения, по широкой постановке вопросов: об истинной ценности жизни, о роли искусства, о неизбежности вмешательства бога в земные дела — можно было бы склониться к мысли, что автор его — Вальтер. Краус, однако, обращает внимание на то, что в других песнях Вальтера эти темы выражены значительно сильнее; смущают его и лексические совпадения с лирикой Морунгена (*Kraus C. von. Op. cit., S. 457—458*).

III. «ЯВИЛОСЬ ВДРУГ МНЕ ЧУДИЩЕ
В МИРСКОМ РАЗДОРЕ...»

(Ich han gesehen in der werlte
ein michel wunder...)

БГ, пергаментный л. (Мюнстерский гос. архив).
У Лахмана № 29, 4.

Краус справедливо отмечает, что художественный уровень стихотворения недостаточно высокий для такого поэта, как Вальтер (*Kraus C. von. Op. cit., S. 94—95*). Однако оно, напоминая апокалипсический цикл Вальтера, представляет пример средневековой фантастики, выражающей «чудесный» характер мира: возможность постоянных превращений, явлений и т. п., допускаемых «магическим сознанием» средневековья (см.: *Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981, с. 155*).

IV. «КОГДА ГОСПОДЬ-СУДЬЯ,
СОГЛАСНО КНИГАМ, ПРАВЫЙ...»

(Sit got ein rihter heizeit
an den bouchen...)

К. У Лахмана № 30, 19.

Крауса, как и других, смущает лексика, несколько нехарактерная для бесспорных сочинений Вальтера (*Kraus C. von. Op. cit., S. 99*).

V. «СУЛИТ ПРОРОК НАМ, ГРЕШНЫМ, ГОРЕ...»

(Ich hoere des die wîsen jehen...)

К, БГ, Вюрцбургская рукопись. У Лахмана № 148, 1
(в «Примечаниях»).

С Краусом, отрицавшим авторство Вальтера, нетрудно согласиться: на фоне шпрухов поэта, касающихся темы Страшного суда, это стихотворение выглядит слабым и малохудожественным (*Kraus C. von. Op. cit., S. 76*).

РЕЙНМАР ФОН ХАГЕНАУ

Документальных сведений о Рейнмаре фон Хагенау нет. По предположениям, он происходит из рода высокопоставленных министерялов из города Хагенау в Эльзасе. Его песни на фоне всего немецкого миннезанга отличает культ любовного страдания.

Переводы выполнены по изданию: *Des Minnesangs Frühling*. Stuttgart, 1977.

III. «ПОЮТ НЕ ОТ ХОРОШЕЙ ЖИЗНИ...»

(Waz ich nu niower maere sage...)

¹⁰⁻¹¹ *Пускай судачит злая спесь: // Мол, на словах влюблен, притворством знаменит.* — Намек на нападки Вальтера, противопоставляющего куртуазному стилю Рейнмара непосредственность и живость в выражении чувства (см., например, песни XV и XXXII в наст. издании).

¹⁹⁻²⁰ *Благословенна ты, жена! // Пречистым именем любятся уста.* — Возвышенный образ женщины в миннезанге в значительной степени восходил к сложившемуся к XII в. культу богоматери.

V. «ЕЮ ЖИЛ Я СТОЛЬКО ЛЕТ...»

(Ich hân ir vil manic jâr...)

Песня в форме внутреннего диалога, содержащего не только признания, но и взаимные упреки рыцаря и дамы. Форма, характерная для Рейнмара, была усвоена также и Вальтером (например, песни XVI и XXVII в наст. издании).

VIII. «ЧТО МНЕ ЗА ДЕЛО ДО РАССВЕТА!...»

(So ez jender nâhet deme tage...)

Та же форма внутреннего диалога.

XII. «ЖЕНУ НАПРАСНО УКОРИВ...»

(Ein wiser man sol niht ze vil...)

³⁷⁻⁴⁰ *Преуспеваю лишь в одном. ... // ... Что вдохновением на целый мир я славен.* — Язвительный от-

вет Вальтера на эти строки — песня XXIX в наст. издании.

XIX. «И В МОЕЙ ТОСКЕ Я ВОСХИЩЕН...»

(Also ich werbe und mir min herzestê...)

⁸⁷ Я как будто сокол прирученный. — Распространенный в куртуазной лирике образ преданного возлюбленного — от Кюренберга (XII в.) до Генриха фон Мюггельна (XIV в.).

XX. «ПРИЕМЛЮ ЧЕСТНЫЙ БОЖИЙ КРЕСТ...»

(Des tages dô ich das kriuze nam...)

Песня сочинена перед крестовым походом 1190 г.

XXV. «ВНОВЬ ЕДУТ РЫЦАРИ СЮДА...»

(I-i kament under wîlent her...)

XXVI. «ЛЮДЕЙ ПОСЛУШАТЬ Я ГОТОВА...»

(Ich lebte ei nâch der liute sage...)

Песни XXV—XXVI — в форме внутреннего диалога, в которых центральное место занимают чувства женщины.

XXVII. «ВЕСНА ВЕРНУЛАСЬ, — ГОВОРЯТ...»

(I-i jehent, der sumer der sî hie...)

Песня от лица женщины посвящена вдове Леопольда V Австрийского, умершего в 1194 г.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Вальтер фон дер Фогельвейде. Большая Гейдельбергская рукопись	4—5
Женщина, провожающая крестоносца. Большая Гейдельбергская рукопись	39
Рыцарь и селянка. Большая Гейдельбергская рукопись	49
Осада замка крестоносцами. Большая Гейдельбергская рукопись	85
Нейдхарт фон Рейенталь. Большая Гейдельбергская рукопись	103
Ландграф Герман Тюрингский с супругой во время состязания в Вартбурге. Большая Гейдельбергская рукопись	105
Певцы в Вартбурге. Большая Гейдельбергская рукопись	109
Рейнмар Старый. Большая Гейдельбергская рукопись	181

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	5
ВАЛЬТЕР ФОН ДЕР ФОГЕЛЬВЕЙДЕ. СТИХОТВОРЕНИЯ	
I. «Беседуя, лежал...» <i>Перевод В. Левика</i>	7
II. «О, госпожа, сердиться не надо». <i>Перевод В. Левика</i>	9
III. «Послушайте, дама; во имя Христова...» <i>Перевод В. Левика</i>	10
IV. «Вздумал я надолго замолчать...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	11
V. «Это чувство и сладко и ново...» <i>Перевод В. Левика</i>	12
VI. «В этом взоре, глубоко разящем...» <i>Перевод В. Левика</i>	14
VII. «Нет, не знал я до сих пор такой отрады...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	14
VIII. «И страх и мука в постоянстве...» <i>Перевод В. Левика</i>	16
IX. «Ах, я, безрадостный поэт!..» <i>Перевод В. Левика</i>	17
X. «Если кто-то укоряет...» <i>Перевод В. Левика</i>	19
XI. «Господи, развеяй мои заботы...» <i>Перевод В. Левика</i>	21
XII. «Женское лицо для нас...» <i>Перевод В. Левика</i>	21
XIII. «Любовь — что значит это слово?..» <i>Перевод В. Левика</i>	23
XIV. «Одна мечта во мне жила...» <i>Перевод В. Левика</i>	24

XV. «Дай бог ей благодатных дней...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	25
XVI. «Прошу, внимлите, госпожа...» <i>Перевод В. Левика</i>	26
XVII. «Я воспевал ее нередко...» <i>Перевод В. Левика</i>	28
XVIII. «Она жестокосердна и черства...» <i>Перевод В. Левика</i>	29
XIX. «Наше влеченье...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	30
XX. «Не в силах долее тужить...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	32
XXI. «Тебе я, госпожа, вверяюсь непреложно...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	33
XXII. «Нелюбим я, видно...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	34
XXIII. «Мужу правды радостна весна...» <i>Перевод В. Левика</i>	36
XXIV. «Влюблен давно, любви служу...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	37
XXV. «Никогда не славил жен прекрасных...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	37
XXVI. «Разве это оскорбленье...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	38
XXVII. «О чести женщин слыша много...» <i>Перевод В. Левика</i>	40
XXVIII. «Как хороша...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	41
XXIX. «В своей игре понаторев...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	42
XXX. «Одно скажи: „Благодарю!“...» <i>Перевод В. Левика</i>	42

XXXI. «И лето вновь, и птичий хор...» <i>Перевод В. Левика</i>	44
XXXII. «Когда прекрасная пора...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	46
XXXIII. «Вам, госпожа, венок!..» <i>Перевод В. Левика</i>	47
XXXIV. «Под липой свежей...» <i>Перевод О. Румера</i>	50
XXXV. «Славлю тот день, когда встретился с нею...» <i>Перевод В. Левика</i>	51
XXXVI. «Любимая, пусть бог...» <i>Перевод В. Левика</i>	51
XXXVII. «В роще, в поле, на поляне...» <i>Перевод В. Левика</i>	53
XXXVIII. «В безнадежном разочарованье...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	54
XXXIX. «Кто зимой меня чернил своим навесом...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	55
XL. «Я вижу благосклонность в том...» <i>Перевод В. Левика</i>	57
XLI. «Вновь запел я сторяча...» <i>Перевод В. Левика</i>	58
XLII. «Юноша, будь радостен под сенью...» <i>Перевод В. Левика</i>	60
XLIII. «Всю землю вы можете сделать достойной...» <i>Перевод В. Левика</i>	61
XLIV. «Как рад я в чайные грядущих благ...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	62
XLV. «Когда солнцу, от росы блестящи...» <i>Перевод В. Левика</i>	63
XLVI. «Нет, в этом вовсе не моя вина...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	65

XLVII. «Поистине, я рад...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	66
XLVIII. «У любви обычай странный...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	67
XLIX. «Как звать владычицу твою, скажи!..» <i>Перевод В. Микушевича</i>	69
L. «Когда я сам себя хвалю...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	70
LI. «„Все в мире тлен“, — доказывают ворчуньи...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	71
LII. «Что же радость — надоела всем?..» <i>Перевод В. Левика</i>	73
LIII. «Я в двух отношениях отзывчив, хоть в общем не знаю пощады». <i>Перевод В. Левика</i>	74
LIV. «День за днем страдать; друзья...» <i>Перевод В. Левика</i>	77
LV. «Мужчины говорят: во всем...» <i>Перевод В. Левика</i>	78
LVI. «Делю — уже подходит срок...» <i>Перевод В. Левика</i>	80
LVII. «Любовь преследует сердца...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	81
LVIII. «Иной в юдоли сей скудельной...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	81
LIX. «Любовь — не муж и не жена...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	82
LX. «Обетованных жду щедрот...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	82
LXI. «Сказал мне славный венский двор...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	83
LXII. «Австрийский герцог Фридрих преуспел...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	83

LXIII. «Король Филипп не стар, корона по- древней...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	84
LXIV. «Сидел я, брови сдвинув...» <i>Перевод</i> <i>В. Левика</i>	84
LXV. «В ручье среди лужайки...» <i>Перевод</i> <i>В. Левика</i>	86
LXVI. «Я подсмотрел секреты...» <i>Перевод</i> <i>В. Левика</i>	87
LXVII. «В тот день, когда Спаситель был рож- ден...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	87
LXVIII. «Не поспешил Константин...» <i>Пере- вод В. Микушевича</i>	88
LXIX. «Король Филипп, недаром люди гово- рят...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	88
LXX. «Филипп, король преславный!..» <i>Перевод</i> <i>В. Микушевича</i>	89
LXXI. «Мне, повара, внемлите...» <i>Перевод</i> <i>В. Микушевича</i>	89
LXXII. «Встретите меня приветом!..» <i>Перевод</i> <i>В. Микушевича</i>	90
LXXIII. «Владыка кесарь, посмотрите...» <i>Пере- вод В. Микушевича</i>	92
LXXIV. «Владыка папа, в вашей власти...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	92
LXXV. «Бог ставит королем, кого захочет он...» <i>Перевод В. Левика</i>	93
LXXVI. «Когда скитался по миру Христос...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	93
LXXVII. «Распространите, кесарь, шире...» <i>Пе- ревод В. Микушевича</i>	93
LXXVIII. «С вельнем божьим, как посол...» <i>Перевод В. Левика</i>	94

LXXIX. «Нельзя не жаловаться нам: беда беду пророчит». <i>Перевод В. Микушевича</i>	94
LXXX. «Престол святейший в Риме уподобить смею...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	95
LXXXI. «Как набожно папа смеется, как свято каждое слово...» <i>Перевод В. Левика</i>	95
LXXXII. «Скажите, кружка, мне, вас папа посылает...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	96
LXXXIII. «Епископы, церкви князья, и вы, все монахи на свете...» <i>Перевод В. Левика</i>	96
LXXXIV. Когда корыстная поповская рука...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	97
LXXXV. «Не совратится сердце в этот век не может...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	97
LXXXVI. «Воспетый мною схимник старый вновь скорбит...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	98
LXXXVII. «Весь христианский мир в разброде, бог — свидетель...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	98
LXXXVIII. «Мне Тегернзее хвалил знакомый люд...» <i>Перевод В. Левика</i>	98
LXXXIX. «Ландграфу я служу, мой выбор не напрасен...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	99
XC. «Злой Герхард Атце, чья вина...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	99
XCI. «Ты хочешь, Дитрих, ко двору?..» <i>Перевод В. Микушевича</i>	100
XCII. «Тому, кто немощен, а то и просто хвор...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	100
XCIII. «Нас вытесняет наглый сброд...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	101
XCIV. «Вам, Фолькнант, не пристало...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	101

ХСV. «Горе песням благородным...» <i>Перевод В. Левика</i>	102
ХСVІ. «Ах, государь, простите!..» <i>Перевод В. Микушевича</i>	104
ХСVІІ. «„Привет хозяину!“ В ответ помалкивать мне нужно...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	105
ХСVІІІ. «Богатство мне сулил высокородный Отто...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	106
ХСІХ. «У господина Отто щедрость измеряя...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	106
С. «От Людвига с приветом...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	106
СІ. «Пусть Мейсенец мне платит!..» <i>Перевод В. Микушевича</i>	107
СІІ. «Был Мейсенцу я верен...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	107
СІІІ. «Был Каринтиец щедр, дарил он торова-то...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	108
СІV. «С придворными готов сравнить я нагледцами...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	108
СV. «Я плачу, Рейнмар, о тебе...» <i>Перевод В. Левика</i>	110
СVІ. «Ни мудрость, честь, ни сила слова...» <i>Перевод В. Левика</i>	110
СVІІ. «Три славятся двора, три добрых властелина...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	111
СVІІІ. «Приуменьшать нам нет охоты...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	111
СІХ. «Австрийский герцог, вы недаром отлучились...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	112
СХ. «В тот год, когда в поход наш Леопольд собрался...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	112

СXI. «Все три заботы движут мною...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	112
СXII. «Отныне я гораздо резче запеваю...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	113
СXIII. «Леопольд Австрийский, позволь с людьми остаться...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	113
СXIV. «Во имя господа аминь; начать настало время...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	114
СXV. «Я предан Богену вполне...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	114
СXVI. «Мне рыцарь подарил алмаз...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	115
СXVII. «Нуждается в совете молодой ландграф...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	115
СXVIII. «Три лада у меня, и всех воспеть я рад...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	115
СXIX. «Епископ Кельнский, радоваться вам дано...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	116
СXX. «Правитель Кельна, песнею прославленный моею...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	116
СXXI. «О князь Апулии, хранящий Вечный град...» <i>Перевод В. Левика</i>	116
СXXII. «Есть у меня удел, уделом я владею...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	117
СXXIII. «Великий римский кесарь, мне стало так светло...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	117
СXXIV. «Мой господин король мне выдал тридцать марок...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	118
СXXV. «Гонец, ты государю мой передай совет...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	118
СXXVI. «Князья, без короля взыграть вы все готовы...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	119

СХХVII. «Мне задают вопросы, что видел я недавно...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	119
СХХVIII. «Уродец, вырос ты большой...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	119
СХХIX. «Когда высших больше нет...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	120
СХХХ. «Я вышел в поисках чудес...» <i>Перевод В. Левика</i>	120
СХХХI. «Зиме суровой мой горестный упрек...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	121
СХХХII. «Земля зеленая цвела...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	121
СХХХIII. «Лег иней, было все бело...» <i>Перевод В. Левика</i>	123
СХХХIV. «В майский день, порой чудес...» <i>Перевод В. Левика</i>	123
СХХХV. «Фрау Боне, нет спасенья...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	125
СХХХVI. «Искусный занят садовод...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	125
СХХХVII. «Розгами дитяти...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	126
СХХХVIII. «Отцы не вовремя очнулись...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	127
СХХХIX. «О юноша, изволь мне внять!..» <i>Перевод В. Микушевича</i>	128
СXL. «Жизнь! О как ты мне мила!..» <i>Перевод В. Микушевича</i>	129
СXLI. «Кто ради временных утех...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	130
СXLII. «Прославлен щедрый человек...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	130

CXLIII. «Богатством с толку сбит богач...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	131
CXLIV. «Я видел Травемунде, видел По и Сену...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	131
CXLV. «Уродство, в мире ты царишь...» <i>Пе- ровд В. Микушевича</i>	132
CXLVI. «Продажным людям грош цена...» <i>Пе- ревод В. Микушевича</i>	132
CXLVII. «В миру без друга не прожить...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	132
CXLVIII. «Кто это скользкий, словно лед...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	133
CXLIX. «Без друга знатное родство...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	133
CL. «Взбесилась как-то цифра шесть...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	133
CLI. «Бог видит, я не поступаюсь правотою...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	134
CLII. «Мерзавец тот, кто лжет; ложь душу оск- верняет...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	134
CLIII. «Иные господа, завзятые пройдохи...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	135
CLIV. «Душой кривить я не привык...» <i>Пе- ровд В. Микушевича</i>	135
CLV. «Мне вспоминается век былой...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	136
CLVI. «Кто просьб ничьих не отклоняет...» <i>Пе- ревод В. Микушевича</i>	136
CLVII. «Кто побеждает исподина...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	136
CLVIII. «За красоту хвалите женщин — им по нутру такая дань...» <i>Перевод В. Левика</i>	137

CLIX. «Отраву, нет, не славу...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	137
CLX. «Милостью нежданной воскрешен...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	138
CLXI. «Я не видал, чтоб кто-нибудь...» <i>Перевод В. Левика</i>	140
CLXII. «Пой любому за „спасибо“...» <i>Перевод В. Левика</i>	141
CLXIII. «Воздайте, жены и мужи...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	142
CLXIV. «Если б я гробой неразделимой...» <i>Перевод В. Левика</i>	144
CLXV. «Земля, хозяину скажи ты...» <i>Перевод В. Левика</i>	144
CLXVI. «Учтивых нынче нет как нет...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	146
CLXVII. «Увы, в немецких землях доблесть оскудела...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	146
CLXVIII. «Всею душой восторжествую...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	147
CLXIX. «Любви благая сила...» <i>Перевод А. Голембы</i>	149
CLXX. «Увы, прмчались годы, сгорели все дотла!...» <i>Перевод В. Левика</i>	152
CLXXI. «Тот, кто начала не имел...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	153
CLXXII. «Плох ты, мир, ты совсем оголтел...» <i>Перевод В. Левика</i>	154
CLXXIII. «Царь вавилонский видел сон...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	155
CLXXIV. «Проснитесь, близок день Суда!...» <i>Перевод В. Левика</i>	156

CLXXV. «Господь! Кто набожен на вид...» <i>Перевод В. Левика</i>	156
CLXXVI. «О боже всемогущий, ты неизмерим...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	157
CLXXVII. «Как редко я тебя пою, великий боже...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	157
CLXXVIII. «К тебе взываю в ранний час...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	157
CLXXIX. «Сын девы, ты, кому подвластен рай...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	158
CLXXX. «Людей различно одарил...» <i>Перевод В. Микушевича</i>	158
CLXXXI. «Всевышний, осиянный...» <i>Перевод А. Голембы</i>	159

ДОПОЛНЕНИЯ

ИЗ ДРУГИХ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ВАЛЬТЕРА. (<i>Д. Минаева, О. Румера, И. Иванова, А. Штейнберга, В. Левика</i>)	166
---	-----

DUBIA. *Перевод В. Микушевича*

I. «Скрывать печаль мою стремлюсь»	174
II. «Хор стариков угрюмых нуден...»	176
III. «Явилось вдруг мне чудище в мирском раздоре...»	177
IV. «Когда господь-судья, согласно книгам, правый...»	177
V. «Сулит пророк нам, грешным, горе...»	178

РЕЙНМАР ФОН ХАГЕНАУ. ПЕСНИ. *Перевод В. Микушевича*

I. «Хотел бы знать я, каково...»	178
II. «И я взыскую благ мирских...»	180

III. «Поют не от хорошей жизни...»	183
IV. «Что влюбленному страдальцу мой совет...»	184
V. «Ею жил я столько лет»	186
VI. «Милость мне нужна теперь, а не вражда»	187
VII. «Мою любовь я не забуду...»	188
VIII. «Что мне за дело до рассвета!..»	189
IX. «Чужа радость впереди...»	191
X. «Я знал всегда, что ей смешно...»	191
XI. «Как хорошо тому, кто был...»	193
XII. «Жену напрасно укорив...»	194
XIII. «Заслуга у меня еще и та...»	196
XIV. «Блаженная моя печаль...»	199
XV. «Говорить бы смело...»	200
XVI. «Госпожу я заклинаю столько лет...» . . .	202
XVII. «Много суетных утех»	203
XVIII. «Хорошо мне, голько бы чуть-чуть...»	204
XIX. «И в моей тоске я восхищен...»	205
XX. «Приемлю честный божий крест...»	208
XXI. «От этих бед печаль жива...»	209
XXII. «Если я вздумаю хвастать победой...»	211
XXIII. «Где же справедливость наконец...» . . .	212
XXIV. «Никто не знает, как мне больно...» . . .	213
XXV. «Вновь едут рыцари сюда...»	214
XXVI. «Людей послушать я готова...»	215
XXVII. «Весна вернулась, — говорят...»	216
XXVIII. «Ты, гонец мой дорогой!..»	217
XXIX. «Все печали достаются мне одной...»	219

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Б. И. Пуришев.</i> Вальтер фон дер Фогельвейде и немецкий миннезанг	223
<i>Д. Л. Чавчанидзе.</i> Кургуазный поэт на исходе рыцарской эпохи	273

Содержание

Примечания

Обоснование текста. (Составила Д. Л. Чавчанидзе)	296
Вальтер фон дер Фогельвейде. Стихотворения. (Составила Д. Л. Чавчанидзе)	301

Дополнения

Dubia. (Составила Д. Л. Чавчанидзе)	362
Рейнмар фон Хагенау. Песни. (Составила Д. Л. Чавчанидзе)	364
Список иллюстраций	366

ВАЛЬТЕР
фон дер
ФОГЕЛЬВЕЙДЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

Утверждено к печати
редколлекцией серии
«Литературные памятники»
Академии наук СССР

Редактор
Г. П. Максимовская

Художник
В. Г. Виноградов

Художественный редактор
Н. Н. Власик

Технические редакторы
Н. П. Кузнецова, О. М. Гуськова

Корректоры
Р. С. Алимова, О. В. Лаврова

ИБ № 32087

Сдано в набор 3.04.85.
Подписано к печати 4.07.85.
Формат $70 \times 90^{1/32}$
Бумага книжно-журнальная импортная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 14,11. Усл. кр.-отт. 15,28
Уч.-изд. л. 16,3
Тираж 50 000. 1 завод (1—25 000) экз.
Тип. зак. 305
Цена 2 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., '90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»
В СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»
АКАДЕМИИ НАУК СССР
ВЫШЛА В СВЕТ

«ПОХИЩЕНИЕ БЫКА
ИЗ КУАЛЬНГЕ»

Крупнейший памятник героического эпоса средневековой Ирландии. Повествуется о борьбе Кухулина, храбрейшего из воинов северного королевства страны уладов с войсками королевы Медб и короля Айлиля. Большой интерес представляет широкий фон обычаев, нравов, мифологических и религиозных представлений. В издание включены также саги меньшего объема, традиционно предваряющие основной текст.

Книги можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации без ограничения.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197345 Ленинград, Петрозаводская ул. 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига»

или в ближайший магазин «Академкнига»

